

ISSN 0869-4427

Отечественные
АРХИВЫ

1

2009

ООО «Промтара ПКФ»

Ведущий российский производитель систем хранения документов с 1998 г.

Спектр нашей продукции включает архивные короба и папки из:

- ✓ нейтрально-кислотного целлюлозного гофрокартона;
- ✓ бескислотного целлюлозного электрокартона;
- ✓ переплётного картона, оклеенного бумвинилом, коленкором или лидеринром.

Основной ассортимент представлен на сайте: www.promtara.com

Купить нашу продукцию и получить консультацию можно у наших дилеров во всех регионах России.

Возможны индивидуальные конструкции и размеры папок и коробов.

До начала производства изготавливается опытный образец.

197183, Санкт-Петербург, ул. Заусадебная, д. 31. ООО «Промтара ПКФ»

Тел.: (812) 430-41-11, 430-02-90, 431-01-01, 431-09-51

E-mail: upak@promtara.com

Отечественные АРХИВЫ

1
2009

научно-
практический
журнал

Издается с 1923 года. Выходит один раз в два месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

История и практика архивного дела и делопроизводства

- Н.Д. Нерозникова.** Первые руководители Национального архива Республики Татарстан (1928–1938 гг.) 3
- Н.В. Хисамутдинова.** А.П. Георгиевский – один из зачинателей архивного дела в Приморском крае 11
- А.Н. Сокова, Т.Р. Белая.** ЕГСД – 35 лет 16
- А.С. Усачев.** Степенная книга и материалы Царского архива XVI в. 22
- А.С. Минаков.** Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики 28
- Д.В. Янчарук.** Оценка информационного потенциала документов Куйбышевского завода синтетического каучука 36
- С.Т. Дерендяева.** Из опыта работы ЦДНИ Удмуртской Республики по выявлению и описанию особо ценных документов 44

В фондах российских и зарубежных архивов

- Н.В. Усманов.** Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921–1923 гг.: документы госархивов Республики Башкортостан 48
- А.П. Линькова.** Документы Сызранского филиала ЦГА Самарской области о деятельности АРА в Поволжье в 1921–1923 гг. 55
- Т.В. Котюкова.** Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан) 60
- О.Г. Леонтьева.** Письма русских эмигрантов А.Ф. Керенскому в Центре гуманитарных исследований Техасского университета 70

Представляем архив

- Т.И. Березкина, Т.В. Иванова.** Муниципальный архив г. Вичуги 77

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

- «...Наша деревня опустошена до последнего семенного зернышка». Из дневников литературного критика К.Л. Зелинского и информационных сводок ОГПУ о голоде в СССР. 1933 г. Публикацию подготовили **З.К. Водопьянова, В.В. Кондрашин** 87
- «...Преобразование, неотложность коего бесспорна...» Записка председателя Совета министров Б.В. Штюмера императору Николаю II о необходимости проведения областной реформы. 7 июля 1916 г. Публикацию подготовил **С.В. Любичанковский** 95

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Е.В. Старостин.** Архив ВЧК: Сборник документов 105
- А.И. Пиреев.** Земли родной минувшая судьба (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края) 107

Д.З. Фельдман. Миндлин А.Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 годы: справочник персоналий

110

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

Конференции, совещания, семинары

Л.А. Кобелькова. «Историческая и политическая проблема массового голода в СССР 30-х годов»	113
М.Г. Нечаев. «Гражданская война на востоке России»	115
С.А. Рыжкова. «Политические репрессии первой половины XX в. в судьбах технической интеллигенции России»	116
Н.С. Зелов. «Круглый стол» в Госархиве Российской Федерации	117
Л.С. Георгиевская. Семинар в ЦГАЛИ Санкт-Петербурга	118
М.В. Шишлова. Научный совет курских архивистов	119
Г.В. Романова. Пятые Сыгинские чтения	121
Г.А. Мельничук. «Шацк: 455 лет в истории России»	122

Выставки

Н.Ю. Болотина (Москва), И.Н. Ильина (Москва), А.И. Минюк (Москва). Архивы представляют	123
--	-----

* * *

Т.А. Терехина. Новоселье омских архивистов	127
Смотр-конкурс на лучшую организацию работы архивохранилища федерального архива завершен	128
М.В. Шишлова. Конкурс на лучший муниципальный архив Курской области 2008 г.	128
Т.А. Бондаренко. Правительственный грант – тувинским архивистам	129

Юбилей

Т.И. Косицына, А.В. Размахнина, Л.В. Салеева. Е.И. Елизаровой – 90 лет	130
Н.К. Коробейникова. Архивисты Удмуртии – к 85-летию государственной архивной службы республики и 90-летию государственной архивной службы России	131
А.В. Махкамов. Государственному архиву г. Ташкента – 35 лет	131

* * *

Г.П. Пирожков (Тамбов), М.В. Шишлова (Курск), Л.А. Бякова (Шадринск). Вышли в свет	133
О.В. Полухина (Волгоград), З.Е. Гусакова (Саратов). Новые поступления региональных архивов	135
С.Л. Солодовникова. Памяти М.В. Воробьева	138
Б.М. Садовников (1939–2009)	138

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

О.В. Рыкова. Главное, что воспоминания эти написаны и книга с таким чудесным названием существует	139
--	-----

* * *

Наши авторы	142
-----------------------	-----

Главный редактор Т.И. БОНДАРЕВА

Редакционная коллегия

В.И. АДАМУШКО, А.Н. АРТИЗОВ, В.Д. БАНАСЮКЕВИЧ, Е.М. БУРОВА, В.К. ВИНОГРАДОВ, Т.М. ГОРЯЕВА, И.Н. КИСЕЛЕВ, Л.А. КОБЕЛЬКОВА (зам. главного редактора), В.М. ОСИН (редактор отдела), Т.Ф. ПАВЛОВА, Е.В. СТАРОСТИН, Е.А. ТЮРИНА, В.Н. ШЕПЕЛЕВ, С.О. ШМИДТ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

*История и практика архивного дела и делопроизводства**Н.Д. Нерозникова***Первые руководители Национального архива
Республики Татарстан (1928–1938 гг.)**

В истории Национального архива Республики Татарстан отправной точкой можно считать 1928 г., когда в отчете Татцентрархива за период с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г.¹ появляется упоминание о разделении архивных фондов на Исторический архив (Истарх) и Архив Октябрьской революции (АОР)² и назначении заведующих этими учреждениями.

Первые сведения, затрагивающие отдельные аспекты развития архивного дела в Татарстане, были опубликованы в «Записках Центрального архива ТССР» (с 1928 г. – «Бюллетень Центрального архивного управления ТР»), издававшихся с 1925 по 1933 г., а также в статье сотрудника ЦАУ ТАССР В.Г. Бебешко³.

Изучение истории архивного дела в Татарстане, в том числе за 1928–1938 гг., актуализировалось в постсоветский период в связи с возрастанием интереса общества к архивам⁴. В 2006 г. вышел в свет сборник документов «Государственная архивная служба Татарстана (1916–2006 гг.)»⁵, в 2007 г. издана монография канд. ист. наук Р.Г. Шамсутдиновой на основе ее диссертации⁶.

Согласно приказу Татцентрархива от 30 октября 1928 г., АОР ТАССР возглавил Алексей Анисимович Тарасов⁷. Выходец из крестьянской семьи д. Сетяково Елабужского уезда Вятской губернии, крещеный татарин, в 1918 г. окончивший Бирскую учительскую семинарию, «единственное казенное учебное заведение в районе исключительно для инородцев», он десять лет работал учителем, а в 1928 г. получил диплом Восточного педагогического института и был принят на работу в Татцентрархив⁸. Как члена ВКП(б), участника установления советской власти в г. Бирске, представителя коренной национальности, Центрархив РСФСР утвердил Тарасова в должности заведующего АОРОм⁹ и одновременно заместителем управляющего Татцентрархивом и заведующим секретным отделом¹⁰. Он продолжал и преподавательскую деятельность. Комиссия по улучшению качественного состава служащих Татцентрархива в апреле 1929 г. отметила у заведующего АОРОм отсутствие профильного образования и опыта архивной работы и рекомендовала «использовать по специальности в культурно-просветительских учреждениях»¹¹. И хотя Тарасова все же решили оставить на

прежней должности, он сам написал заявление с просьбой освободить его от работы в Татцентрархиве, которое удовлетворили 29 августа 1929 г.¹²

Заведующим Истархом назначили 63-летнего специалиста с дореволюционным стажем Александра Васильевича Волочкова¹³. Он происходил из семьи служащего С.-Петербургской городской управы, окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, преподавал латинский язык в Саратовской гимназии, был инспектором старейшей в России Первой Казанской мужской гимназии, директором мужской гимназии в г. Тетюши Казанской губернии, секретарем совета и преподавателем Северо-Восточного археологического и этнографического института (Восточной академии), который до создания Главного управления архивным делом и начала работы его уполномоченных на местах занимался сохранением архивов казанских губернских учреждений. После ликвидации института в 1922 г. работал инспектором Татцентрархива и за шесть лет объездил всю республику, обследовал кантональные архивы, а также архивы организаций г. Казани, обучал архивному делу других и одновременно учился сам. «Эта последняя должность, приближая меня к науке в качестве архивного работника, отвечает моему желанию посвятить все свои силы и приобретенные знания по этому делу на пользу государства и народа», – писал он в автобиографии в 1926 г.¹⁴ В характеристике, данной ему комиссией по улучшению качественного состава служащих Татцентрархива, сказано: «Архивное дело знает практически и теоретически хорошо. Под номенклатуру требований Центрархива РСФСР подходит, но имеет преклонный возраст... как соответствующего своему назначению оставить в занимаемой должности»¹⁵.

Сотрудники Татцентрархива: в первом ряду второй слева А.В. Волочков, третий – Е.И. Медведев, во втором ряду второй – З.Ш. Тагиров. 1933–1934 гг. НА РТ. Фототека. Оп. 12. № 2955

В 1929–1931 г. архивному делу республики был нанесен огромный вред. К лету 1929 г. Татцентрархив сконцентрировал в отведенных ему помещениях до 900 тыс. ед. хр. дореволюционного и советского периодов. К этому времени большинство фондов разобрали и разместили на стеллажах, многие из них стали доступны для описания и научной работы¹⁶. Однако в августе 1929 г. СНК ТАССР потребовал срочно освободить занимаемые Татцентрархивом здания для нужд Наркомата просвещения, и уже в сентябре архивные документы оказались во временных помещениях. В ноябре–декабре Исторический архив вывезли из временных хранилищ, свалив документы на паперти Кафедрального собора в Кремле и на полу одной из церквей Ивановского монастыря¹⁷. А.В. Волочков в докладной записке в Татцентрархив от 30 декабря 1930 г. по этому поводу сообщал: «Крайняя спешность перевозки в связи с необходимостью укладки материалов громадными штабелями на полу необорудованных стеллажами отведенных помещений привела материал в полный беспорядок: в этих группах все перемешалось и сделало невозможным отыскать не только требуемый материал, а подчас даже целый фонд, нередко попавший своими частями в три-четыре помещения... не могло быть и речи о продолжении налаженной работы по систематической разборке архивного материала и подготовке его к наиболее удобному использованию для научно-исследовательских работ и хозяйственно-плановых заданий учреждений и организаций. Приходилось думать, прежде всего, о постепенном восстановлении нарушенного порядка в разгромленном материале»¹⁸.

В мае 1931 г., в связи со сносом церкви Ивановского монастыря, состоялось последнее перемещение Исторического архива. Благодаря самоотверженности коллектива Татцентрархива и энергичному руководству командированного в Казань старшего архивиста-консультанта ЦАУ РСФСР Б.И. Анфилова в рекордно короткие сроки архив был перевезен в Воскресенскую церковь, где находился до 1936 г.¹⁹ и тем самым «спасен от вторичной разрухи, и к большинству его фондов открылся доступ для научно-исследовательской работы при условии дальнейшей детальной их разборки»²⁰. Разбором документов и их погрузкой в Ивановской церкви руководил А.В. Волочков. Работать приходилось в тяжелых и опасных для жизни условиях – «холодно, пыльно, темно, град кирпичей с крыши разбираемого здания»²¹.

В отчете Татцентрархива о деятельности за период с 1 октября 1929 г. по 1 октября 1930 г. перемещение архивных документов было расценено как «внезапная катастрофа», которая отбросила архивное строительство в республике на несколько лет назад²². Проведенное Центрархивом РСФСР в феврале и июне 1930 г. обследование Татцентрархива показало, что по своему состоянию его архивы находятся на последнем месте в РСФСР. «Нигде нет такого положения, чтобы материалы гнили в кучах, а советские органы безразлично относились к этому», – отмечалось в докладе. Далее обращалось внимание на то, что «Татархиву в необходимых средствах на оборудование Исторического архива много раз отказывал СНК Татареспублики»²³.

Более важными в те годы считались документы АОРа, поэтому именно их в первую очередь перевозили в Кафедральный собор, приводили в порядок и размещали на построенных там стеллажах. Приоритетность этих документов обуславливал также большой наплыв заявлений о выдаче справок (до 2 тыс. в год) от частных лиц и компетентных органов, проводивших чи-

стки аппаратов учреждений. Управлением Татцентрархива к разбору документов АОРа были привлечены все сотрудники обоих архивов, архивариусы организаций, а также состоящие на учете на бирже труда²⁴.

Новым заведующим АОРом 1 апреля 1930 г. назначили бывшего рабочего, кандидата в члены ВКП(б) Владимира Александровича Данилова²⁵. Он накануне окончил пятимесячные архивные курсы в Москве, имел опыт архивной работы (три года архивариусом в Пермском архивбюро и около года архивариусом Татцентрархива)²⁶. На него возложили организацию перевозки архивных документов в Кафедральный собор. По воспоминаниям одного из сотрудников, «дела выбрасывались со второго этажа, разбивались связки, документы расхищались при перевозке, все улицы центра города были засыпаны архивными бумагами»²⁷. За срыв порученного дела в ноябре 1930 г. Данилов «освобождается от должности»²⁸ заведующего АОРом. Однако спустя полтора года, 7 июля 1932 г., его назначают заместителем управляющего, заведующим секретным отделом и АОРом. В Татцентрархиве он служит по совместительству, основная работа – в Татарском отделении Единого партийного архива, участие в инспекторских проверках районных партархивов²⁹, выявление документов по истории Татарской партийной организации. Выполнять план работы АОРа, совмещая с другой деятельностью, Данилову оказалось не под силу: вскоре он пишет заявление с просьбой «освободить от работы по совместительству» и в начале 1933 г. уходит из Татцентрархива³⁰.

В республике остро ощущался недостаток специалистов, особенно коренной национальности. Данный вопрос поднимался еще в 1929 г. во вре-

М.Н. Олимпова. НА РТ. Ф. Р-7. Оп. 10. Д. 41. Л. 1

мя инспекторской проверки Татцентрархива представителем Центрархива РСФСР Поплаухиным³¹, а в резолюции Президиума СНК ТАССР от 7 марта 1932 г. по докладу комиссии по «чистке» Татцентрархива предлагалось «коренизировать» аппарат Татцентрахрива до 50 %³².

В сентябре 1933 г. на должность научного сотрудника – заведующего АОРОм пригласили Заки Шакирджановича Тагирова, сына выдающегося татарского педагога и просветителя. Он окончил Московский институт востоковедения и аспирантуру Российского научно-исследовательского института народов Востока по специальности «История народов СССР» и после возвращения на родину работал преподавателем в Казанском восточном педагогическом институте³³. Новому заведующему удалось изменить ситуацию к лучшему. В отчетах Татцентрархива за 1933 и 1934 гг. читаем: «Назначение заведующим АОРОм научного работника внесло в организацию работ этого отдела научное руководство и систематичность, ликвидировав работу от случая к случаю»³⁴.

В то время Татцентрархивом управлял выпускник Казанского восточного педагогического института, в будущем известный поволжский историк профессор Самарского университета Ефрем Игнатьевич Медведев, сменивший в 1930 г. на этом посту бывшего партийного и советского работника М.А. Зайцева. К 1933 г. приоритетным направлением становится использование документов. Научно-издательская деятельность Татцентрархива именно во время руководства Медведева была наиболее продуктивной. На одном из совещаний он высказал свою точку зрения по этому вопросу: «Напрасно некоторыми считается недостатком упор на научную публикацию за счет некоторого ущерба для архивно-научной стороны. Ведь именно благодаря отклонениям от чисто архивной работы к издательской работе Татцентрархив поднял свой авторитет»³⁵. Тогда были изданы сборники документов «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции» (Казань, 1932), «Первый год пролетарской диктатуры в Татарской Республике» (Казань, 1933), подготовлены к печати «История Первой казанской суконной мануфактуры 1714–1883 гг.», «Документы по образованию Татарской Республики», «Каталог приказной письменности» и «Сборник узаконений по архивному делу» на татарском и русском языках. Выявлялись документы по истории крупнейшей в Казани льнопрядильной фабрики им. В.И. Ленина (имевшие важное значение для изучения рабочего движения в Казанской губернии), истории Гражданской войны, национального строительству в республике и др.

Основная работа легла на плечи заведующих архивами: проводили выявление, археографическую обработку документов, готовили исторические статьи к сборникам; А.В. Волочков работал по документам Истарха³⁶, З.Ш. Тагиров переводил на татарский язык сборник узаконений. Приходилось переключаться на другие работы, например на каталогизацию документов и т.п.³⁷ Вместе с управляющим Татцентрархивом заведующий АОРОм занимался организацией выставок. Так, в отчете о деятельности архива за 1934 г. отмечено, что «работа по устройству выставок по сравнению с предыдущими годами значительно усилилась, приняв вид самостоятельно устраиваемых выставок»³⁸.

Помимо использования документов научные сотрудники Татцентрархива уделяли серьезное внимание постановке архивного дела в районах рес-

публики. Особая роль здесь отводилась организованному Татцентрархивом в соответствии с постановлением СНК ТАССР от 1 августа 1931 г.³⁹ архивным курсам для районных архивариусов, которые действовали в 1933, 1934, 1935 гг. Это были двухнедельные курсы, количество слушателей составляло 25–26 человек. «Чтобы к моменту открытия архивных курсов Татцентрархив имел достаточные сведения о состоянии районных архивов с архивами совхозов, колхозов и сельсоветов и о работе архивариусов»⁴⁰, провели обследование райархивов. На курсах З.Ш. Тагиров читал лекции (по истории народов СССР, методике и технике архивного дела, делопроизводству и организации работы в архивах организаций) для татарской группы, А.В. Волочков – для русскоязычных учащихся⁴¹.

Кроме того, заведующие АОРОм и Истархом в составе созданной в феврале 1929 г. поверочной комиссии Татцентрархива активно участвовали в макулатурных кампаниях, продолжавшихся первую половину 1930-х гг., контролировали работу разборочных комиссий, выделявших макулатуру из архивов организаций республики⁴², ездили по районам, проверяя ход макулатурных кампаний на местах.

С 1934 г. кадровый состав Татцентрархива существенно меняется. Первым, в связи с уходом на пенсию 9 июня 1934 г., оставил свой пост А.В. Волочков⁴³. Став преподавателем латинского языка в Татарском медицинском институте, он еще до 1936 г. по совместительству работал научным сотрудником Татцентрархива⁴⁴. В феврале 1935 г. по обвинению в троцкизме был снят с должности и арестован Е.И. Медведев.

В 1935 г., в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1934 г., Исторический архив и Архив Октябрьской революции получили статус республиканских архивов⁴⁵. Директором Истарха 2 марта

А.И. Ямпольская. 1951 г. НА РТ. Ф. Р-7. Оп. 10. Д. 80. Л. 2

1935 г. назначили выпускницу Историко-архивного института Марию Николаевну Олимпову⁴⁶, а управляющей Татцентрархивом в январе 1936 г. – выпускницу того же института Александру Ивановну Ямпольскую. Обе они проработали до начала 1950-х гг.: первая в 1941–1954 гг. в должности начальника Центрального государственного архива ТАССР, вторая в 1939–1953 гг. – начальника архивного отдела НКВД–МВД ТАССР. К руководству Татцентрархивом на смену историкам пришли историки-архивисты.

Во главу угла теперь ставились задачи упорядочения и описания архивных документов, а работы по использованию практически сворачивались. Об этом говорилось на заседании Президиума ЦИК СССР 27 июня 1935 г., который констатировал, что основной причиной неудовлетворительного состояния архивного дела в СССР является недостаток квалифицированных кадров, и в ряду других мер постановил увеличить контингент приема студентов в Историко-архивный институт, а также сократить план издательской работы ЦАУ СССР «впредь до полного упорядочения архивного дела»⁴⁷. В свою очередь, Президиум ЦИК ТАССР на заседании 2 декабря 1935 г. рекомендовал Татцентрархиву на должности научных сотрудников привлекать выпускников Историко-архивного института и обязал в течение 1936 г. довести разбор и описание архивных материалов государственных архивов до 80 %⁴⁸.

В декабре 1935 г. ЦАУ РСФСР обследовало Татцентрархив и пришло к выводу: «В 1936 г. ... работу переключить на разборку и описание архивного материала и на учет. Научных работников надо заставить руководить разборкой и, если надо будет, посадить их и на описание»⁴⁹. З.Ш. Тагиров выступил категорически против. «Я в корне не согласен с тем, чтобы научные работники занимались техническими работами, нельзя же их превращать в архивно-технических работников. Работу по организации справочного аппарата необязательно выполнять научным работникам, это не их дело», – говорил он на совещании, посвященном результатам обследования. На что А.И. Ямпольская ответила: «1936 год должен быть годом ударных работ по разборке и описанию, и, если понадобится, посадим на эту работу и научных работников, как бы они этого и ни хотели»⁵⁰. В корне не согласный с такой постановкой дела З.Ш. Тагиров в сентябре 1936 г. по его просьбе был освобожден от должности директора АОРА⁵¹. Его сменил выпускник Историко-архивного института Гасим Вагизович Каримов⁵².

С апреля 1938 г. по всей стране госархивы постепенно передаются в систему Наркомата внутренних дел и перед ними ставятся новые задачи. Так завершился первый этап в истории Национального архива Республики Татарстан и начался следующий – в структуре НКВД и во главе с новой плеядой руководителей.

¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 208. Л. 4.

² В соответствии с Положением об организации Единого государственного архивного фонда РСФСР, утвержденным Центрархивом РСФСР 3 февраля 1925 г., материалы ЕГАФ РСФСР по времени возникновения делились на до-

революционные (исторические архивы) и пореволюционного периода (архивы Октябрьской революции). (См.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 108.) В регионах Положение стало проводиться в жизнь лишь с 1927 г.

³ *Бешешко В.* Опыт подготовки и переподготовки архивных кадров

ТАССР // Архивное дело. 1936. № 2. С. 74–80.

4 Научно-документальные издания и формирование исторического самосознания народов Поволжья и Приуралья: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. 12 сентября 2000 г. Казань, 2000; *Шамсутдинова Р.Г.* Архивы Республики Татарстан: использование архивных документов в 1918 – начале 1930-х гг. // Историческая наука в Казанском университете: Материалы науч. конф. 3–4 декабря 1999 г. Казань, 2000. С. 150–151; *Садыхова Р.Б., Шамсутдинова Р.Г.* Архивы на службе социалистическому хозяйству // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2001. № 1/2. С. 235–248; Проблемы и перспективы ввода в научный оборот архивных документов по истории культуры народов Среднего Поволжья: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. 26 ноября 2003 г. Казань, 2003; и др.

5 Государственная архивная служба Татарстана (1916–2006 гг.): Сб. док. и материалов / Отв. сост. Д.И. Ибрагимов; сост. Л.В. Горохова, Н.Д. Нерозникова, Н.А. Шарангина. Казань, 2006.

6 *Шамсутдинова Р.Г.* Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.). Казань, 2007.

7 НА РТ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 51. Л. 1 об.

8 Там же. Оп. 4 л. Д. 355. Л. 3 об.

9 Там же. Л. 4.

10 Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 1 об. Заведующие Архивом Октябрьской революции исполняли обязанности по этим должностям до 1933 г., когда по инициативе управляющего Татцентрархивом Е.И. Медведева должность заведующего АОРОм была выделена в самостоятельную штатную единицу. (Там же. Д. 389. Л. 80–80 об.)

11 Там же. Д. 264. Л. 1.

12 Там же. Д. 51. Л. 16.

13 Там же. Л. 2.

14 Там же. Оп. 4 л. Д. 69. Л. 33 об.

15 Там же. Оп. 1. Д. 264. Л. 2.

16 *Шамсутдинова Р.Г.* Архивное дело в Татарстане... С. 120.

17 НА РТ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 264. Л. 36.

18 Там же. Л. 35 об.

19 Постановлением СНК ТАССР от 15 июля 1936 г. Центральному архивному управлению ТАССР в безвозмездное пользование было передано здание старообрядческой церкви на ул. Старая, где документы находились до начала 1990-х гг. (Там же. Д. 665 а. Л. 12.)

20 Там же. Д. 308. Л. 43.

21 Там же. Л. 26.

22 Там же. Д. 272. Л. 71.

23 Там же. Д. 264. Л. 11 об. – 12.

24 Там же. Д. 257. Л. 27.

25 Там же. Д. 51. Л. 38 об.

26 Там же. Д. 264. Л. 8.

27 Там же. Л. 45.

28 Там же. Д. 51. Л. 54.

29 *Шамсутдинова Р.Г.* Архивное дело в Татарстане... С. 188.

30 НА РТ. Ф. Р-7. Оп. 4 л. Д. 110. Л. 10; Оп. 1. Д. 51. Л. 92 об.

31 Там же. Оп. 1. Д. 262. Л. 6.

32 Там же. Д. 349. Л. 1.

33 Там же. Оп. 4 л. Д. 354. Л. 12–13 об.

34 Там же. Оп. 1. Д. 417. Л. 14.

35 Там же. Д. 433. Л. 2 об.

36 Там же. Л. 6; Д. 473. Л. 4.

37 Там же. Д. 460. Л. 6.

38 Там же. Д. 435. Л. 32.

39 Там же. Д. 357. Л. 20 об.

40 Там же. Д. 432. Л. 1 об.

41 Там же. Д. 430. Л. 7; Д. 457 а. Л. 14.

42 Там же. Д. 272. Л. 6 об.

43 Там же. Д. 51. Л. 112.

44 Там же. Оп. 4 л. Д. 69. Л. 72–72 об., 74.

45 Там же. Оп. 1. Д. 465. Л. 11.

46 Там же. Д. 51. Л. 130.

47 Там же. Д. 458. Л. 1–1 об.

48 Там же. Л. 3.

49 Там же. Д. 483. Л. 1.

50 Там же. Л. 1–2.

51 Там же. Оп. 4 л. Д. 354. Л. 24.

52 Там же. Оп. 1. Д. 494. Л. 2.

Н.В. Хисамудинова

А.П. Георгиевский – один из зачинателей архивного дела в Приморском крае

Имя Александра Петровича Георгиевского, заложившего основы архивного дела в Приморском крае, хорошо известно не только архивистам, но и всем, кто интересуется историей Дальнего Востока. Он обладал многочисленными талантами: стоял у истоков создания здесь высшей школы, был известным лингвистом, профессором Дальневосточного университета, автором многих научных работ и учебных пособий. О Георгиевском как архивисте и филологе написан ряд статей¹, сведения о нем содержат издания, вышедшие при жизни ученого и в наши дни², а также документы дальневосточных архивов³.

Новые факты биографии этого незаурядного человека удалось установить благодаря переписке с его внучками, Натальей и Татьяной Фроловыми, передавшими автору данной статьи часть личного архива А.П. Георгиевского: фрагменты автобиографии, рукописи неопубликованных работ, семейные фотографии⁴. Эти документы помогли исправить неточности, имевшиеся в публикациях о нем. Так, до сих пор считалось, что местом кончины Георгиевского был Ленинград, однако документы свидетельствуют, что последние годы жизни ученый провел в Свердловске.

А.П. Георгиевский родился в 1888 г. в Новгородской губернии; в 1913 г. окончил С.-Петербургский археологический институт по специальности «архивоведение» и на следующий год – факультет русского языка и литературы С.-Петербургского университета, где обучался в одном семинаре с А.А. Блоком. Учебная специализация определила и дальнейшие научные пристрастия А.П. Георгиевского: в течение многих лет он сочетал занятия русской филологией, лингвистикой и архивным делом.

Получив университетский диплом, А.П. Георгиевский был назначен преподавателем реального училища в Казани, работал там до начала Гражданской войны. В 1918 г. вместе с другими беженцами его семья переехала на Дальний Восток. Александр Петрович поступил работать учителем русского языка в женскую гимназию г. Никольск-Уссурийска, рас-

А.П. Георгиевский в рабочем кабинете историко-филологического факультета ГДУ. 1923 г.

положенного в ста километрах от Владивостока. В то время активно обсуждалась идея открытия историко-филологического факультета будущего университета во Владивостоке. Был создан специальный комитет, в работе которого участвовал и Георгиевский. В 1919 г. он уже преподавал на кафедре русского языка и литературы историко-филологического факультета, занимал должность его секретаря, входил в бюро по составлению проекта Государственного Дальневосточного университета (ГДУ)⁵.

Именно в этот период сотрудники факультета – в основном историки и филологи – обеспокоились сохранностью архивных документов. Нетрудно представить ситуацию с архивами во Владивостоке и других дальневосточных городах времен Гражданской войны: документы гибли от сырости и частых пожаров, расхищались злоумышленниками, нередко их сознательно уничтожали – иногда с корыстной целью, а чаще, чтобы освободиться от чрезмерного количества накопившихся бумаг⁶. Многие организации закрывались, другие спешно переезжали, бросая архивы. В моменты массовой эмиграции наиболее ценные документы вывозились за границу, а те, что могли послужить компрометирующим материалом, уничтожались. Кроме того, острая нужда в бумаге заставляла учреждения использовать попавшие в их распоряжение архивы для собственных целей, а население растаскивало документы для растопки печей⁷.

Архивисту по образованию такая ситуация не могла не внушать тревогу. «Материалы, оставшиеся в пределах края, оказались разбросанными в разнообразных районах, перепутанными, – писал А.П. Георгиевский, – и необходим значительный промежуток времени, чтобы эти материалы вернулись в надлежащие хранилища, после чего лишь только и можно будет говорить об обстоятельном изучении богатого и интересного, что и сейчас можно утверждать, письменного культурно-исторического наследия края»⁸.

В июне 1920 г. Георгиевский возглавил инициативную группу по организации во Владивостоке архивной комиссии. Энтузиасты сразу же отправили запрос властям о ее учреждении, но получили отказ. Тем не менее группа не прекратила работы и открыла в частном порядке при ГДУ «инициативное бюро по учреждению областной архивной комиссии». Они не получали финансирования ни от вуза, ни от дальневосточного правительства, однако проделали в рамках бюро большую работу по осмотру имевшихся во Владивостоке архивов и охране их от расхищения. Так, А.П. Георгиевский и его сподвижники провели анализ важнейших ведомственных архивов: штаба Владивостокской крепости, приамурского генерал-губернатора, областного управления, окружного суда и других организаций⁹.

В конце 1921 г. Приморская областная архивная комиссия все же была официально создана, и Георгиевского назначили ее председателем. В то время он исполнял обязанности декана историко-филологического факультета ГДУ. В Положении о комиссии говорилось, что она является самостоятельным государственным органом, объединяющим и контролирующим все вопросы, касающиеся архивного дела в Приморской области, и находится в ведении областного отдела народного просвещения. По статусу архивная комиссия приравнивалась к научному учреждению, в задачу которого входили «разыскивание, собирание, систематизация, научная оценка и издание архивных документов; разыскивание предметов древности, собирание сведений о находящихся в крае памятниках старины и охрана их»¹⁰.

В связи со столь многогранными задачами в работе комиссии выделялось три направления: организаторское, техническое и научное. К концу 1922 г. ее сотрудники сумели описать и принять на хранение документы бывшего Народного собрания Дальнего Востока и местного бюро по делам печати («Прессбюро»). Были составлены описи наиболее важных дел архивов морского ведомства, областного земства, епархиального совета, городского самоуправления Владивостока. Об этом А.П. Георгиевский рассказал на Первом естественно-историческом съезде в Никольск-Уссурийске осенью 1922 г. Он особо остановился на значении архивов Дальнего Востока в изучении производительных сил края. Перечислив уже приведенные в порядок и описанные фонды, председатель архивной комиссии сделал следующий вывод: «Все фонды относятся к тому моменту, когда на побережье Тихого океана Россией серьезно был поставлен вопрос об условиях и формах развития здесь сельского хозяйства и промышленности. Поэтому историк Приморья не может обойтись без этих первоисточников и, несомненно, найдет в них богатый для себя материал»¹¹.

С установлением на Дальнем Востоке в конце октября 1922 г. советской власти на регион распространился декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике». Архивную комиссию преобразовали в Приморское губернское архивное бюро с прежними сотрудниками. Заведующим бюро назначили профессора ГДУ А.П. Георгиевского; его давний единомышленник профессор-китаевед А.В. Гребенщиков стал руководить организационным отделом, доцент З.Н. Матвеев – издательским, а выпускник ГДУ П.П. Станков – техническим. Уже имея опыт архивной работы, они всеми силами стремились создать настоящий архив, разыскивая, перевозя и описывая документы ведомственных архивов. К концу 1920-х гг. в архиве насчитывалось 1389 фондов¹². Была проведена их классификация по периодам: дореволюционный и советский. Внутри них выделялись секции: народного хозяйства, политики и права, военная, культуры и быта.

Полученные нами фотографии А.П. Георгиевского позволяют по-новому увидеть его место в профессорском социуме Владивостока. Судя по снимкам, он был человеком общительным и имел много друзей. Семья Георгиевских дружила с А.М. и Л.А. Мерварт, этнографами-индологами из Петербурга. По пути в Россию из длительной экспедиции в Индию они в 1918 г. остались во Владивостоке. Как и Георгиевский, супруги Мерварт приняли участие в организации ГДУ и работали там до своего возвращения в 1923 г. в Петроград. С их отъездом Георгиевские тесно сблизились с семьями других преподавателей ГДУ: урожденного дальневосточника, окончившего физико-математический факультет Новороссийского университета и педагогические курсы на естественно-географическом отделении, К.А. Гомонова и математика по образованию, выпускника Казанского университета, переехавшего во Владивосток в годы Гражданской войны, А.П. Бекеева.

Архивную работу и преподавание в вузе А.П. Георгиевский успешно сочетал с научными исследованиями в области лингвистики. Он писал: «Политические события на Дальнем Востоке были мало благоприятны, хотя я и продолжал, насколько можно было, научную работу в районах Приморья при участии известного исследователя Дальнего Востока и писателя

В.К. Арсеньева. Развить работу смог с 1923 г., когда в течение ряда лет обследовал и изучал Приморье, Охотско-Камчатский край, Приамурье, Забайкалье, Прибайкалье»¹³. В этот период ученый выпустил несколько учебных пособий для студентов ГДУ, а в помощь архивистам составил инструкцию для разбора ведомственных архивов и других материалов, в которой приво-дил примерный список документов, подлежащих хранению.

С 15 июля по 15 августа 1928 г. вместе со студентами и коллегами А.П. Георгиевский провел фольклорно-диалектологическую экспедицию в Амурском округе, осуществив ранее намеченный план подобного изучения русского населения Дальнего Востока. Экспедиция обследовала 174 селения, и везде в поле научных интересов Георгиевского помимо лингвистических проблем оставались вопросы архивного дела. «В пределах Амура, – писал он, – должны быть выделены вопросы заселения Амура русскими и борьбы, которая была выдержана ими с различными соседними народами, особенно с китайцами... С другой стороны, именно в Благовещенске должны быть материалы по добыванию и разработке различных горных богатств, по добыванию золота в долинах реки Зеи и других»¹⁴.

На следующий год неумолимый ученый продолжил комплексные исследования, побывав со спутниками в 51 селении Забайкалья. Он обратил внимание местных научных сил на основные моменты, характерные для сбора архивных документов на этой территории: «В пределах Забайкалья особенно должны быть выделены две главы русской истории, главным образом XVII–XVIII вв.»¹⁵. На первое место архивист поставил материалы Военной коллегии, иркутского губернатора, различных воеводских канцелярий и комендантов отдельных острогов. Важную роль он отводил и документам добывающей промышленности Забайкалья. «В этих архивах, – писал он, – содержатся небезыңтересные данные о метеорологических наблюдениях, составлявшихся “волостными головами” и препровождаемых в горную экспедицию. В этих наблюдениях сообщаются сведения о состоянии погоды на разные дни в течение тех месяцев, когда происходит рост хлебов... Конечно, эти данные примитивны и неточны, но для истории нашего сельского хозяйства на Дальнем Востоке, для характеристики попыток проверки успешного выращивания тех или иных хлебов в XVIII и начале XIX в. эти данные имеют не меньшее значение, чем описание наших современных опытов»¹⁶.

Результатом более чем десятилетнего изучения А.П. Георгиевским Дальнего Востока явились монография «Русские на Дальнем Востоке», напечатанная в семи выпусках «Трудов Дальневосточного университета» и отчетах Академии наук, а также ряд других работ. В 1927 г. Государственный ученый совет утвердил исследователя профессором, а Центральная комиссия по присуждению премий за научные труды (работала в составе Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР) премировала его.

Монография А.П. Георгиевского была не только лингвистическим исследованием. В этом многоплановом труде автор попытался проанализировать самые разнообразные вопросы совместного проживания на одной территории людей разных национальностей: исторические, этнографические, культурологические.

А.П. Георгиевский считал архивную работу одним из аспектов краеведения. Вступив в 1926 г. в члены Владивостокского отдела Русского

географического общества (Общество изучения Амурского края), он с увлечением выступал там по самым различным темам, докладывал о результатах своих экспедиций. Для преподавателей краеведения профессор подготовил учебное пособие «Программа для собирания сведений о старине, быте, творчестве и языке Дальневосточной области». В предисловии отмечено: «Собирание различных материалов старины, быта, творчества и языка народа или народов, населяющих страну, – дело чрезвычайной важности. По этим материалам, часто лучше, чем по книгам, можно знать прошлую историю народа, время его появления в известной местности, степень его культуры, формы сношений с соседними народами, главные виды хозяйства, торговлю, обычаи, различные проявления его творческих способностей. Прошлое русского народа – богатое и разнообразное. Наша задача – самое серьезное и глубокое его изучение. И жизнь, и наука, и школа – все зовет к этому, к изучению своей страны, своего края. Много и долго изучали Европейскую Россию, меньше изучали Сибирь и совсем мало – Дальний Восток. Задача самих живых культурных работников Дальнего Востока – сделать это. Пусть каждый, кто хочет и может, примет в этом деле самое горячее участие»¹⁷.

В это время в системе высшей школы начались преобразования: закрытие Дальневосточного университета в 1930 г., затем его восстановление в 1931 г., но уже без прежних площадей, длительная тяжба по возвращению здания, очередное закрытие в 1939 г. В 1930 г. А.П. Георгиевский перешел на работу в педагогический институт, а затем в Кабинет изучения народов Дальнего Востока Дальневосточного филиала Академии наук СССР. В конце 1930-х гг. он «в связи с состоянием здоровья и климатом ДВ» решил перевестись в Ленинградский педагогический институт им. Н.А. Некрасова, что и сделал. Точная дата переезда неизвестна, но, судя по снимкам из личного архива, в 1940 г. семья уже проживала в Ленинграде.

Здесь Георгиевские жили до начала блокады, а потом вместе с вузом эвакуировались в Свердловск, где и остались после войны. Александр Петрович продолжал заниматься научной работой и преподавал в местном педагогическом институте. На интернет-сайте Екатеринбургского государственного педагогического университета отмечен вклад А.П. Георгиевского в становление и развитие этого вуза¹⁸.

В последние годы жизни ученый включился в дискуссию по поводу реформы орфографии русского языка, опубликовал полемические статьи: «Без коренной ломки» в «Учительской газете» (сентябрь 1954 г.), «Коренная ломка орфографии или упорядочение?» в журнале «Русский язык в школе» (1955 г. № 1). Это были последние научные труды А.П. Георгиевского. 5 марта 1955 г. педагога и ученого не стало.

¹ См.: *Обшарина Е.С.* А.П. Георгиевский – исследователь фольклора Дальнего Востока // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. Владивосток, 1973. Т. 9. Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). С. 281–288; *Ермакова Э.В.* Зарождение

архивного дела в Приморье // Изв. Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: Сб. науч. тр. Владивосток, 1997. Т. 2. С. 12–16.

² Государственный Дальневосточный университет в г. Владивостоке. Владивосток, 1919. С. 39; Состав института // Бюллетень Краеведческого НИИ при

ГДУ / Под ред. Е.М. Чепурковского и Г.Н. Гассовского. 1925. № 1. С. 19; Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Стб. 651; *Кочешков Н.В., Турмов Г.П.* Дальневосточные профессора // Тр. Профессорского клуба. Владивосток, 1998. № 4. С. 21; и др.

³ Государственный архив Приморского края. Ф. 117. Оп. 3. Д. 31. Л. 88–88 об.; Д. 57; Государственный архив Хабаровского края. Ф. 537. Оп. 1. Д. 30. Л. 140–142.

⁴ Внучки А.П. Георгиевского живут в Екатеринбурге. Татьяна пишет стихи и выпустила поэтический сборник. Наталья – доцент кафедры астрономии и геодезии Уральского государственного университета им. А.М. Горького, участвовала в создании высокоточного каталога звезд вдоль пути кометы Галлея. За заслуги в астрономии ее именем названа одна из малых планет. Любезно предоставленные автору этой статьи документы пока еще не переданы на постоянное хранение в госархив.

⁵ *Георгиевский А.П.* Государственный Дальневосточный университет в прошлом и настоящем // Приморье, его природа и хозяйство: Сб. ст. Владивосток, 1923. С. 349–360.

⁶ Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 143.

⁷ Подробнее см.: *Костанов А.И.* Архивы Сибири и Дальнего Востока в 1917–1920 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5.

⁸ *Георгиевский А.П.* Вопрос об архивах и памятниках древней русской письменности в пределах ДВ края // Зап. Владивостокского отделения РГО. 1929. Т. 2 (19). С. 68.

⁹ *Георгиевский А.П.* Приморская областная архивная комиссия: Докл., прочит. на 1-м естественно-ист. съезде в Никольск-Уссурийске в 1922 г. Владивосток, 1923. С. 8.

¹⁰ Цит. по: *Ермакова Э.В.* Указ. соч. С. 14.

¹¹ *Георгиевский А.П.* Приморская областная архивная комиссия... С. 7.

¹² *Ермакова Э.В.* Указ. соч. С. 15.

¹³ Собр. Н.В. Хисамутдиновой. Краткая автобиография А.П. Георгиевского. Б.д. Л. 1.

¹⁴ *Георгиевский А.П.* Вопрос об архивах и памятниках... С. 71.

¹⁵ Там же. С. 69.

¹⁶ Там же. С. 70.

¹⁷ *Георгиевский А.П.* Программа для собирания сведений о старине, быте, творчестве и языке Дальневосточной области: Пособие для учителей краеведения. Владивосток, 1925. С. 1.

¹⁸ www.uspu.ru

А.Н. Сокова, Т.Р. Белая

ЕГСД – 35 лет

Исторический опыт со всей неизбежностью указывает на тесную связь крупных политических, социальных и технических реформ с изменениями в области организации государственного делопроизводства.

Попытки унификации правил работы с документами в управленческом аппарате предпринимались в России неоднократно. Такие задачи ставились в Генеральном регламенте¹ Петра Первого, основные положения которого действовали до начала XX в. и сохранили свою значимость до сегодняшнего дня. В 1931 г. Институт техники управления (ИТУ) при Народном комиссариате Рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ) разработал проект

Общих правил документации и документооборота (не были утверждены из-за ликвидации ИТУ в 1932 г.) и серию общесоюзных стандартов (ОСТов) на документы: форматы, качество бумаги, деловое письмо, протокол, командировочное удостоверение и др. Тогда требования стандартов были обязательны для применения (на титульном листе каждого стандарта значилось: «Стандарт – железный пролетарский закон»). Стандарты ИТУ были отменены постановлением Комитета стандартов в 1941 г. в связи с начавшейся Великой Отечественной войной.

В 1960-х гг. в СССР возникла потребность повышения эффективности управления, вследствие чего начались разработки автоматизированных систем управления (АСУ), внедрение которых требовало системного упорядочения управленческой документации, унификации форм документов, а также документальных процессов от возникновения документов до передачи их на ведомственное и государственное архивное хранение, включая разработку унифицированных форм документов, правил работы с ними, схем движения документов (документооборота) и т.д. Практически встал вопрос о необходимости единых правил ведения делопроизводства, поскольку документирование деятельности аппарата управления – одна из существенных составляющих его работы, а документы – форма фиксации управленческих решений и действий.

Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике выступил инициатором подготовки координационного плана, а Совет министров СССР принял постановление от 27 сентября 1967 г. № 900 «О разработке Основных положений Единой государственной системы делопроизводства» (ЕГСД)². Разработка поручалась Главному архивному управлению при Совете министров СССР (а именно – Всесоюзному научно-исследовательскому институту документоведения и архивного дела – ВНИИДАД), ряду ведущих министерств и ведомств (подведомственным им научно-исследовательским институтам): Минприбору СССР, Госстандарту СССР (Всесоюзному научно-исследовательскому институту стандартизации, Всесоюзному научно-исследовательскому институту технической информации, классификации и кодирования), Академии наук СССР (Институту государства и права), Госкомстату СССР и др.

Следует отметить, что ВНИИДАД консультировался со специалистами бывшего ИТУ НКРКИ Б.А. Гольцевым и О.Д. Жуковской, которые принимали участие в работе специально созданной общественной методической комиссии Главархива СССР во главе с А.С. Малитиковым. Их опыт и методические советы использовались разработчиками.

4 сентября 1973 г. председателем Государственного комитета Совета министров СССР по науке и технике Д.Жимериным было подписано постановление № 435 «Об Основных положениях Единой государственной системы делопроизводства», что означало окончание работы и положительную оценку проведенных исследований и достигнутых результатов. На Главархив СССР возлагалась задача обеспечить издание Основных положений ЕГСД и методическое руководство их применением в министерствах и ведомствах. Последним было рекомендовано использовать Основные положения ЕГСД при совершенствовании делопроизводства в центральном аппарате и подведомственных учреждениях, организациях, на предприятиях.

С вступлением ЕГСД в действие началась унификация делопроизводственных процессов, опиравшаяся на предложенную в ЕГСД методику, подкрепленную правительственным постановлением. Практическое внедрение проходило путем разработки на основе ЕГСД республиканских, ведомственных инструкций по делопроизводству, инструкций отдельных предприятий и организаций³, которые становились нормативно-правовыми документами и носили обязательный характер (в РСФСР ЕГСД была принята как нормативно-правовой акт). Одной из форм внедрения являлось использование ЕГСД в учебном процессе.

В ЕГСД три основных раздела. Первый содержит требования к составлению преимущественно организационно-распорядительных документов; наименования (номиналы) распорядительных документов, издаваемых определенными группами учреждений: министерствами, государственными комитетами, администрациями производственных предприятий (приказ, письмо, решение, распоряжение, указание и др.), состав реквизитов и правила их оформления, издания, т.е. требования, при соблюдении которых документ становится доказательством. Второй раздел посвящен организации труда делопроизводственного персонала: обязательность создания делопроизводственных служб, их обязанности и ответственность, численность работников. В третьем разделе рассматриваются вопросы подготовки традиционного делопроизводства к наступающей механизации и последующей автоматизации обработки документированной информации (унификация, стандартизация бланков и форм документов, оформления реквизитов).

Характерным для ЕГСД стало сопровождение методических рекомендаций различными нормативами, государственными стандартами, например ГОСТ 6.38-72 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», настраивавший работников делопроизводства на ответственное отношение к используемой терминологии как составной части юридической силы документа, ГОСТ 6.39-72 «Система организационно-распорядительной документации. Формуляр-образец», на принципиальном основании которого до сих пор учреждениями проектируются бланки документов. Несоблюдение государственных стандартов преследовалось по закону.

Основные положения ГОСТ 6.39-72 и других стандартов используются при разработке новых нормативных и методических материалов по делопроизводству. Однако сегодня, согласно федеральному законодательству, стандарты применяются на добровольной основе⁴.

Некоторые разработчики ЕГСД продолжают трудиться в этой сфере: В.Д. Банасюкевич, А.С. Красавин, А.Н. Сокова, Ю.А. Тихомиров, И.Д. Тиновицкая. Да и сама ЕГСД до сих пор используется государственными и коммерческими организациями в России и странах СНГ. Ведь состав образующихся в управлении документов по существу типовой, а система именно на это и рассчитана. Последовавшее в 1970-х гг. применение в делопроизводстве машиночитаемых документов лишь повысило значимость унификации форм документов, а также привело к практической классификации систем управленческой документации и разработке Общероссийского классификатора управленческой документации ОК 011-93 (ОКУД). В него вошли наименования унифицированных систем управленческой документации (первичной учетной, банковской, отчетно-статистической и др.),

названия документов и их устойчивых форм⁵. В числе унифицированных систем документации, включенных в ОКУД, находится Унифицированная система организационно-распорядительной документации (УСОРД), требования к формам и реквизитам документов которой по-прежнему соответствуют ЕГСД.

В то же время сегодня назрела необходимость существенной доработки отечественной нормативной и методической базы документоведения и документационного обеспечения управления, обусловленная прогрессом в информатизации общества, расширяющимся рынком технических и программных средств обработки информации, внедрением компьютерных технологий. С начала XXI в. в России предпринимаются попытки заменить традиционное бумажное делопроизводство электронными носителями и каналами передачи информации. Эти попытки, по-видимому, вызваны «информационным взрывом», связанным с развитием хозяйства, медленным продвижением бумажных документов, затрудняющим своевременное принятие управленческих решений; гигантским и постоянным ростом объема бумажных документов, осложняющим их организацию, поиск, использование, хранение и т.д. Неуклонный рост объема документов предопределен их специфическим свойством как материального ресурса, в процессе использования которого количество документов неизбежно увеличивается, поскольку приводит к возникновению новой информации. Кроме того, документированная информация – это огромное количество копий, бумажных машинограмм, возникших в результате использования первичных документов⁶. Источником роста документопотоков является также «ритуальная функция» документа, т.е. создание документа как управленческого действия, заменяющего действие реальное, и др.

Применение новых информационных технологий не снизило значимости ЕГСД. Даже далекие от делопроизводства специалисты оценили важность готовых методик фиксации, передачи, использования управленческой информации в такой сложной нормативной и социально ориентированной сфере, как документационное обеспечение управления. В любой организации переход к электронному документообороту, независимо от разработчика программы, объемов документооборота и внедрения системы, предваряется изучением и рационализацией существующего в организации бумажного документооборота. Практически каждая современная публикация по вопросам автоматизации делопроизводственных процессов начинается словами «нельзя автоматизировать хаос», а ведь это, по сути, цитата из ЕГСД⁷.

По-прежнему актуальны и рекомендации ЕГСД по регистрации документов в учреждениях⁸, хотя в период разработки системы они воспринимались как революционные. Тогда распространенной и обычной отечественной практикой являлась многократная журнальная регистрация документа в структурных подразделениях одного учреждения.

В полном соответствии с ЕГСД, независимо от принадлежности к той или иной системе документации, документам присущи одни и те же обязательные реквизиты, устанавливающие их правовую силу, позволяющие им служить доказательством. Единый для управленческих документов всех документационных систем состав обязательных реквизитов был закреплен в Государственной системе документационного обеспечения управления

(ГСДОУ)⁹, которая является логическим продолжением ЕГСД в условиях развития и внедрения электронных технологий в делопроизводство. Именно с этого времени стали работать два термина: «делопроизводство» и «ДОУ». ГСДОУ предлагает следующий перечень реквизитов¹⁰: наименование организации – автора документа; код организации – автора документа; название вида документа или унифицированной формы документа (включая заголовок); заголовок к тексту; код формы документа; дата документа; индекс; текст; визы; подпись; отметка об исполнении документа и направлении его в дело (сегодня этот перечень представляется избыточным).

В пункте 9 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации¹¹ установлено, что подписанный (утвержденный) нормативный правовой акт должен иметь следующие реквизиты: наименование органа (органов), издавшего акт; наименование вида акта и его название; дата подписания (утверждения) и номер акта; наименование должности и фамилия лица, подписавшего акт. Федеральный закон «О бухгалтерском учете»¹² также включает в состав обязательных элементов оформления первичных учетных документов реквизиты, отражающие специфику этих документов (содержание хозяйственной операции; измерители хозяйственной операции в натуральном и денежном выражении).

В настоящее время представляется необходимым введение единых, общих правил оформления обязательных реквизитов для официальных документов, обращающихся в различных сферах деятельности, что повысит информационную ценность и сопоставимость документов.

При всех современных попытках реального перехода к безбумажному делопроизводству на основе международных стандартов управления документацией разработчики сталкиваются с нерешенностью правовых вопросов придания юридической силы электронному документу. Возможно, широкое распространение стандарта ИСО «Управление документами», переведенного на русский язык и получившего правовой статус национального стандарта России¹³, обеспечит возможность формирования единой мобильной документальной структуры, отслеживающей каждый документ с момента его создания, все изменения в процессе использования, передвижения, поступление в архив и жизнь в качестве исторического источника¹⁴.

¹ «Генеральный регламент или Устав, по которому Государственные коллегии також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют» (1720 г. февраля 28) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VI. № 3534.

² См.: Постановление Государственного комитета Совета министров СССР по науке и технике № 435 «Об основных положениях Единой государственной системы делопроизводства» от 4 сентября 1973 г.

³ Инструкция по делопроизводству в исполнительных комитетах районных (городских) Советов депутатов трудящихся Узбекской ССР / Упр. делами Совета министров УзССР. Ташкент, 1973; Инструкция по делопроизводству в аппарате Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР / М-во нефтеперерабат. и нефтехим. пром. СССР. М., 1974; Инструкция по ведению делопроизводства в информационно-вычислительных станциях (центрах), инспектурах государственной статистики / ЦСУ при Совете министров СССР. М., 1976;

Инструкция по ведению делопроизводства в аппарате ВЦСПС / ВЦСПС. М., 1979; Единна държавна система за деловодство / Комитет по единна система за социална информация при Министерския Съвет Българии. София, 1980.

⁴ Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

⁵ Во введении к Общероссийскому классификатору управленческой документации (ОКУД) сказано, что он «охватывает унифицированные системы документации и формы документов, разрешенных к применению в народном хозяйстве». (См.: Управленческая документация. Классификатор. М., 2003. С. 3.)

⁶ Причины роста количества документов рассматривались ранее в работах: *Мингалев В.С.* Общие закономерности и тенденции документообразования в социально-экономических системах управления (проблемы изучения): Учеб. пособие. М., 1983; *Сокова А.Н.* Соотношение бумажного и электронного документооборота в современной России. Удержат ли автоматизаторы рост бумажных документов // Документация в информационном обществе: Проблемы государственного регулирования документационного обеспечения управления при переходе на электронные технологии: Докл. и сообщ. на VIII Междунар. науч.-практ. конф., 21–22 нояб. 2001 г., г. Москва / Росархив, ВНИИДАД. М., 2003. С. 359–361.

⁷ «Механизация делопроизводственных процессов должна осуществляться на основе упорядочения делопроизводства в учреждении...» См.: ЕГСД. С. 58.

⁸ «Основным принципом регистрации документов является однократность. Каждый документ должен регистрироваться в данном учреждении только один раз... Регистрация документов осуществляется, как правило, централизованно». См.: Там же. С. 31.

⁹ Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требова-

ния к документам и службам документационного обеспечения (одобрена коллегией Главархива СССР 27.04.1988, приказ Главархива СССР от 25.05.1988 № 33) / Росархив, ВНИИДАД. М., 1991. С. 11.

¹⁰ ГСДОУ. С. 11.

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 13.06.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

¹² Федеральный закон от 21.11.1996 № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СЗ РФ. 1996. № 48. Ст. 5369.

¹³ ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. СИ-БИД. Управление документами. Общие требования.

¹⁴ Переход на электронные технологии связан также с решением терминологических вопросов (определением понятий делопроизводства, документа, управленческого документа), уточнением полномочий Росархива в сфере делопроизводства, документоведения (соответствующие обязанности Росархива упомянуты в последних нормативных правительственных актах: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724, утвердивший наличие Росархива в структуре Министерства культуры Российской Федерации; приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 23.11.2007 № 1322, утвердивший Административный регламент Федерального архивного агентства, в котором, в частности, определены задачи охраны законодательства в области культурного наследия). Например, к полномочиям Росархива могут быть отнесены сфера делопроизводства, упорядочение управленческой документации, регламентирование ее оформления в полном соответствии с нормативно-правовыми актами, Гражданским кодексом Российской Федерации (что позволит воспрепятствовать использованию документов, не имеющих юридической силы), создание единых правил оформления обязательных реквизитов для документов всех управленческих систем и т.д.

А.С. Усачев

Степенная книга и материалы Царского архива XVI в.*

Книга Степенная царского родословия, или Степенная книга (СК), являющаяся одним из крупнейших памятников древнерусской книжности, уже более двух столетий привлекает внимание исследователей. В историографии XIX–XX вв. во многом был прояснен целый ряд касающихся СК вопросов: о времени и личности ее создателя – им, судя по всему, был духовник Ивана IV благовещенский протопоп Андрей (впоследствии – митрополит Афанасий), составивший памятник на рубеже 50–60-х гг. XVI в.; об историко-политических взглядах, отраженных в СК, а также об ее источниках¹. Последний вопрос для изучения СК имеет особое значение, поскольку его решение позволяет связать этот источник с предшествующими и современными ему произведениями, а также составить более полное представление об обстоятельствах, сопутствующих его написанию. Усилиями ряда исследователей: Н.С. Державина, В.В. Кускова, Н.Ф. Околовича, У.Барнетта (США) и других был установлен ряд летописных (Летописец начала царства (ЛНЦ), Никоновская, Воскресенская и другие летописи), агиографических (Жития Владимира, Ольги, Всеволода Псковского, митрополитов Петра, Алексия, Ионы и др.), иных источников СК². Наши предшественники установили также наиболее вероятное место написания памятника: результаты специального изучения Н.Н. Покровским и А.В. Сириновым древнейших списков СК – Волковского, Томского и Чудовского – указывают на их создание в митрополичьей книгописной мастерской (вероятно, в Чудовом монастыре)³. В свою очередь Г.Ленхофф (США) показала, что финансовые затраты на эту работу были вполне под силу одному крупному книгописному центру⁴. Теперь неизбежно встают вопросы: обладал ли Чудов монастырь, незадолго до того почти полностью выгоревший от пожара 1547 г., достаточным количеством рукописных книг, содержащих многочисленные источники СК? Могли ли к созданию одного из крупнейших памятников русской средневековой историографии привлекаться материалы иных хранилищ? Поиску ответа на них посвящена настоящая статья.

На основании анализа памятников, предшествующих и современных СК – Никоновская, Воскресенская, Львовская летописи, ЛНЦ, Свод 1560 г. и др. – удалось установить, что последние известия СК совпадают с заключительными известиями⁵ Свода 1560 г.⁶ (Этот памятник, повествующий о событиях русской истории 1389–1560 гг., отражен в Львовской летописи; согласно датировке Б.М. Клосса, свод составлялся в середине 60-х гг. XVI в.⁷) Вряд ли совпадение окончания создаваемых примерно в одно время произведений можно считать случайностью⁸. Но являлся ли Свод 1560 г. непосредственным источником СК, написанной, по-видимому, во второй половине 50-х – начале 60-х гг. того же столетия⁹?

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 06-04-00497а).

Чтобы выяснить это, обратимся к источникам Свода 1560 г., которыми, как считает специально изучавший данный вопрос Б.М. Клосс, были Никоновская летопись и ЛНЦ¹⁰, причем не ранняя его редакция, завершающаяся описанием событий 1552 г., а одна из поздних, доведенная до 1560 г.¹¹ Строго говоря, существование последней является гипотезой – в настоящее время списки этого источника не обнаружены¹². Однако имеются основания говорить об использовании в СК составленного не позднее начала 1561 г. летописного памятника, где изложение событий доведено до февраля 1560 г.

Отметим, что появление ЛНЦ (а также его предполагаемых продолжений до 1558 и 1560 гг.) связано с деятельностью А.Ф. Адашева, оказывавшего в 1550-е гг. значительное влияние на правительство «Избранной рады». С опалой Адашева, в мае 1560 г. направленного в Ливонию в качестве третьего воеводы Большого полка, а осенью арестованного в Юрьеве, историки связывают и завершение им летописных работ¹³. Но был ли доведен его труд до описания событий февраля 1560 г.?

Точного ответа на данный вопрос пока нет, анализ же источников позволяет это допустить. Во-первых, обратимся к биографии А.Ф. Адашева, в августе 1560 г. назначенного воеводой в Феллине, оттуда позднее переведенного в Юрьев и там же скончавшегося в заключении в начале следующего года. Если бы А.Ф. Адашев составлял летопись исключительно в Москве, то его записи должны были окончиться не позднее мая 1560 г. Однако в Юрьеве среди вещей Адашева обнаружены и черновые летописные материалы, что говорит о подготовке им летописи во время похода¹⁴. Таким образом, предположение о существовании редакции 1560 г. ЛНЦ или какой-либо иной составленной А.Ф. Адашевым летописи, доведившей повествование до начала 1560 г., не противоречит фактам его биографии.

Во-вторых, посмотрим на последние известия Свода 1560 г. (и, соответственно, его источника), который завершается описанием следующих внешнеполитических событий: действий на русско-крымской границе в конце 1559 г., отправки русского войска «по челобитию кабардинских князей и по неправдам Шевкаловых» «на Шевкал», а также сообщением о посылке в начале 1560 г. русских попов в Кабарду «по челобитию крестити кабардинских черкас»¹⁵. Как известно, А.Ф. Адашев, который совместно с И.М. Висковатым фактически определял внешнюю политику Русского государства в середине XVI в., проявлял особый интерес к делам на южной «украине», осуществлял дипломатическую подготовку присоединения Казани и Астрахани, инициировал ряд походов русских войск на владения крымского хана¹⁶. По некоторым данным, именно настойчивость А.Ф. Адашева относительно необходимости сосредоточения военно-дипломатических усилий страны на южном направлении явилась важнейшей причиной его разрыва с Иваном IV, желавшим закрепления и расширения территориальных приобретений в Прибалтике¹⁷. Таким образом, характер последних известий летописи если не является прямым доказательством участия в ее составлении Адашева, то и не противоречит ему¹⁸.

В-третьих, проанализируем сведения из описи Царского архива, зафиксировавшей в ящике 223 «списки черные... что писати в Летописец лет новых, которые у Олексея взяты» в Юрьеве князем А.П. Телятьевским¹⁹. Вслед за подробно исследовавшим документы данной эпохи А.А. Зиминим

вряд ли можно сомневаться в том, что речь идет об изъятых у А.Ф. Адашева подготовительных материалах летописного характера²⁰. О какой же летописи шла речь?

Важный материал для прояснения вопроса дает описание ящика № 224, в котором, согласно описи, были помещены «списки, что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го»²¹. А.А. Зимин высказал вполне обоснованное предположение о хранении в ящиках № 223 и 224 летописных материалов: во втором – записей за 1560–1566 (1568) гг., которые, по всей видимости, являлись продолжением помещенной в первый ящик летописи, доведенной, вероятно, до 1559/1560 г. (под ней историк подразумевал продолжение ЛНЦ до этого года)²². Вряд ли можно полагать, что здесь содержался список Свода 1560 г. – опись упоминает «Летописец лет новых» (курсив наш. – А.У.), чего нельзя было сказать о летописи, начинающейся событиями XIV в., описание которых открывает Свод 1560 г.

Приведенные данные позволяют констатировать, что в описи Царского архива речь шла о неких изъятых у А.Ф. Адашева подготовительных материалах к летописи, повествующих о событиях до февраля 1560 г. Из-за отсутствия необходимого для сравнения материала трудно утверждать, были ли это подготовительные материалы для поздней редакции ЛНЦ или для какой-то другой летописи. Учитывая сведения о «Летописце лет новых», второй вариант представляется более реальным; что, конечно, не исключает возможности подготовки А.Ф. Адашевым отличной от ЛНЦ летописи, повествующей о событиях последних лет.

Как видим, наше предположение об использовании при создании СК источника Свода 1560 г., доводящего изложение до событий февраля 1560 г., не противоречит данным известных источников. Но был ли это ЛНЦ редакции 1560 г., на существовании которой настаивает Б.М. Клосс, или другая летопись (или подготовительные к ней материалы), доведившая изложение событий до соответствующего хронологического рубежа, пока нельзя сказать определенно. Во всяком случае, согласно мнению наших предшественников о ведении летописания в этот период (в частности, указания на причастность к составлению летописи А.Ф. Адашева, а также несомненный факт хранения его летописных материалов в Царском архиве), скорее всего, этот источник СК имел не митрополичье происхождение²³. Учитывая вероятность использования поступившего в 1560 г. в Царский архив летописного материала, происхождения которого связано с А.Ф. Адашевым²⁴, можно полагать, что при написании последней 17-й ст. СК ее составитель имел доступ к этому хранилищу²⁵.

Таким образом, по всей видимости, к написанию СК привлекались материалы не только митрополичьей библиотеки, но и другого хранилища – Царского архива. Это не удивительно: ведь составителем или, во всяком случае, руководителем работ по созданию СК был близкий к Ивану IV человек – его духовник, протопоп придворного Благовещенского собора Андрей²⁶.

¹ Подробнее об итогах изучения СК в историко-филологической науке XVIII–XIX вв. см.: *Васенко П.Г.* «Кни-

га Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1.

С. 1–55; *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Кн. 2. Киев, 1908. Т. 2. С. 1308–1323; *Кусков В.В.* Степенная книга как литературный памятник XVI века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1951. С. 3–60; *Неберекутина Е.В.* Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 126–133; *Сиренов А.В.* Житие князя Владимира и составление Степенной книги // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 2001 год. М., 2002. С. 83–89; *Он же.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 5–51; *Усачев А.С.* К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 28–40.

² Подробнее об источниках СК см.: *Державин Н.С.* «Степенная книга» как литературный памятник. Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г.Миллера. Батум, 1902; *Кусков В.В.* Указ. соч.; *Barnette W.* Steppennaia kniga: Sources, Their Adaptation and Development. Ph. D. diss. Nashville, 1979 (мы выражаем признательность Г.Ленхофф за предоставленную копию этой труднодоступной для российского исследователя диссертации); *Усачев А.С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 210–340; *Околович Н.Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. ст., публ., коммент. А.С. Усачева. М.; СПб., 2007.

³ Подробнее о древнейших списках СК см.: *Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI – XX вв. Новосибирск, 2001. С. 343; *Сиренов А.В.* О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 246–303; *Он же.* Степенная книга... С. 101–164.

⁴ *Lenhoff G.* The Economics of a Medieval Literary Project: Direct and Indirect Costs of Producing the Steppennaia kniga

// Russian History. 2007. Vol. 34. № 1–4. P. 219–237.

⁵ Известия конца 1559 г. – начала 1560 г. о событиях на границе с Крымским ханством, о послании попов в Кабарду и войска на «Шевкалы».

⁶ Списки Свода 1560 г. введены в научный оборот А.Н.Насоновым, с именем которого связано начало изучения памятника. (См.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: очерки и исследования. М., 1969. С. 450–472.) Памятник не издан и известен в ряде списков, древнейшими из которых являются списки рубежа XVI–XVII вв. – Румянцевский (ОР РГБ. Ф. 256. № 255) и Архивский (РГАДА. Ф. 181. № 11). Описание списков см.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 203–205.

⁷ *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 202–203; *Он же.* Об издании летописного свода 1560 г. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 215–222.

⁸ Возможная связь СК со Сводом 1560 г. (или близким к нему памятником) отмечена нами ранее. (См.: *Усачев А.С.* Степенная книга и русское летописание 60-х гг. XVI в.: постановка проблемы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 107–108.)

⁹ Подробнее см.: *Васенко П.Г.* Указ. соч. С. 213–217; *Усачев А.С.* Забытое мнение о Степенной книге (Из неопубликованного наследия М.Я.Диева) // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 77–84; *Он же.* К вопросу... С. 28–40; *Он же.* Древнейшие списки Степенной книги (Волковский, Томский, Чудовский): проблемы датировки // История и письменная культура Древней и Новой России: Сб. ст., посвященный Ю.Д.Рыкову. М. (в печати).

¹⁰ Любопытно, что первая является основным источником 1–16-й ст. СК, а на втором базируются окончание 16-й и основной текст 17-й ст.

¹¹ *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 201. На возможность существования ЛНЦ редакции 1560 г., которая могла использоваться в Львовской летописи, указал еще А.А.Шахматов. (См.: *Шахматов А.А.* Разбор сочинения И.А.Тихо-

мирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова (Зап. имп. Акад. наук по ист.-филол. отд. Т. 4. № 2). СПб., 1899. С. 175–176.)

¹² На этом основании В.В. Морозов вполне справедливо отметил, что на более твердую почву при решении данного вопроса исследователи встанут лишь после того, как текст продолжения ЛНЦ до 1560 г. будет выявлен в летописных сводах XVI в. (См.: *Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 105.) Не отрицая существования доведенного до 1560 г. летописного свода, он полагает, что в своей поздней редакции ЛНЦ был доведен до 1556 г., и лишь через посредство общего протографа Никоновской летописи, в котором описаны события 1558 г., и свода 1560 г. влиял на последний. (См.: *Морозов В.В.* Об одной забытой летописи (Свод 1560 г.) // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 25–33.)

¹³ Подробнее о биографии А.Ф. Адашева см.: *Шмидт С.О.* Правительственная деятельность А.Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; *Он же.* Правительственная деятельность А.Ф. Адашева (государственный деятель и дипломат XVI в.) // Уч. зап. МГУ. М., 1954. Вып. 167. С. 25–53; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 29–41; *Он же.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 311–313, 316–325, 407–410, 413–415, 474–476; *Курукин И.В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность (источники и историография): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 148–151, 165–179; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 98–129, 132–137.

¹⁴ *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI в.: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 165. Б.М. Клосс выска-

зал мнение о редактировании А.Ф. Адашевым списка М.А. Оболенского Никоновской летописи в Ливонском походе; эта гипотеза вызвала резкую критику В.В. Морозова. (См.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 197–199; *Морозов В.В.* Лицевой свод... С. 96–98.)

¹⁵ Цит. по Архивскому списку. (См.: РГАДА. Ф. 181. № 11. Л. 349. В Румянцевском списке окончание текста свода 1560 г. утрачено.)

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Шмидт С.О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1546) // Тр. МГИАИ. М., 1954. Т. 6. С. 187–256; *Он же.* Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Междунар. отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX вв. М., 1964. С. 538–558; *Он же.* Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // Уч. зап. Чувашского науч.-исслед. ин-та. Чебоксары, 1977. С. 25–62; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 84, 90, 99; и др.

¹⁷ Напр., см.: *Зимин А.А.* Реформы... С. 474; *Он же.* Опричнина. М., 2001. С. 65; *Курукин И.В.* Указ. соч. С. 173; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 240.

¹⁸ К сказанному следует прибавить, что в русском летописании XVI в. отмечен приходящийся на 1560 г. разрыв: крупнейшие памятники летописания – Свод 1560 г. и связанная с ним Львовская летопись, а также СК, в которой основной текст доведен до 1560 г., заканчиваются именно описанием указанных выше событий. Разрывом в летописании можно обусловить и весьма краткое описание главной победы России в начале Ливонской войны в СК – взятия Полоцка (18-я гл. 17-й ст.); учитывая подробное изложение менее значимых событий Ливонской войны по 1559 г., есть основания полагать, что источником соответствующего рассказа для автора СК послужила не летописная запись, а рассказы очевидцев. (Подробнее см.: *Усачев А.С.* Ранняя версия рассказа о взятии Полоцка в 1563 г. в древнерусской книжности // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 3.

С. 3–6.) Отметим, что этот разрыв также фиксируется и в созданном несколько позднее Лицевом летописном своде. По мнению Д.Н. Альшица, специально рассмотревшего кодикологические особенности Синодального тома этого свода, для его текста до 1560 г. характерно множество киноварных заголовков (308 на 14 летописных записей), дробивших текст памятника на небольшие фрагменты; в части Синодального тома 1560–1567 гг. число киноварных заголовков резко снижается (до 10 для 7 летописных записей), на этом основании выдвинувшего предположение о том, что в основу изложения Синодального тома положен источник, доведенный до 1560 г., а при описании событий 1560–1567 гг. книжник использовал лишь черновые материалы, не имевшие киноварных заголовков. (См.: *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // *Ист. зап. М.*, 1947. Т. 23. С. 257–259.) Вслед за предшественниками мы связываем несоменный разрыв в русском летописании XVI в. с арестом А.Ф. Адашева осенью 1560 г. (См.: *Ясинский А.Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 15; *Зимин А.А.* Опричина. С. 59.) Здесь, очевидно, будет не лишним отметить, что подобный разрыв не фиксируется в 1570 г., когда был казнен И.М. Висковатый, которому (наряду с А.Ф. Адашевым) также приписывают ведение официальной летописи.

¹⁹ *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. Вып. 1. С. 94.

²⁰ Там же. Вып. 3. С. 514.

²¹ Там же. Вып. 1. С. 96. Как полагал А.А. Зимин, запись «и до 76-го» представляет собой более позднюю приписку. (См.: Там же. Вып. 3. С. 525–526.)

²² См.: Там же. С. 525–527; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 31.

²³ В связи с этим также следует поставить предположение Я.Г. Солодкина о сомнительности ведения митрополичьего летописания в 60–70-е гг. XVI в.

(См.: *Солодкин Я.Г.* К реконструкции митрополичьего летописания второй половины XVI в. // *История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.*: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 38–54.) Впрочем, нельзя исключить какой-то степени участия митрополита Макария в создании ЛНЦ («благословение» составителя?), на что указал еще Н.Ф. Лавров, мнение которого поддержал А.Н. Насонов. (См.: *Лавров Н.Ф.* Заметки о Никоновской летописи // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1926 год.* Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 89; *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 408.) Характеристика ЛНЦ как памятника светской литературы принадлежит А.А. Зимину; Д.С. Лихачев отметил специфику ЛНЦ с литературоведческой точки зрения, обратив внимание на использование в нем дипломатических документов, хронографических приемов изложения, а также на смешение в его тексте «деловой приказной речи с литературно-украшенной». (См.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 369; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 30–41.)

²⁴ Как отметил С.О. Шмидт, А.Ф. Адашев в свою очередь неоднократно привлекал материалы Царского архива к составлению Государева родословца, Дворовой тетради, ЛНЦ и т.д. (См.: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI в. ... С. 165.)

²⁵ Во всяком случае, между началом 1561 г. (временем конфискации летописных материалов, оставшихся после смерти А.Ф. Адашева) и концом 1563 г., позднее которого не мог быть написан текст СК.

²⁶ Справедливо оспаривая высказывавшееся в литературе мнение об использовании материалов Царского архива исключительно Иваном IV, С.О. Шмидт отметил, что этот архив был доступен для узкого круга лиц, реконструкция которого является делом будущего. (См.: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI в. ... С. 165–166.)

А.С. Минаков

Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики

Годовые отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств являются одними из наиболее востребованных источников по общественно-политической, социально-экономической и культурной истории России XIX – начала XX в. Данный источник незаменим как при изучении явлений и процессов общегосударственного масштаба, так и в локальных, краеведческих исследованиях. Ряд его достоинств, среди которых относительная устойчивость формуляра, периодичность, легкость прочтения, позволяющая в целом проследить динамику развития не только отдельных административно-территориальных единиц, но и регионов досоветской России¹.

На первый взгляд, эвристическая задача в отношении этого источника имеет несложное решение – отдельные федеральные и местные архивы располагают экземплярами многих отчетов. Однако до сих пор неизвестно, сколько всего было составлено отчетов, а полного их комплекта по какой-либо губернии нет практически ни в одном архиве. Лакуны в архивных фондах создают противоречивое представление о потенциальном количестве имеющихся отчетов.

Учитывая эти обстоятельства, важно установить, сколько всего отчетов хранится в архивах и доступно исследователям, их географию (по каким административно-территориальным единицам составлены) и, наконец, хронологию (за какие годы). Это даст историкам конкретную информацию о документах, представленных в архивном фонде, сэкономит рабочее время, а также укажет перспективные направления дальнейших поисков.

С 2004 г. автор этих строк занимается выявлением губернаторских отчетов в различных архивохранилищах. Лично обследованы Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный исторический архив (РГИА), а также Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. С этого же времени при поддержке Археографической комиссии РАН посредством письменных запросов ведется сбор информации о наличии губернаторских отчетов, черновых редакций и предварительных сведений к ним, а также их количестве. Таким способом обследованы госархивы республик Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Тыва и Удмуртская; Алтайского, Краснодарского, Красноярского и Приморского краев; Амурской, Архангельской, Белгородской, Владимирской, Волгоградской, Ивановской, Калининградской, Кировской, Костромской, Новгородской, Новосибирской, Омской, Пензенской, Пермской, Псковской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Сахалинской, Свердловской, Томской, Ульяновской и Ярославской областей. Наконец, в частном порядке автором получены сведения из государственных архивов Вологодской, Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской и Тамбовской областей.

Наряду с российскими архивами на письменные запросы откликнулись и некоторые архивы стран СНГ. Среди них госархивы Днепропетровской, Донецкой, Житомирской, Киевской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Херсонской, Черниговской областей и Республики Крым (Украина), а также Витебской и Могилевской областей (Беларусь) и Национальный исторический архив Беларуси. Имеются данные из Центрального государственного архива Республики Казахстан.

Потенциальными местами хранения интересующих нас источников являются Российский государственный военно-исторический архив, где могут находиться отчеты военных губернаторов и начальников областей, фонды канцелярий губернаторов некоторых еще не обследованных региональных архивов (например, Калужской, Тульской областей и др.), а также архивов Польши, Финляндии и стран Балтии. Вместе с тем, губернаторские отчеты могут храниться в рукописных отделах библиотек и музеев (например, в личных фондах Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Государственного исторического музея). В целом имеющаяся на сегодняшний день информация по более чем 60 архивохранилищам² позволяет дать предварительные ответы на поставленные выше вопросы.

Губернаторский отчет появился в административной практике в начале XIX в. как внутриведомственный документ МВД. Вскоре он стал представляться на имя императора, откуда и возникло его второе название – «всеподданнейший». Законодательство не предусматривало единого наименования этих документов. В бюрократическом обиходе их называли «всеподданнейшие» или «годовые» отчеты. Они часто имели и такой заголовок – «отчет начальника губернии». Отчет был секретным документом и массово не тиражировался. Тем не менее, зная порядок его представления, можно с очень большой степенью точности определить и тираж.

После прочтения отчетов царем они направлялись на рассмотрение в Комитет министров. (С 1 октября 1905 г. эта функция перешла к реорганизованному Совету министров³.) Далее министрам и главноуправляющим рассылались печатные копии извлечений из текстов отчетов с резолюциями для разработки конкретных вопросов уже по линии соответствующего ведомства. Наибольший объем работы как по исполнению высочайших резолюций, так и по координации действий губернаторов по подготовке отчетов лежал на МВД. Результатами рассмотрения всеподданнейших отчетов занимался и Совет министра внутренних дел, делопроизводство которого было сосредоточено в Департаменте общих дел МВД⁴. Здесь анализировали замечания по каждому отчету, вели по ним переписку с губернаторами и другими ведомствами. Начальники губерний, которые входили в генерал-губернаторства, представляли копии своих отчетов соответствующим генерал-губернаторам. С 1897 г. копия губернаторского отчета доставлялась управляющему Комитета министров. По нашим подсчетам, количество отправленных экземпляров отчета не превышало трех-четырех. Заметим, что статистические приложения к отчетам (с 1870 г. – обзоры губерний) не являлись секретными документами. Они размножались типографским способом и имели большой список рассылки. С 1870-х гг. губернаторы обменивались обзорами губерний, и это даже поощрялось центральными властями⁵. Таким образом, отчеты следует искать в первую очередь в делопроиз-

водстве тех учреждений-фондообразователей, которые входили в круг рассылки отчета.

Что же ожидает исследователя на практике? Наиболее полным собранием всеподданнейших отчетов губернаторов сегодня располагает РГИА, в частности фонды 1263 «Комитет министров» и 1276 «Совет министров». География отчетов охватывает почти 130 губерний, областей и градоначальств. Указанные фонды содержат также отчеты генерал-губернаторов, обер-полицмейстеров и атаманов казачьих войск. Здесь хранятся подлинники отчетов – те, которые просмотрел император, а потом передал на рассмотрение в Комитет (Совет) министров. Эти отчеты разбросаны по многочисленным описям и представлены, как правило, с выписками журнальных статей Комитета (Совета) министров. В научно-справочном аппарате РГИА имеется сводная опись губернаторских отчетов в алфавитно-хронологическом порядке. Их крайние даты: 1804–1916 гг. Однако большая часть отчетов относится к 1837–1914 гг. Сравнительно непрерывно представлены отчеты по губерниям Царства Польского. По многим губерниям отсутствуют, например, отчеты за 1905 г. Немало объединенных отчетов (за несколько лет) за первую треть XIX в. Наиболее ранние, включительно по 1804 г., – отчеты о состоянии Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Владимирской, Волынской, Вятской, Гродненской, Кавказской, Казанской, Калужской, Киевской, Костромской, Курской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Олонецкой, Пензенской, Пермской, Петербургской, Подольской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Слободско-Украинской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Томской, Тульской, Херсонской, Эстляндской, Ярославской губерний, а также Области войска Донского. Имеются отчетные материалы о состоянии Финляндии за 1804–1810 гг.

С началом Первой мировой войны составление отчетов постепенно прекращается. Большая часть последних отчетов охватывает 1913 или 1914 гг. Самые поздние отчеты за 1915 г. – о состоянии Астраханской, Бакинской, Волынской, Дагестанской, Закаспийской, Кубанской, Новгородской, Самаркандской, Сахалинской, Тифлисской, Тульской, Уральской, Уфимской губерний и областей; Области войска Донского; Кронштадтского, Николаевского, Ростовского-на-Дону и Севастопольского градоначальств, а также за 1916 г. о состоянии Иркутской губернии и Семиреченской области.

Подобный состав исследуемых источников в указанных фондах, особенно за первую половину XIX в., вполне объясним. Напомним, что первые отчеты не были всеподданнейшими, а составлялись по поручению министра внутренних дел. С 1827 г. рассмотрение губернаторских отчетов в Комитете министров становится обязательным⁶. Однако их поступление не сразу стало регулярным: с 1828 по 1837 г. было зарегистрировано всего четырнадцать отчетов. Первый из рассмотренных в Комитете министров отчетов – подготовленный генерал-губернатором Н.Н. Хованским. Он касался состояния Витебской, Калужской, Могилевской и Смоленской губерний⁷.

В других фондах РГИА находится большое количество копий отчетов. Особого внимания заслуживают фонды структур Министерства внутренних дел: канцелярии министра, Департамента общих дел и Центрального статисти-

стического комитета (Ф. 1282, 1284, 1290). Один из наиболее полных комплектов отчетов отложился в делопроизводстве Совета министра внутренних дел (Ф. 1281), где анализировали замечания по каждому отчету, вели по ним переписку с губернаторами и различными ведомствами.

В РГИА хранится также коллекция типографских губернаторских отчетов за 1880–1910-е гг., которыми исследователи пользуются особенно часто⁸. Это удобно, поскольку «библиотечные» отчеты находятся на открытом доступе в читальном зале, а оригиналы (все они микрофильмированы) нужно заказывать. Данная коллекция включает 133 ед. хр., из которых 124 представляют собой подшивки отчетов одной губернии. Внутри нее подшивки расположены в алфавитном порядке; самые ранние – всеподданнейшие отчеты о состоянии Новороссийской и Бессарабской губерний за 1882 г. и Амурской области за 1883 г.⁹ В основном же первые отчеты по большинству губерний и областей относятся к 1884 г. Подчеркнем, что более поздние экземпляры – рукописные копии. Это отчеты курляндского, лифляндского и эстляндского генерал-губернатора за 1853 г., новороссийского и бессарабского генерал-губернатора за 1855–1857 гг.

В коллекции представлены всеподданнейшие отчеты не только губернаторов, генерал-губернаторов и начальников областей, но и некоторых градоначальников, обер-полицмейстеров, атаманов отдельных казачьих войск. Они охватывают 117 административно-территориальных единиц империи. Нет документов лишь по губерниям Великого княжества Финляндского, Бакинскому и Московскому градоначальствам, Закатальскому и Сухумскому округам Кавказского наместничества, а также Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства. Несмотря на ограниченный временной отрезок, названная печатная коллекция также не располагает полным комплектом отчетов ни по одной губернии.

Помимо единиц хранения по конкретной губернии имеются подшивки 1903–1905, 1907–1910 гг., в которых губернаторские отчеты представлены лишь за указанный год. Наконец, две единицы хранения содержат россыпь отчетов за 1884–1910 гг. в алфавитном порядке территорий. Обе эти подшивки продолжают одна другую: в первой – отчеты, начиная с Бакинской губернии по Петербургскую, во второй – с Петроковской губернии по Якутскую область. Не все административно-территориальные образования представлены одинаково.

Обследование *de visu* коллекции типографских копий губернаторских отчетов из читального зала РГИА позволило внести существенные коррективы в представление о ее составе.

Во-первых, отдельные единицы хранения включают отчеты по тем губерниям, которые не обозначены в их заголовках. Во-вторых, среди документов часто встречаются не отраженные в описи статистические приложения к отчетам – обзоры губерний. Последние в ряде случаев также отсутствуют в описи либо ошибочно приняты ее составителями за отчеты. Наконец, большинство единиц хранения содержит ряд разновидностей делопроизводственной документации, которые вообще никак не отражены в описи. Среди них справки из Комитета министров к всеподданнейшим отчетам, проекты резолюций по всеподданнейшим отчетам, извлечения из всеподданнейших отчетов губернаторов отдельных губерний, всеподданнейшие рапорты губернаторов, прилагаемые к отчетам, и др. Между тем это ценные

источники, по которым можно изучать судьбу губернаторских отчетов до и после их рассмотрения императором. Среди прочих отчетов встречаются машинописные авторизованные копии, а также местные издания статистического характера, в том числе карты¹⁰.

Печатные всеподданнейшие отчеты имеют следы корректуры. Она делалась черными чернилами: исправлялись ошибки, вставлялись пропущенные слова. Например, в заголовке отчета о состоянии Плоцкой губернии за 1907 г. вместо опечатки «Плокцой» сверху надписано «Плоцкой»; а в отчете по Тифлисской губернии за 1900 г. слово «отчет» в заголовке было исправлено с неверного «отеч»¹¹.

Каждый печатный экземпляр отчета изготавливался для какого-либо министра или главноуправляющего. Об этом говорят соответствующие рукописные пометы черными чернилами в левом нижнем углу первой страницы отчета. Судя по ним, большинство экземпляров отчетов предназначалось обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву. Печатание губернаторских отчетов, по всей видимости, было связано с усилением правительственного внимания к ним после воцарения Александра III. Тогда же, с 1880-х гг., началось издание специальных Сводов высочайших отметок на губернаторских отчетах¹². По всей видимости, решение о печатании отчетов могло быть принято при участии А.Н. Куломзина, назначенного в 1883 г. управляющим делами Комитета министров. Он был сторонником активного использования губернаторских отчетов в правительственных мероприятиях¹³.

Наряду с этим по отдельным архивохранилищам и библиотекам известны печатные отчеты виленского, ковенского и гродненского, галицийского, западно-сибирского, иркутского, приамурского, степного, туркестанского, финляндского, а также киевского, подольского и волынского генерал-губернаторов за некоторые годы. Почти все они не имеют выходных данных¹⁴. Видимо, их печатали в типографии для удобства работы с ними. Многие имеют указание на секретность документа. В правительстве вполне могли пользоваться отчетами, изготовленными как в сенатской типографии, так и на местах. Например, ряд объединенных отчетов приамурского генерал-губернатора за 1886–1891, 1893–1895, 1896–1897, 1898–1900, 1901–1902, 1906–1907, 1908–1910 гг., обнаруженных в коллекции библиотеки РГИА, имеются также в Российской национальной библиотеке, библиотеке ИНИОН РАН, Библиотеке РАН, Центральной научной библиотеке Дальневосточного отделения РАН, Дальневосточной государственной научной библиотеке и других хранилищах.

В Комитете министров отчеты оказывались уже после прочтения их императором, поэтому на «библиотечных» отчетах РГИА есть пометы о сделанных императором резолюциях. Данный факт усиливает источниковую ценность этих документов. Пометы, информирующие о наличии и количестве резолюций, расположены в верхней части первой страницы отчета. В соответствующих местах текста воспроизведены сами резолюции. Они создают впечатление тождественности этих экземпляров оригиналам, однако такое представление обманчиво. Например, проверка воспроизведенных резолюций по упоминавшимся выше Сводам высочайших отметок показала отсутствие отдельных императорских маргиналий. Более точные данные могут быть получены лишь при сопоставлении «печатных» отчетов с ори-

гиналами. Тем не менее коллекция отчетов РГИА уникальна, поскольку, учитывая все явные и потенциальные ее лакуны, только на текстах оригиналов отчетов имеются императорские резолюции.

Не менее интересными материалами располагает ГАРФ. Всеподданнейшие отчеты имеются в фондах канцелярий варшавского, ломжинского, петроковского губернаторов и др. Множество извлечений из губернаторских отчетов содержит фонд Департамента полиции. Например, во 2-м, так называемом «законодательном», делопроизводстве департамента велась работа по исполнению высочайших резолюций на отчетах, которые касались устройства полиции, благонадежности поступающих на службу, борьбы с распространением сект, содержания тюрем и т.п. вопросов. Много губернаторских отчетов в личных фондах высокопоставленных чиновников МВД, губернаторов. Например, в фонде министра внутренних дел В.К. Плеве находятся отдельные всеподданнейшие отчеты приамурского, степного, иркутского генерал-губернаторов, начальников Закаспийской, Карской областей и др.¹⁵

Большое значение имеют губернаторские отчеты, хранящиеся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. В Коллекции рукописных книг (К. 115) имеются отчеты, которые пока не обнаружены в фондах РГИА. Например, ежегодные отчеты о состоянии Курляндской губернии за 1804–1806, 1808–1810 гг., Орловской губернии за 1804–1810 гг. и др. Это рукописные экземпляры, адресованные министру внутренних дел и полиции. Работа с ними усложнена тем, что отчеты не включены в описи. Поэтому велика вероятность обнаружения в этом архиве и прочих отчетов.

Наконец, губернаторские отчеты сосредоточены в республиканских, краевых и областных государственных архивах. Как правило, они хранятся в фонде канцелярии местного губернатора. В досоветской России не было единообразия в организационной структуре губернаторских канцелярий. Часто документы фонда сформированы по числу столов канцелярии и разделены по тематической направленности. Такая группировка документов по столам была принята при их первичной архивной обработке еще в XIX в. Заметим, что губернаторские отчеты встречаются в разных столах губернаторских канцелярий. Впрочем, отчеты сохранились и в других фондах. Например, в Государственном архиве Красноярского края эти источники находятся лишь в фондах Енисейского губернского правления и Енисейского губернского статистического комитета¹⁶. Отчеты губернаторов подлежат постоянному хранению, большинство их отнесено к категории «особо ценных документов».

В местных архивах исследователь в лучшем случае имеет дело с копиями оригиналов отчетов. Это объясняется тем, что законодательство досоветской России не предписывало хранить на местах копии уже представленных отчетов. Поэтому, например, в Государственном архиве Псковской области учтено лишь пять отчетов – за 1857, 1859, 1860, 1862 и 1913 гг., а в Государственном архиве Новгородской области только один – за 1853 г.¹⁷

Ежегодный всеподданнейший отчет губернатора является сложным комплексом источников, включающим помимо самого текста отчета подготовительные материалы к нему и документы о его рассмотрении в правительстве. В местных архивах часто находятся черновые редакции отчета, со-

проводительные документы к нему и разного рода предварительные сведения. Среди архивов, выгодно отличающихся наличием этого ценного документального комплекса, отметим госархивы Красноярского края; Кировской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Ярославской и других областей. Предварительные материалы и черновики с правкой губернских чиновников могут оказать существенную помощь в оценке достоверности данных губернаторских отчетов. Их анализ делает возможным изучение процесса создания отчета. Однако выявление этих материалов вызывает сложности, связанные с необходимостью обследования большого количества единиц хранения.

Неоднократное изменение административно-территориального деления страны и перераспределение архивного фонда обуславливают возможность нахождения губернаторских отчетов в архивных учреждениях административных центров независимо от того, были они до 1917 г. центрами соответствующих губерний, областей или градоначальств или нет. Например, в Государственном архиве Омской области хранятся отчеты о состоянии Омской, Тобольской, Томской губерний, Западно-Сибирского генерал-губернаторства, Акмолинской и Семипалатинской областей. В Государственном архиве Ростовской области имеются отчеты о состоянии Области войска Донского и Таганрогского градоначальства. В Государственном архиве Ивановской области были обнаружены приложения к отчетам о состоянии Владимирской губернии¹⁸. Интересные материалы хранятся и в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. В его фондах имеются губернаторские отчеты о состоянии Акмолинской, Закаспийской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Тургайской областей, а также Степного генерал-губернаторства¹⁹. Примером обоснованности подобного подхода служит и обнаружение в Государственном архиве Орловской области всеподданнейшего отчета о состоянии Смоленской губернии за 1906 г.²⁰

Потребность современной исторической науки в таком источнике, как губернаторские отчеты, по-прежнему высока, особенно в регионах. По отзывам архивистов, они пользуются неизменным читательским интересом. Как облегчить работу исследователей по выявлению этих документов? Такую возможность предоставляет каталог губернаторских отчетов, который систематизирует имеющуюся информацию. Он может иметь три системы поиска. Первая – по конкретной губернии, области или градоначальству со сведениями о наличии отчетов за весь период их представления. Вторая – по отчетному году – позволит выявить все административно-территориальные единицы, о состоянии которых были составлены всеподданнейшие отчеты за конкретный год. С помощью третьей – по месту хранения отчетов – можно выяснить, какие годовые отчеты хранятся в том или ином архиве, библиотеке, музее и т.п. По тем архивохранилищам, где обнаружатся предварительные материалы и черновые редакции отчетов, будут сделаны соответствующие указания. Полезным приложением к каталогу могут стать справочные сведения о местах хранения отчетов. На первом этапе возможно издание предварительного списка отчетов. После проверки собранных сведений и включения дополнительных данных целесообразно подготовить итоговый сводный каталог. Представляется, что он будет полезен не только историкам, но и архивным и биб-

лиотечным работникам при научной обработке фондов и обслуживании читателей.

Несмотря на богатый опыт использования губернаторских отчетов, их источниковый потенциал полностью еще не раскрыт. Комплексное использование как предварительных подготовительных материалов, так и итогового текста документа даст ключ к раскрытию его достоверности и информационной полноты. Без этого трудно себе представить дальнейшее изучение общественно-политической и социально-экономической истории Российской империи. Весьма вероятно, что этот интересный источник откроет новые перспективы изучения провинциальной истории, которые в свою очередь укрепят творческие взаимосвязи исследователей разных регионов.

¹ Об источниковедческой характеристике губернаторских отчетов подробнее см.: *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 142–205; *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX в. // Отечественная история. 2005. № 3. С. 170–175.

² О результатах обследования подробнее см.: *Минаков А.С.* О подготовке сводного каталога годовых отчетов о состоянии губерний, областей и градоначальств России (1804–1916) // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития. М., 2006. С. 81–84; *Он же.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи. Источниковедческие и методологические аспекты составления сводного каталога // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 122–125.

³ Мемория Совета министров о распределении дел, отнесенных к ведению Комитета министров. 21 марта 1906 г. // Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг.: Док. и материалы. Л., 1990. С. 367.

⁴ Только в 1900–1902 гг. рассмотрением губернаторских отчетов наряду с Советом министра внутренних дел занималась канцелярия министра.

⁵ См.: *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX в. С. 171.

⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2000. Т. 1. С. 63.

⁷ Справка по вопросу о составлении всеподданнейших отчетов губернаторов и порядке рассмотрения их в Совете министров. Б.д. / Сост. канцелярия Совета министров. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 182. Л. 245.)

⁸ Подробнее об этом см.: *Минаков А.С.* Коллекция печатных отчетов губернаторов из фонда библиотеки I отделения РГИА // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. М., 2008. Ч. II. С. 462–464.

⁹ См.: РГИА. Ф. Библиотека I отд. Д. 2, 59.

¹⁰ См., напр.: Сравнительная таблица производительных сил правого и левого берега р. Волги в пределах Астраханской губернии. (Там же. Д. 81. Л. 85–85 об.); Общее обозрение Якутской области 1892–1900. Якутск, 1902. (Там же. Д. 118.)

¹¹ См.: Там же. Д. 70 а, 100.

¹² Напр., Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1900 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. [СПб.,] 1903.

¹³ См.: *Куломзин А.Н.* Пережитое. (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 188. Л. 6–8.)

¹⁴ Из отчетов, имеющих выходные данные, укажем, напр., Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского. 1896–1897 гг. СПб., 1898; Отчет временного военного генерал-губернато-

ра Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. Киев, 1916. (Сведения предоставлены А.И. Раздорским.)

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 38 а, 39, 173, 188, 228; и др.

¹⁶ См., напр.: ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3956. Л. 3–13; Ф. 31. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–6; и др.

¹⁷ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1913, 1945,

1977, 2019, 3265; ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1276 б.

¹⁸ ГАИО. СИФ. № 1978–1985, 2493–2495; и др.

¹⁹ ЦГА Республики Казахстан. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 48341; Ф. И-64. Оп. 1. Д. 594. Л. 20–26; Д. 436. Л. 4 а – 26; Ф. И-369. Оп. 1. Д. 2475 а; и др.

²⁰ ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 2827. Л. 275–279.

Д.В. Янчарук

Оценка информационного потенциала документов Куйбышевского завода синтетического каучука

Широко проводившиеся в СССР с 1930-х гг. изучение истории фабрик и заводов¹ и публикация документов спустя полвека практически прекратились. В условиях же подъема отечественной промышленности продолжение таких исследований, опирающихся на архивные документы, становится актуальным. Так, в 2005–2008 гг., согласно годовым планам работ Управления по делам архивов мэрии городского округа Тольятти, проводилось изучение истории предприятий – производителей синтетического каучука, находящихся на территории Поволжья². В итоге был подготовлен к изданию и вышел в свет сборник документов по истории Куйбышевского завода синтетического каучука (СК)³ (с 1979 по 1993 г. Тольяттинское производственное объединение «Синтезкаучук», в настоящее время ООО «Тольяттикаучук»). В него вошло 129 документов за 1949–2005 гг., хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО), Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ) и в Тольяттинском городском архиве (ТГА), которые содержат данные об экономическом, техническом и социальном развитии предприятия. Сборник имеет выраженный акцент на раскрытие технико-экономической составляющей полувекового развития Куйбышевского завода СК, что обусловлено составом сохранившихся документов.

В ТГА фонд предприятия⁴ начал формироваться в 1961 г., когда в архив поступил небольшой по объему комплекс документов дирекции (Оп. 1) еще строившегося завода, систематизированных исключительно по хронологии, что было продиктовано простой структурой самой дирекции – группы отделов, курировавших строительство и принимавших объекты у подрядчиков. Этот комплекс составил основу фонда.

После окончания строительства и начала работы предприятия его структура заметно усложнилась: появилось свыше десятка новых отделов, отвечавших за управление производством. В дальнейшем их количество продолжало расти и к началу 1980-х гг. превысило двадцать. Усложнение структуры предприятия потребовало изменений в систематизации архивных документов: в пределах хронологических периодов они стали группироваться по отделам, отвечавшим за различные сегменты производственного процесса и управления им, – от планирования работы до очистки сточных вод. Такой принцип организации документов был самым простым и, вероятно, наиболее удобным для предприятия: раз в пять лет подразделения передавали в заводской архив свои документы, откуда после систематизации и экспертизы ценности они поступали в ТГА. Разделение комплекса документов по отделам, с одной стороны, позволяло оперативно использовать их в заводском архиве, с другой – упрощало экспертизу ценности и описание при передаче на постоянное хранение, поскольку отпадала необходимость сравнивать разноплановые документы подразделений, устанавливая степень их исторической ценности.

Однако подобная организация документов архивного фонда (свыше 3 тыс. ед. хр.) не способствовала оперативному поиску источников по истории завода, поскольку он диктовался не функциональной спецификой структурных подразделений, а содержанием документов.

Документы архивного фонда условно можно разделить на четыре группы: технические, экономические, социального характера и организационно-распорядительные. Большинство документов относится к первой группе, где особо выделяются материалы отдела капитального строительства. Так, в объяснительных записках к годовым отчетам по капитальному строительству сосредоточены данные о ходе строительных работ и наращивании производственных мощностей⁵. В частично сохранившихся информационных письмах и аналитических обзорах о состоянии строительства (месячных или квартальных) отражен период становления предприятия. Документы показывают ход строительно-монтажных работ, достижения и недостатки строительства, его перспективы, а также содержат статистические сведения⁶. Их дополняют документы фонда генерального подрядчика строительства⁷, где особого внимания заслуживают документы организаций-подрядчиков: конъюнктурные обзоры процесса строительства и протоколы технических советов. В подготовленных подрядчиками обзорах полнее отражены сведения о состоянии строительных организаций, поставках оборудования и пр.⁸ Образовавшиеся в деятельности партийного комитета генерального подрядчика документы раскрывают ход социалистического соревнования на строительной площадке⁹.

Экономические документы предприятия представляют основной источник информации по его истории. В первую очередь это годовые отчеты по основной деятельности и объяснительные записки к ним, перспективные годовые и пятилетние планы социально-экономического развития, переписка с центральными органами управления по вопросам планирования хозяйственной деятельности. Наиболее ценными являются объяснительные записки к годовым отчетам, в которых заключены сведения по научно-техническому и социально-экономическому развитию, численности и составу кадров, состоянию материально-технической базы¹⁰. Их дополняют документы по вопросам планирования¹¹.

Отнесенные к третьей группе документы социального характера образовались в деятельности отделов кадров, учебного, научно-технической информации и профкома предприятия. Это справки и отчеты о состоянии персонала завода, работе учебно-методических отделов, планы повышения квалификации сотрудников и т.д.¹² Документы профкомов, прежде всего, дают представление о социальном облике членов трудового коллектива и процессах, которые можно объединить понятием «микроистория»¹³. Гораздо информативнее протоколы годовых собраний по итогам выполнения коллективного договора, а также справки о работе профкомов за полугодие, которые в совокупности с объяснительными записками к годовым отчетам являются основными источниками по истории завода¹⁴.

Организационно-распорядительные документы, отложившиеся в канцелярии предприятия, представлены приказами генерального директора и главного инженера по общим и специальным вопросам, перепиской с вышестоящими инстанциями по общим вопросам, документами, направленными на заводы по линии министерства и главка¹⁵.

Важным дополнением к фонду Куйбышевского завода СК стали документы, сосредоточенные в фонде его партийного комитета¹⁶. Это в основном протоколы заседаний партийных организаций структурных подразделений завода (цехов, лабораторий, отделов и пр.), где рассматривались вопросы о предоставлении жилья, приеме в партию и исключении из нее, идеологической работе, организации социалистического соревнования, поведении членов КПСС в быту и т.д. Гораздо большую ценность представляют протоколы конференций заводской партийной организации и заседаний партийно-хозяйственного актива. В них отразилась экономическая, социальная и идеологическая работа партии на местах. Учитывая, что руководители предприятия входили в городской и областной партийно-хозяйственный активы и, как правило, участвовали в партийных конференциях, изучение их выступлений на заседаниях актива¹⁷ помогает точнее интерпретировать источники экономического характера, хранящиеся непосредственно в архиве предприятия.

Среди документов фонда Тольяттинского горкома КПСС¹⁸ имеются различные аналитические материалы социально-экономического характера, касающиеся Куйбышевского завода СК, главным образом различные справки, составленные как инструкторами горкома, так и специальными партийно-хозяйственными комиссиями для планов развития города или по запросам центральных органов власти. Их отличает комплексный подход к освещению хозяйственной жизни завода; они могут рассматриваться как результат сторонней оценки деятельности предприятий и в этом качестве сравниваться с аналитическими документами, создававшимися на самом заводе¹⁹.

Документы отдела промышленности областного комитета партии, характеризующие состояние экономической и технической сфер деятельности предприятия, содержат материалы по рационализации и изобретательству, внедрению передовых методов труда и организации соцсоревнования. Для истории Куйбышевского завода СК представляют большой интерес протоколы заседаний обкома по вопросам строительства, где содержится информация по реализации программы химизации народного хозяйства СССР, а также объемные справки по истории предприятия, о его наиболее значительных экономических и технологических достижениях²⁰.

Комплекс документов по истории Куйбышевского завода СК дополняет фонд Куйбышевского обкома профсоюза рабочих химической и нефтехимической промышленности, который ценен прежде всего стенографическими отчетами его съездов. В отчетных докладах руководителей обкома профсоюза, где обычно подводились итоги развития отрасли между предстоящим и текущим съездами, есть данные о развитии социальной сферы, страховании трудящихся, но информация о Куйбышевском заводе встречается эпизодически²¹.

Весьма незначительно количество документов по истории завода и в фондах учреждений местного управления: городских и областных исполкомов Советов народных депутатов, поскольку они надзирали лишь за предприятиями местной промышленности. Однако имеется исключение, связанное с реорганизацией управления народным хозяйством и функционированием Советов народного хозяйства (совнархозов) в 1958–1965 гг. Эта «семилетка» стала единственным периодом, когда предприятия по производству синтетического каучука подчинялись местным хозяйственным органам: Куйбышевский завод СК – Куйбышевскому (с 1962 г. Средневожскому) совнархозу, в структуре которого существовал отдел химической промышленности, курировавший вопросы развития этого предприятия. Документы, образовавшиеся в деятельности отдела, в основном представлены статистической и финансовой документацией. Для истории предприятия ценны, прежде всего, справки и аналитические записки, характеризующие состояние химической промышленности, а также конъюнктурные обзоры развития предприятий. Последние часто включались в постановления совнархоза по их развитию, но подобные документы большая редкость²².

Как видим, источники по истории Куйбышевского завода СК достаточно разнообразны, однако среди них практически отсутствуют документы, содержащие биографические данные и позволяющие проследить деятельность выдающихся работников завода (документы по личному составу остались в текущем архиве предприятия, доступ к ним ограничен).

Не в полном объеме представлена информация о строительстве завода: документы по созданию отдельных производств по разным причинам не поступили на постоянное хранение. Отметим важную тенденцию: со стабилизацией деятельности предприятия информационная насыщенность документов снижается. Поэтому наиболее полно отражен период создания и освоения производств, чего нельзя сказать о 1970–1980-х гг., периоде наиболее успешной работы завода. На наш взгляд, это результат иерархической структуры управления советской экономикой. В период развертывания производства к предприятию проявляли интерес вышестоящие инстанции, но он заметно снижался, как только деятельность стабилизировалась, и не было угрозы срыва плановых показателей. Соответственно, сокращалось количество направляемых вышестоящим руководящим органам документов с описанием технико-экономического состояния предприятия (справок и обзоров состояния производства, постановлений по его дальнейшему развитию и т.п.) – наиболее информативных по своему содержанию. Они лишь эпизодически появлялись в период стабильной работы, что связано либо с подготовкой пятилетних планов развития завода, либо с проведением всесоюзных кампаний по оптимизации экономики.

Оценивая степень информативности фонда предприятия²³, можно сказать, что завод выглядит в нем не столько уникальной исторической единицей, сколько комплексом действующих производств, руководимых отделами заводоуправления. Многие важные документы, по-видимому, утрачены безвозвратно. Так, известно, что в составе отдела научной организации труда завода регулярно работала группа социологов, проводивших мониторинг социального развития коллектива, но на постоянное хранение от отдела поступили лишь сводные годовые отчеты. Сохранение документов преимущественно технического характера объяснялось приоритетами государственных предприятий, получавших финансирование под конкретные проекты, составлявшие производственную программу. Кроме того, они были востребованы при проведении аудиторских проверок и перспективном планировании.

Архивный фонд Куйбышевского завода СК отличает также тесная связь документов с годовыми производственными планами и отчетами об их выполнении (большинство отчетов отделов – не более чем дополнительные комментарии к ним). Ориентация на подробное освещение степени выполнения производственной программы сыграла злую шутку с составом документов фонда: исследователь истории советской промышленности может установить степень реализации множества плановых показателей, но часто не в состоянии выяснить, как они выполнялись. Даже ежегодные отчеты администрации перед работниками представляют собой преимущественно анализ плановых показателей.

Определенная избирательность при отборе на постоянное хранение документации социально-экономического характера коснулась преимущественно документов (справок, отчетов), освещавших проведение в 1960–1970-е гг. советским правительством экономических экспериментов (внедрение внутрицехового хозрасчета, практики совмещения рабочих мест, бригадной формы труда и т.д.), для которых Куйбышевский завод СК выступал опытным полигоном. Многие документы об этом не поступили в ТГА, в текущем заводском архиве они тоже не обнаружены. По всей видимости, эти источники в свое время передали в музей Трудовой славы завода, коллекция которого в 1990-е гг. практически полностью исчезла. Пробелы в информационном ресурсе завода заставляют обращаться к фондам организаций, руководивших предприятием или координировавших его деятельность.

С начала 1990-х гг. состав документов по истории предприятия начинает меняться. Примечательно, что наименьшее количество документов, пригодных для исследования, приходится на 1985–1992 гг.: отсутствуют годовые бухгалтерские отчеты, протоколы профсоюзных собраний, с конца 1980-х гг. – информации партийных органов о текущем экономическом состоянии. Последнее обнаруженное информационное сообщение, направленное в Куйбышевский обком КПСС, относится к 1988 г.²⁴ С 1990-х гг. прекращается переписка с центральными органами управления.

Документы начального периода перехода Куйбышевского завода СК на рыночные отношения сохранились весьма неравномерно: на постоянное хранение поступила документация главным образом от технических отделов, а материалы социально-экономического характера, прежде всего из бухгалтерии, отсутствуют. Поэтому невозможно проследить ход многих важных реформ, прямо затронувших рассматриваемое предприятие. Известно лишь, что в числе первых на заводе ликвидировали государственную мо-

нополюю внешней торговли. Со второй половины 1986 г. при предприятиях, производящих ликвидные на мировых рынках товары, создаются внешнеторговые фирмы, находящиеся в подчинении у непосредственных производителей продукции²⁵. Такая фирма появилась и при Тольяттинском производственном объединении «Синтезкаучук», действовала больше десятилетия, но, за исключением перечня полученных на международных выставках наград²⁶, ее документы бесследно исчезли вместе с самой организацией. Не дошли до нас и источники о деятельности существовавших в начале 1990-х гг. при предприятии кооперативов и первых коммерческих фирм, которых насчитывалось свыше полусотни²⁷. Предположительно многие из них могли быть дочерними структурами объединения, но, поскольку они имели статус самостоятельных юридических лиц, администрация объединения не заботилась о сохранности их документов.

Объяснительные записки к годовым бухгалтерским отчетам появляются в архивном фонде лишь с 1992 г. Впоследствии они не менялись по содержанию, однако основной акцент их составители делали на финансовых показателях, в то время как кадровым вопросам уделялось гораздо меньше внимания²⁸. Изменилось содержание протоколов профсоюзных конференций, прежде всего отчетных докладов. В отличие от советского периода в них дается достаточно подробная характеристика экономического положения предприятия и его отдельных производств, много внимания уделяется вопросам заработной платы. Более открытыми и критичными становятся выступления рядовых участников конференций. В целом именно протоколы профсоюзных конференций могут быть признаны наиболее информативными источниками для последнего периода истории предприятия²⁹.

Серьезным источником информации по экономической истории предприятия могли бы стать протоколы ежегодных собраний его акционеров и материалы заседаний совета директоров, но, к сожалению, они оказались малоинформативными. Протоколы собраний акционеров, и прежде всего материалы о деятельности предприятия за отчетный период, практически не отличаются от протоколов годовых профсоюзных собраний³⁰, поскольку в составе акционеров вначале преобладали работники предприятия. Что касается протоколов заседаний совета директоров, то они поступили на постоянное хранение со значительными изъятиями. Так, в них указана повестка дня, имеются прения по отдельным вопросам (причем не всегда) и принятое решение, но сами отчетные доклады, на наличие которых указывается в протоколах, отсутствуют³¹. Отчетные доклады могли бы прояснить многие вопросы экономической политики акционерного общества: ведь совет директоров решал преимущественно вопросы текущего управления предприятием, снабжения его сырьем, а также отвечал за поставки готовой продукции, вел финансовые дела и т.д. Отсутствие документов объясняется, вероятно, нежеланием новых владельцев предприятия разглашать вопросы оперативного управления. В некоторой степени восполнить этот пробел помогают сохранившиеся приказы генеральных директоров, многие из которых содержат развернутые программы действий по преодолению экономических трудностей. Однако без отчетных материалов невозможно выяснить, как они исполнялись³².

Достаточно фрагментарна и информация о владельцах завода. После приватизации и акционирования в 1992–1993 гг. Тольяттинского производственного объединения «Синтезкаучук» большинство акций созданного

ООО «Тольяттикаучук» выкуплено его трудовым коллективом. Приватизация предприятия подробно отражена в документах: протоколах заседаний трудового коллектива по вопросу приватизации, плане приватизации, уставе создаваемого акционерного общества, свидетельстве о регистрации акционерного общества и др.³³

Судя по документам, представители профсоюзного комитета предвидели возможность постепенной концентрации акций у крупных компаний и финансово-промышленных групп. Этот процесс проходил относительно быстро: со второй половины 1990-х гг. трудовой коллектив теряет контроль над акционерным обществом. Кто приобрел контрольный пакет акций, документально установить достаточно сложно, несмотря на ежегодно составляемый акционерным обществом реестр своих членов с указанием физических и юридических лиц – держателей акций и количеством последних у них. В настоящее время невозможно определить реальных владельцев, наиболее крупных акционеров предприятия начиная со второй половины 1990-х гг. Сегодня известно о проникновении с начала 1990-х гг. в состав его акционеров московской финансово-промышленной группы «Максим», которая примерно с 1997 г. установила контроль над акционерным обществом; ее представители назначали генерального директора. Однако в списках основных держателей акций помимо нее присутствуют еще несколько юридических лиц, но об их деятельности и владельцах информация отсутствует. Возможно, это были дочерние структуры финансово-промышленной группы, возможно – самостоятельные игроки, но в имеющихся и доступных для использования архивных документах таких сведений нет³⁴. Лишь с начала 2000-х гг., после перехода предприятия под контроль «СИБУР Холдинга», мы можем точно назвать его владельцев.

Таким образом, последнее десятилетие в истории предприятия представлено менее информативными источниками. И хотя в целом этот период удалось отразить в виде общей социально-экономической характеристики акционерного общества, ряд значимых сюжетов, связанных с приватизацией и акционированием, борьбой за контроль над предприятием, его внутренней и внешнеэкономической деятельностью, показать должным образом не представляется возможным.

На примере анализа архивных документов по истории Куйбышевского завода СК можно убедиться в изменении состава и содержания источников по промышленной истории, снижении их информативности с начала 1990-х гг. В случае, если по фондам других предприятий подобная тенденция подтвердится, можно будет констатировать, что перед исследователями экономической истории России возникнут серьезные затруднения в установлении многих важных процессов, протекавших в 1990-е гг. на предприятиях страны. Учитывая высокий уровень монополизации российской экономики, недостаток информации о деятельности основных экономических субъектов вряд ли будет способствовать воссозданию точной картины ее эволюции от советской модели хозяйства к рыночной.

¹ Только по истории предприятий, производивших синтетический каучук, было опубликовано несколько изданий. См.: *Макаров А.И.* Полвека ярославскому каучуку: Очерки истории к пятидеся-

тилетию предприятия [Ярославский завод синтетического каучука. 1932–1982]. Ярославль, 1982; Ефремовскому заводу СК – 50. Тула, 1984; *Белялов У.Б., Лифшиц И.М., Дрягилев Л.А., Бадыгов Р.А.*

и др. Серебро колонн над Камой: Очерк истории ордена Ленина производственного объединения «Нижекамскнефтехим». Казань, 1986; Зрелость: Страницы истории Казанского завода СК им. С.М. Кирова. Казань, 1986; *Попов В.А., Абубакиров Р.С.* Башкирский исполнин: Очерк истории АО «Каучук». Уфа, 2000; *Кудрявцев Л.Д.* Воронежская гевея: Хроника Воронежского завода синтетического каучука – ОАО «Воронежсинтезкаучук». Воронеж, 2002; и др.

² Изучалась история Волжского, Казанского, Куйбышевского заводов синтетического каучука и Нижекамского нефтехимического комбината.

³ Первенец тольяттинской химии: Сб. док. и материалов по истории Тольяттинского завода синтетического каучука / Ред. Д.В. Янчарук, Н.Г. Лобанова, А.С. Ряжев. Тольятти, 2008.

⁴ ТГА. Ф. Р-167.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 174. Л. 37–39; Оп. 2. Д. 109. Л. 2–8, 20–21; Д. 174. Л. 34–42; Д. 370. Л. 37; Д. 453. Л. 54; и др.

⁶ Там же. Д. 24. Л. 1–34; Д. 32. Л. 1–37; Д. 80. Л. 1–34; и др.

⁷ Генеральным подрядчиком являлось Управление строительства «Куйбышевгидрострой», соорудившее Волжскую ГЭС им. В.И. Ленина, фонд которого также хранится в ТГА (Ф. Р-18).

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 612. Л. 60; Д. 892. Л. 101.

⁹ СОГАСПИ. Ф. 8200. Оп. 2. Д. 59. Л. 19–27; Оп. 5. Д. 129. Л. 58–70.

¹⁰ ТГА. Ф. Р-167. Оп. 2. Д. 1071. Л. 1–37; Д. 1151. Л. 10–14; Д. 1416. Л. 1–144; Д. 1503. Л. 1–30; Оп. 5. Д. 193. Л. 184–220; Д. 452 а. Л. 5–23; Д. 620. Л. 5–26; и др.

¹¹ См.: План социального развития коллектива Куйбышевского завода синтетического каучука на период 1971–1975 гг. Тольятти, 1971. С. 3–11. План социального развития коллектива Куйбышевского ордена Трудового Красного Знамени завода синтетического каучука на период 1976–1980 гг. Тольятти, 1976. С. 3–7. План экономического и социального развития Тольяттинского производственного объединения «Синтезкаучук» на 1981–1985 годы. Тольятти, 1981. С. 1–3, 5–6.

¹² ТГА. Ф. Р-167. Оп. 2. Д. 647. Л. 5–9; Д. 650. Л. 2–5; Д. 751. Л. 2–15; Д. 755. Л. 3–7; Д. 812. Л. 9–23; Д. 815. Л. 24–28; Д. 916. Л. 6–14; и др.

¹³ Там же. Д. 1530. Л. 56–59; Оп. 3. Д. 102. Л. 3–9, 11–12.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 947. Л. 1–3, 5–14; Д. 1307. Л. 21–50; Оп. 5. Д. 214. Л. 4–15; Д. 762. Л. 13–49.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–16; Д. 73. Л. 23–38; Д. 88. Л. 1–8; и др.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 8770.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 33–37; Д. 27. Л. 66–68; Д. 114. Л. 39–43; Д. 156. Л. 45–50; Д. 202. Л. 5–9; Оп. 2. Д. 3. Л. 13–21; Д. 6. Л. 23–25; Д. 95. Л. 30–32; Д. 115. Л. 44–49; Д. 123. Л. 109–125; и др.

¹⁸ Там же. Ф. 7221.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 129. Л. 28; Оп. 11. Д. 27. Л. 69–73; Д. 53. Л. 90–102, 128–129; Оп. 35. Д. 1. Л. 40–49; и др.

²⁰ Там же. Оп. 125. Д. 79. Л. 35–36; Д. 90. Л. 3–4; Оп. 126. Д. 114. Л. 10–17; Оп. 130. Д. 310. Л. 18–21; Д. 345. Л. 47–50; Д. 350. Л. 31–34, 103–105; Оп. 141. Д. 72. Л. 13–14; Д. 407. Л. 17–21; Оп. 142. Д. 72. Л. 2–12, 42–48; Оп. 145. Д. 107. Л. 136–145; Оп. 149. Д. 95. Л. 3–5; и др.

²¹ Там же. Ф. 9535. Оп. 1. Д. 90. Л. 71–74; Д. 161. Л. 93–95; Д. 196. Л. 101–103; Д. 237. Л. 179–189; Д. 277. Л. 111–114; и др.

²² ЦГАСО. Ф. Р-4270. Оп. 1. Д. 17. Л. 114–121; Оп. 51. Д. 61. Л. 190–196; Д. 121. Л. 28–33; Д. 151. Л. 86–97, 103–109.

²³ Известно, что «фонд может быть полностью укомплектован всеми группами документов и составными частями, не иметь задолженности по их передаче на государственное хранение и в то же время включать в свой состав множество второстепенных, малоценных документов, которые превратят его в информационно ущербный массив». (См.: *Черешня А.Г.* Об оценке качества комплектования государственных архивов // Отечественные архивы. 1995. № 4. С. 8.)

²⁴ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 195. Д. 85. Л. 46–49; Оп. 197. Д. 89. Л. 38–45.

²⁵ ТГА. Ф. Р-167. Оп. 5. Д. 606. Л. 3–15.

²⁶ Список международных наград внешнеторговой фирмы «Тольятти-нефтехимэкспорт» и акционерного общества «Синтезкаучук» за коммерческую, финансовую и рекламную деятельность, полученных в период с 1989 по 1996 г. (Архив музея Трудовой славы ООО «Тольяттикаучук». Л. 1–2).

²⁷ История ООО «Тольяттикаучук» (хроника). Тольятти, 2006. С. 87.

²⁸ ТГА. Ф. Р-167. Оп. 6. Д. 194. Л. 179–180.

²⁹ Там же. Оп. 5. Д. 1017. Л. 10–14, 16–17, 24–27; Оп. 6. Д. 148. Л. 73–80, 82–85; Д. 181. Л. 16–20.

³⁰ Там же. Оп. 6. Д. 74. Л. 16–18, 20–26.

³¹ Там же. Д. 26. Л. 11–13, 21, 28–31; Д. 96. Л. 3–5, 13–15.

³² Там же. Д. 43. Л. 85–88; Д. 44. Л. 115–117.

³³ Там же. Оп. 5. Д. 1059. Л. 6–12; Д. 1059 а. Л. 3–8, 20–26, 30–35, 70–73, 75; Оп. 6. Д. 1. Л. 39–41, 45–46, 49–57.

³⁴ Там же. Оп. 6. Д. 121 а. Л. 504–507.

С.Т. Дерендяева

Из опыта работы ЦДНИ Удмуртской Республики по выявлению и описанию особо ценных документов

Работа по выявлению и описанию особо ценных документов (ОЦД) в Центре документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР) проводится с 1996 г., и до 2002 г. она осуществлялась попутно с переработкой фондов по методике, выработанной в отечественном архивном деле в первой половине 1980-х гг. За это время к составу ОЦД было отнесено 6481 дело по фонду Удмуртского рескома КП РСФСР (Ф. 16), причем опись № 1 в полном объеме, и 396 дел по фонду Игринского райкома КП РСФСР (Ф. 686). Документы оценивались в первую очередь по номинальному признаку (протоколы, постановления и т.п.) и значимости фондообразователя (обком).

В 2002 г. в архиве был апробирован новый подход к оценке источников. К необходимости изменения критериев отнесения документов к ОЦД и организации работы с ними сотрудники архива пришли исходя из собственного опыта, а также архивоведческой литературы*. Тогда же специалистами ЦДНИ УР разработаны методические рекомендации «Выявление, учет, описание и хранение особо ценных документов в ЦДНИ УР», а в 2004 г. – «Памятка по выявлению, описанию, учету, хранению и использованию особо ценных документов общественных объединений – источников комплектования ЦДНИ УР». Они положили начало целевому выявлению ОЦД в архиве и закрепили его основные принципы: выявление проводится только по прошедшим переработку и рассекречивание фондам с обязательным полистным просмотром дел. Прежняя организация работы с ОЦД в целом сохранилась, но изменились критерии оценки документов и подходы к их применению.

В порядке внедрения в практику Методических рекомендаций по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации (М., 2006) в марте 2007 г. ЦДНИ УР совместно с Центральным госархивом Удмуртской Республики организовал научно-методический семинар по работе с ОЦД в госархивах, на котором обсуждались вопросы применения критериев, составления аннотаций в описях ОЦД и др. Большинство его участников высказались за использование общих критериев оценки документов, дополненных критериями «юридическая сила» и «страховая оценка документа», а также облегчающего их применение фактора уровней информационной насыщенности документов. Кроме того, было принято решение о составлении перечня в качестве приложения к номернику ОЦД взамен аннотаций, загромождающих опись и мешающих учету документов.

Номерник и перечень обеспечивают точность, полноту учета особо ценных дел и документов, листов ОЦД, раскрывают их видовой состав и содержание. Для ЦДНИ УР это важно, поскольку опись ОЦД не может отразить названные параметры: дела в фондах партийных органов и организаций сформированы без соблюдения номинального и даже хронологического признаков.

В отличие от рекомендаций ВНИИДАД, предложивших шесть критериев выявления ОЦД, в ЦДНИ УР применяются выработанные и проверенные практикой восемь критериев, объединенные в три группы и дополненные критериями «юридическая сила» и «страховая оценка документа». Решающим в определении ОЦД является «непреодоляющее значение документа». Предложенные ВНИИДАД критерии «подлинность» и «юридическая сила» рассматриваются как единое целое, ибо подлинность документа подразумевает правильное его оформление и наличие необходимых реквизитов, а значит, наделяет юридической силой. Применение данного критерия имеет свои особенности при выявлении ОЦД в фондах партийных органов 1920–1930-х гг.: в некоторых случаях по содержанию к ОЦД относят копии протоколов, имеющие все необходимые реквизиты (дата, подписи, резолюции, печати).

В ЦДНИ УР принимают во внимание несколько факторов: место создания и вид документа, уникальность, типичность и повторяемость информации. На их основании к ОЦД отнесена «Книга учета личного состава артиллерийского дивизиона», которая велась в годы Великой Отечественной войны на передовой, в окопах и землянках.

Новый подход к применению критериев предполагает выдвижение на первый план критериев содержания документов, исключая влияние идеологии, конъюнктуры на оценку документа.

Наибольшую трудность представляет соблюдение принципа историзма, требующего оценивать правовое, культурное, историческое и научное значение документов в зависимости от политической и экономической системы, характера государственной власти в стране, состояния общества, востребованности документа и т.п.

Другая проблема связана с оценкой значимости документа в масштабах России и Республики Удмуртия. Сотрудники ЦДНИ УР при выявлении ОЦД стараются учитывать также типичность и уникальность факта и события, отраженного в документе. Например, документы о пребывании политических ссыльных, размещении и уничтожении ядерных и химических отходов, закрытии монастырей и церквей на территории Удмуртии, развитии

национальной культуры, фольклора удмуртского народа могут быть отнесены к особо ценным исходя из значимости информации и времени создания в совокупности с другими критериями, а также уникальности и типичности содержащейся в них информации.

В декабре 2007 г. методические разработки ЦДНИ УР были уточнены и дополнены в соответствии с решениями межархивного научно-методического семинара, а также Правилами организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (М., 2007).

Теперь работа по выявлению и описанию ОЦД в ЦДНИ УР проходит три этапа, на каждом из них составляется определенный элемент НСА: на первом – список фондов, потенциально содержащих ОЦД, на основе которого планируется ежегодная работа по данному направлению; на втором – перечень по фонду, используемый при планировании поллистного просмотра дел, выявления и описания ОЦД (по описям конкретного фонда определяются потенциально содержащиеся ОЦД дела); на заключительном этапе выявляются ОЦД путем поллистного просмотра включенных в перечень дел. Составляются перечень и номерник ОЦД (основные документы по их учету в архиве), а по итогам работы по каждому фонду – акт о завершении выявления особо ценных документов (дел). Кроме того, в архиве ведется список фондов, содержащих ОЦД и реестр номерников ОЦД.

Пакет документов по выявлению и описанию ОЦД каждого конкретного фонда согласовывается с экспертно-методической комиссией (ЭМК) ЦДНИ УР и утверждается директором. Так, к ОЦД отнесены документы об охране труда, в том числе детского, на Ижевских заводах (1920–1930-е гг.), о разработке тарифных сеток, условиях оплаты труда рабочих, ИТР, их бытовых условиях; анкеты опроса беспартийных рабочих об их отношении к партии и ее политике (1925–1926 гг.); спецсводки ОГПУ о настроениях рабочих, ходе коллективизации сельского хозяйства; листы Всероссийской переписи членов РКП(б)–ВКП(б) за 1922 и 1925 гг., где отражен социальный состав партии; автобиографии коммунистов, содержащие воспоминания о судьбоносных событиях в истории страны (революции, Гражданской войне, уходе семей с армией Колчака и т.п.). Традиционно, но с учетом содержания, особо ценными документами считаются и протоколы заседаний органов РКП(б)–ВКП(б), материалы партийных конференций, пленумов.

В фонде Истпарта, архивных коллекциях к ОЦД отнесены редкие листовки и воззвания начала XX в., документы о Героях Советского Союза – уроженцах Удмуртии, лидерах комсомольского и пионерского движения республики и др. Среди документов КПСС признаны особо ценными (а также уникальными) дело по приему в члены КПСС и учетная карточка члена КПСС выдающегося конструктора стрелкового оружия д-ра техн. наук М.Т. Калашникова.

По принятой в ЦДНИ УР методике под руководством сотрудника отдела комплектования осуществляются выявление и описание ОЦД на стадии их хранения в архиве организации в процессе упорядочения документов.

Первый и второй этапы работы полностью выполняются сотрудниками архива: составляются список общественных объединений – источников комплектования ЦДНИ УР, рекомендованных для выявления ОЦД (на

первом этапе), и перечень образующихся в их деятельности документов, рекомендованных для отнесения к ОЦД (на втором этапе). Список и перечень уточняются и согласовываются с ЭМК ЦДНИ УР не реже одного раза в три года. Третий этап осуществляется в ходе упорядочения документов: составляются номерник и перечень ОЦД, которые согласовываются с экспертной комиссией организации, а при ее отсутствии – ЭМК ЦДНИ УР, и вместе с архивными описями выносятся на рассмотрение экспертно-проверочной методической комиссии (ЭПМК) Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики.

Страховое копирование ОЦД, выявленных в архивах организаций, предполагается проводить после их поступления на постоянное хранение в ЦДНИ УР, где главным хранителем будет составляться акт о выявлении ОЦД, а пока в отделе комплектования ведется самостоятельный учет организаций, имеющих ОЦД.

Выявление ОЦД до поступления на постоянное хранение позволяет избежать повторных затрат рабочего времени на полистный просмотр дел. Данная работа осуществляется в Совете Федерации профсоюзов республики, рескомах профсоюзов, крупных ветеранских (РОО ООО «Российский союз ветеранов Афганистана» и др.), национально-культурных (Всеудмуртская ассоциация «Удмурт Кенеш», Республиканский центр российских немцев в Удмуртии «Видергебурт», Общество русской культуры Удмуртской Республики, Общинный центр еврейской культуры Удмуртской Республики и др.), творческих (союзы композиторов, писателей, архитекторов, художников Удмуртии) организациях и др.

В 2007 г. в соответствии с решениями межархивного научно-методического семинара был проведен пересмотр ОЦД архива, выявленных до 2002 г., отменено решение ЭПМК Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики об отнесении к особо ценным всех документов описи № 1 фонда Удмуртского рескома и документов Игринского райкома КП РСФСР. В результате количество ОЦД в архиве сократилось и на 1 января 2008 г. составило 2739 ед. хр. (страховой фонд имеется на 84,3 % ОЦД).

В 2008 г. в архиве вновь приступили к выявлению ОЦД по описи № 1 Удмуртского рескома КП РСФСР, начали экспериментальное выявление ОЦД личного фонда д-ра филол. наук, проф., протоиерея М.Г. Атаманова. В планах архива составление памяток по выявлению ОЦД в фондах и коллекциях личного происхождения, особо ценных аудиовизуальных документов.

Выявление, описание и учет ОЦД в ЦДНИ УР за сравнительно короткое время стало одним из важнейших направлений деятельности, существенным фактором обеспечения безопасности архивных фондов и содержащейся в них информации. Методика данной работы в архиве постоянно совершенствуется, однако проблемы остаются: новое осмысление истории, поиск современных подходов к применению критериев. По-видимому, корректироваться будут с учетом современных требований некоторые прежние решения.

* *Ащеулова Е.Н.* К проблеме особо ценных документов // Отечественные архивы. 1994. № 3; Основные правила работы государственных архивов Рос-

сийской Федерации. М., 2002; Создание современных архивных справочников на основе дифференцированного подхода: Метод. пособие. М., 2002.

В фондах российских и зарубежных архивов

Голод начала 1920-х гг. охватил около 40 губерний Советской России. Летом 1921 г. АРА (American Relief Administration) и другие международные общественные организации отозвались на обращение Правительства РСФСР об оказании помощи. Персонал АРА (300 приехавших из Америки сотрудников и около 10 тыс. из местного населения) работал с 28 сентября 1921 г. по 21 июня 1923 г. в 37 губерниях, пострадавших от неурожая и голода, хотя первое судно с продовольствием прибыло в Петроград уже 1 сентября, и в первые недели месяца здесь было организовано 120 кухонь для 42 тыс. детей. К концу 1921 г. 2997 питательных пунктов в 191 городе и деревнях от Питера до Астрахани ежедневно обслуживали 568 020 детей. В мае 1922 г. АРА кормила свыше 6 млн человек. В том же году Россия получила от всех международных организаций, участвовавших в оказании помощи голодающему населению, 568 тыс. т продовольствия.

АРА вела доставку продуктовых посылок, каждая из которых включала 49 фунтов муки, 25 – риса, 3 – чая, по 10 фунтов – жира и сахара, 20 банок сгущенного молока. Один такой набор обеспечивал семью из пяти человек питанием на неделю. Было закуплено и доставлено в Россию свыше 700 тыс. продовольственных посылок на сумму 7 млн долларов.

Финансировалось строительство дорог, мостов, заводов, школ, больниц. Медицинское подразделение АРА распределило медикаментов, препаратов и оборудования 16 тыс. 419 учреждениям, почти 10 млн россиян были сделаны прививки, медицинскую помощь получили около 20 млн человек. Всего за два года АРА израсходовала около 78 млн долларов на оказание помощи России. (Подробнее см.: Макаров В.Т., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5; Латыпов Р.А. Помощь АРА советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Relga: Интернет-издание. № 16 (179). 25.11.2008.)

Н.В. Усманов

Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921–1923 гг.: документы госархивов Республики Башкортостан

Неурожай 1921 г., вызвавший небывалый голод в Советской России, заставил правительство обратиться за помощью к международной общественности. Среди откликнувшихся на призыв зарубежных благотворительных организаций наиболее крупной была Американская администрация помощи (АРА), возглавляемая Гербертом Гувером. Она осуществляла широкомасштабную работу во всех пострадавших регионах РСФСР, а также на Украине и в Белоруссии. Для более эффективной деятельности АРА разделила территорию, нуждающуюся в продовольственной поддержке, на двенадцать округов и создала окружные конторы в губернских центрах. На Южном Урале, пострадавшем от природной стихии и Гражданской вой-

ны не меньше, чем Поволжье, помощь голодающим оказывалась под руководством двух окружных контор – в Уфе и Оренбурге.

Деятельность АРА на Южном Урале (как, впрочем, и в России в целом) пока не получила всестороннего изучения. Первой вышла статья челябинского историка М.Д. Машина, который, используя некоторые документы архивов Челябинска и Златоуста, взялся продемонстрировать, как через АРА «американские империалисты пытались проникнуть в экономическую и политическую жизнь страны, собрать и объединить вокруг себя контрреволюционеров всех мастей и, опираясь на них, свергнуть Советскую власть»¹. В последнее время появились публикации об АРА другого исследователя из Челябинска – Ю.Ю. Хмелевской. В ее работах, в отличие от крайне тенденциозной статьи предыдущего автора, деятельность американской организации в целом показана объективно, однако использованы документы исключительно самой АРА, хранящиеся в Гуверовском архиве при Стэнфордском университете в США². Местные источники о деятельности АРА на Южном Урале были частично обнародованы в археографических сборниках, напечатанных в основном в Башкирии³.

Уфимская контора АРА осуществляла свою продовольственную программу с ноября 1921 г. по июнь 1923 г. Первоначально она занималась организацией поставок продовольствия на территории Уфимской губернии и Башкирской Республики, позднее в сферу ее деятельности вошли Челябинская губерния и некоторые уезды Екатеринбургской, Пермской и Кустанайской губерний. До весны 1922 г. помощь оказывалась преимущественно детям, затем распространилась и на взрослых.

Работа Уфимской окружной конторы АРА достаточно полно отражена в документах Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ): в фондах уполномоченного полномочного представителя правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим по Уралу и Башкирии (Ф. Р-100) и Уфимской губернской комиссии по оказанию помощи голодающим (Ф. Р-101), а также Центрального государственного архива общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ): в фондах Уфимского губернского и Башкирского областного комитетов РКП(б) (соответственно Ф. П-1 и П-22). В основном это различные статистические данные о продовольственной и иной помощи голодающим. Кроме того, здесь можно обнаружить переписку руководителей американской миссии в Уфе с различными местными государственными и общественными организациями, а также переписку советских учреждений, связанную с деятельностью АРА. Именно эти документы рассматриваются в данной статье. Письма, исходящие от АРА, составлены на двух языках, напечатаны на пишущей машинке с указанием реквизитов организации. Уфимская контора имела также угловой штамп с обозначением английского и русского наименований организации и ее адреса. На некоторых документах стоит печать с подписями по окружности «AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION» и в центре «OFFICIAL RUSSIAN UNIT [.] UFA». Значительная часть писем составлена руководителем Уфимской конторы АРА полковником Уолтером Беллом и его заместителем Питом Хофстрой, которые прибыли в Уфу в начале ноября 1921 г., а также назначенным Уфимским губернским исполкомом уполномоченным при местной миссии АРА Я.Р. Савельевым. Бывший командир Красной ар-

мии, глава Уфимской губернской комиссии по оказанию помощи голодающим был призван содействовать работе американской организации в губернии и получил весьма широкие полномочия. Позднее Савельев представлял в АРА интересы Башкирской Республики и ряда близлежащих губерний.

Сохранились первые письма П.Хофстры Я.Р. Савельеву. Одно из них, от 9 ноября, обозначено как «местное письмо № 2». В нем заместитель руководителя Уфимской конторы (полковник Белл в это время выехал в Стерлитамак для организации снабжения американским продовольствием Башкирской Республики) ставил вопрос о передаче городской столовой № 10 в распоряжение миссии АРА. Американцы согласились кормить там детей (около 1500 человек), прежде получавших пищу через местный комитет помощи голодающим. П.Хофстра просил Савельева сделать в столовой ремонт и выражал желание обсудить это в помещении самой столовой⁴. Из второго письма, датированного тем же числом, видно, что днем ранее американцам для их конторы было обещано помещение по адресу: Центральная улица, дом № 32. Заместитель Белла просил также соорудить гараж для двух автомобилей, прибытия которых ожидали в Уфе⁵.

Шестого декабря того же года Белл писал Савельеву: «Спешу сообщить Вам радостную новость, переданную мне из Москвы по телеграфу, о том, что число ежедневных порций разрешено нам увеличить за декабрь с 50 000 до 75 000 порций». Далее он приводил схему распределения дополнительных порций в Уфимской губернии и Башкирской Республике⁶. Остальная переписка между сотрудниками АРА и полномочным представителем Уфимского губисполкома содержит подробные статистические данные о расширяющейся поддержке голодающим Южного Урала. Максимального размера она достигла к лету 1922 г. В июле в Уфимском округе в столовых АРА горячая пища ежедневно выдавалась более чем 500 тыс. детей, а 1,02 млн взрослых получали пайки зерна кукурузы⁷. После сбора в целом удовлетворительного урожая 1922 г. американцы заметно снизили поставки продовольствия в города и села. Однако значительная часть населения продолжала страдать от недоедания, и поэтому деятельность благотворительной организации продолжалась.

В госархивах республики довольно много источников, показывающих, как складывались отношения американских филантропов с властями различного уровня на территории Южного Урала. Из переписки с местным руководством видно, что американцам в их благотворительной работе достаточно оперативно оказывалась необходимая помощь. При тех или иных затруднениях руководители Уфимской конторы АРА апеллировали к разным компетентным органам, включая местное отделение ВЧК. Так, например, У.Белл «ввиду чудовищности и серьезности» деяния одного из местных работников столовой АРА (воровал муку и подмешивал в пищу суррогаты) напрямую обратился в губернскую ЧК. Полковник просил в случае подтверждения виновности работника столовой вынести ему «серьезный приговор тюремного заключения и чтобы не было допущено возможности заменить заслуженное наказание простым денежным штрафом»⁸. 21 марта 1922 г. У.Белл написал письмо в упраздненную к тому времени ЧК Уфимской губернии с просьбой установить постоянный надзор за торговлей на рынках и в лавках продуктами, выдаваемыми АРА голодающим бесплатно. Он обращал внимание чекистов на то, что кукуруза, раздаваемая взрослому

населению, не выращивалась в данной местности и, следовательно, торговля ею незаконна и должна быть наказуема. Далее полковник приносил благодарность за «помощь в прошлом» и заверял в желании дальнейшего сотрудничества⁹. Ответственному советскому работнику, до которого дошло это послание, пришлось информировать Белла о том, что «чрезвычайные комиссии с присвоенными им ранее функциями в период обострения Гражданской войны ныне упразднены по всей Республике», а «вся уголовно-розыскная часть в настоящее время передана в ведение Уголовного розыска», куда и рекомендовал обратиться, добавив, что лучше это делать через представителя РСФСР. Одновременно «ответработник» заверил руководство Уфимского округа о принятии «решительных мер к прекращению торговли продуктами АРА и преследованию расхитителей и скупщиков»¹⁰. Названные документы убеждают в том, что отношения американской организации с органами ВЧК не всегда были конфронтационными.

Однако трудностей, недоразумений и конфликтов в ходе совместной работы по организации продовольственной и иной поддержки населению возникало немало. Американцы, в частности, строго требовали соблюдения санитарных норм и иных правил при открытии своих столовых, что вызывало непонимание местных властей. Так, например, руководители Уфимской конторы АРА в ответ на один из запросов о снабжении продовольствием двух детдомов согласились помогать только одному из них, отказав содержащемуся «слишком грязно»¹¹. В ответном письме Беллу полномочный представитель правительства РСФСР при его организации писал: «Заключение подписанного Вами письма, что этому дому будет оказана помощь лишь после того, как он будет вычищен, по меньшей мере, меня смущало, и я глубоко уверен, что это выражение является извращением Вашей мысли при переводе на русский язык». Далее он сообщал: «Считаю своим долгом поставить Вас в известность, что названный детский дом в течение голодного года и до настоящего времени содержится на отчисления от скудного заработка рабочих Рупвода, что от обессиленных вследствие пережитого голода большего героизма требовать нельзя, и я думаю, что мы с взаимными усилиями поможем детям этого дома»¹².

Инициаторами вполне понятных претензий к американцам выступали не только советские чиновники. Рядовых граждан возмущал излишне строгий порядок работы учреждений АРА, затруднявший реальную помощь детям. Из столовых не выдавали продукты на дом, в то время как многие из голодавших детей в холодное время года не имели возможности посещать пункты питания из-за отсутствия обуви и одежды. Зачастую больные дети, стоя в очередях, заражали других. Был случай, когда один врач, приехав к больному тифом ребенку, узнал, что последний отведен в очередь за получением обеда в столовой АРА¹³. По свидетельству исполняющего должность врача одного из медицинских участков г. Уфы Н.Эльмана, рапортовавшего в Уфимский губздрав о порядках в столовой АРА № 7, «дети должны были доставляться родителями в зимние морозные дни за 3–4 версты полураздетые, голодные, боясь потерять паек за неявку». «Появилось, – утверждал он, – никогда еще небывалое, насколько я наблюдаю, живя в Уфе 28 лет: процентное отношение обморожения II степени среди детей достигло 25 процентов»¹⁴. Справедливости ради надо отметить, что американцы все же учли замечания по организации детского питания в столовых АРА и согла-

сились в отдельных случаях выдавать пищу для больных детей на дом. Кроме того, через местные отделения АРА было роздано много обуви и одежды, что позволило посещать пункты питания тем, кто раньше не мог это делать.

Работа американской благотворительной организации была бы невозможна без участия местного персонала. Принято считать, что в основном это представители бывших имущих классов, враждебно относившихся к новой власти в России¹⁵. Однако архивные документы свидетельствуют иное. Например, в начале 1923 г. в Уфимском округе АРА насчитывалось 262 местных сотрудника, причем из них всего 22 выходца из дворян, 70 – из крестьян, к средним слоям горожан («мещанам») принадлежало 95 человек, к другим сословиям – 75 сотрудников¹⁶. Как видно из приведенных данных, дворяне составляли чуть более 8 % местных работников АРА. То есть доля дворян и городской интеллигенции здесь превышала их обычную норму в составе населения, но это было характерно и для советских учреждений того времени.

В ЦГИА РБ имеется 66 анкет местных служащих одного из территориальных подразделений Уфимского округа АРА. В них членами партии большевиков назвали себя восемь человек. Еще один в графе «партийность» написал: «РКСМ». На вопрос анкеты «Если беспартийный, какой политической партии сочувствуете?» четырнадцать человек ответили: «РКП(б)» или «коммунистической», еще пять – «советской», «советской власти», «идеи коммунизма», «господствующей партии», «анархистам». Десять человек игнорировали этот пункт анкеты (не заполнили соответствующую графу или поставили прочерк). Остальные дали такие ответы: «политикой не занимаюсь», «вне политики», «без политических убеждений» и т.п.¹⁷ По всей видимости, не все приведенные в анкетах ответы были искренними, тем не менее они дают некоторое представление о составе и политических настроениях российских служащих АРА. Учитывая довольно высокую прослойку среди них коммунистов и сочувствующих РКП(б), трудно предположить, что американцы могли вести в этой среде широкую антисоветскую пропаганду или вербовать шпионов, как это утверждалось в некоторых публикациях советских историков¹⁸.

В то же время, надо признать, многие сотрудники АРА, набранные американцами из местного населения, не пользовались доверием у советских и партийных работников. На одном заседании президиума Уфимского губернского комитета партии в мае 1922 г., проведенном совместно с членами губисполкома, было, например, заявлено, что «АРА, несомненно, является тем местом, где белогвардейцы нашли свое место, умело ведут линию дискредитации власти, и вообще АРА может быть использована в контрреволюционных целях»¹⁹. Правда, документов, в той или иной степени подтверждающих этот вывод, нами обнаружено немного. Чаще всего в них описаны факты, негативно характеризующие моральные качества официальных сотрудников АРА. В частности, можно привести выписку из шифрованной сводки о политическом состоянии Белебеевского уезда Уфимской губернии за май 1922 г. В ней содержится следующая информация: «Работавший в Старо-Калмашевской волости инструктор АРА Епифанов был замечен во взяточничестве. Чекмагушевский райком и Старо-Калмашевский волысполком представили на него обвинительный материал... Епифанов, узнав об этом, собрал почти во всех селениях волости сходки, а в деревне Ихсаново собрал волостной съезд представителей селькомов помощи АРА, где вел агитацию, что коммунисты

хотят загрязнить его совершенно безвинно и что, возможно, они добьются того, что его снимут с работы или переведут в другую волость, оставив Старые Калмаши без инструктора, тем самым коммунисты послужат тому, что ваша волость лишится помощи, по крайней мере, более не будут вам увеличивать пайков»²⁰. Однако такое поведение своих сотрудников американцами не поощрялось. Белл заверял полномочного представителя правительства РСФСР при его организации, что «во всех случаях, где обнаружено злоупотребление... я не только окажу Вам возможное содействие в пресечении его, но и буду требовать наиболее серьезного наказания»²¹.

Среди документов архивов определенный интерес представляют переводы на русский язык статей из американской прессы тех лет о деятельности АРА на Южном Урале. По-видимому, руководители Уфимской конторы АРА старались ознакомить своих местных сотрудников и курирующие их организации с тем, как оповещаются граждане США о работе их организации. В частности, в переводе статьи из нью-йоркской газеты «Ивнинг Мэйл» за 9 сентября 1922 г., направленной на адрес Я.Р. Савельева, дается весьма высокая оценка созданного по инициативе У.Белла и при содействии Уфимской конторы АРА комитета по улучшению состояния г. Златоуста. В публикации сообщалось, что комитет построил 270 дорожных мостов для облегчения распределения продовольствия и помощи в уборке хлеба, починил 160 старых мостов, устроил 94 питьевых колодца и восстановил полностью две большие школы. Особое место отводилось рассказу о постройке в Златоусте дренажного канала длиной примерно 900 м. Автор публикации отмечал, что «о постройке этого канала разговоры велись в течение семидесяти лет, но действительная проводка началась лишь после образования комитета»²². Данная информация почти дословно вошла в книгу официального историографа Американской администрации помощи Г.Фишера, написанную вскоре после окончания миссии АРА в России²³. Сотрудники Уфимского представительства АРА посылали Я.Р. Савельеву и другие выписки из прессы США. В частности, из журнала АРА «Рашен Юнит Рекорд» была представлена информация о похоронах на родине, в США, погибшего в Уфе от тифа сотрудника АРА Гарольда Бленди. Американец проработал на Урале всего около четырех месяцев, но успел немало сделать для организации помощи голодающим²⁴. В статье из «Нью-Йорк Геральд», также обнаруженной нами среди бумаг уфимского уполномоченного при загранпомголе, сообщалось о встрече руководителя миссии АРА в России У.Хаскелла с В.И. Лениным. В своем интервью Хаскелл высоко оценивал руководителя советского государства, называя его «выдающейся личностью»²⁵. По всей видимости, такого рода публикации, передаваемые в курирующие АРА организации, должны были создавать о ней благоприятное представление.

Весьма любопытны документы заключительного периода деятельности Американской администрации помощи на Южном Урале. Исходя из указаний, посланных Москвой, Я.Р. Савельев предписывал своим сотрудникам «в ликвидационной работе строго придерживаться инструкций, не создавать мелких, ненужных, осложняющих дело инцидентов и конфликтов». В то же время, накануне закрытия Уфимской конторы Американской администрации помощи, он требовал «всячески пресечь возможные попытки разбазаривания и нецелесообразного расходования АРА товаров»²⁶. Последнее было связано с тем, что американцы накануне своего отъезда хотели самостоя-

тельно распределить оставшиеся у них запасы продовольствия и иную собственность, чего власти никак допустить не могли. Ведь из американских запасов они предполагали создать особый продовольственный фонд.

За несколько дней до отъезда американцев из Уфы в адрес местных властей пришла телеграмма из Москвы следующего содержания: «При отъезде АРА приветствия, благодарность, проводы могут быть устроены, но должны носить абсолютно официальный характер от имени местных циков, снкомов, губисполкомов. Ни в коем случае не должно быть массовых, от имени населения благодарственных актов и выступлений»²⁷. Таковы были, к сожалению, реалии того времени, не позволявшие открыто выразить народную признательность иностранной организации, спасшей от голодной смерти сотни тысяч россиян.

Архивы Южного Урала хранят достаточно богатый и разнообразный материал о пребывании и деятельности в регионе в 1921–1923 гг. Американской администрации помощи. Поиск и публикация таких документов, показывающих, как в период взаимного непризнания советская и американская стороны смогли найти общий язык и сотрудничали в деле спасения людей от гибели, несомненно, могут способствовать взаимопониманию и сближению народов России и США.

¹ *Машин М.Д.* К вопросу о деятельности АРА на Южном Урале в 1921–1922 гг. // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1968. Вып. 3. С. 51–66.

² См.: *Хмелевская Ю.Ю.* Роль американской миссии в борьбе с голодом на Урале (по материалам Уральско-Уфимского округа АРА, 1921–1923 гг.) // Южный Урал в судьбе России. Челябинск, 2003. С. 149–154; *Она же.* 1922 год на Южном Урале глазами американского очевидца: Уильям Джозеф Келли и его письма из Уфы // Археография Южного Урала. Уфа, 2004. С. 222–230.

³ См.: *Усманов Н.В.* Новые источники об американской помощи голодающим Башкирии в 1921–1923 гг. // Археография Южного Урала. Уфа, 2001. С. 152–156; *Он же.* Отношение Американской администрации помощи к местным властям в Башкирии во время голода 1921–1923 гг. // Уникальные источники по истории Башкортостана. Уфа, 2001. Вып. II. С. 73–80; *Он же.* Документы начала 20-х гг. XX века об отношении населения Башкирии к Америке и американцам // Археография Южного Урала. Уфа, 2004. С. 204–208; и др.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 70. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 29–30.

⁷ Там же. Д. 176. Л. 293

⁸ Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 65. Л. 67.

⁹ Там же. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 182. Л. 121.

¹⁰ Там же. Л. 119.

¹¹ Там же. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 65. Л. 122.

¹² Там же. Л. 123–123 об. Рупвод – районное управление водного транспорта.

¹³ ЦГАОО РБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 516. Л. 24 об.

¹⁴ ЦГИА РБ Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 376. Л. 13.

¹⁵ В 1949 г. А.Н. Коган писал, что «авантюристы, контрреволюционеры находят у АРА покровительство и защиту». (См.: *Коган А.Н.* Антисоветские действия Американской администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921–1922 гг. // Исторические записки. 1949. Т. 29. С. 5.) В БСЭ в статье «Американская администрация помощи» также отмечалось, что «правящие круги США постарались использовать ее для поддержки контрреволюционных элементов». (См.: БСЭ. 3-е изд. М., 1970. Т. 1. С. 516.)

¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 40. Л. 16.

¹⁷ Там же. Д. 70, 79, 81, 125–130.

- ¹⁸ Коган А.Н. Указ. соч.; *Городничий Н.Ф.* Малоизвестные страницы деятельности АРА в Советской России // Вопросы истории. 1968. № 12; *Поляков А.А.* Диверсия под видом помощи: повесть-хроника. М., 1985.
- ¹⁹ ЦГАОО РБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 511. Л. 136.
- ²⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.
- ²¹ ЦГАОО РБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 511. Л. 41.
- ²² ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 197. Л. 119.
- ²³ *Fisher H.* The Famine in Soviet Russia. 1919–1923. The Operations of the American Relief Administration. N.-Y., 1927. P. 295.
- ²⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 26. Л. 68.
- ²⁵ Там же. Д. 114. Л. 10–11.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 32. Л. 258 об.
- ²⁷ Там же. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 1. Л. 83.

А.П. Линькова

Документы Сызранского филиала ЦГА Самарской области о деятельности АРА в Поволжье в 1921–1923 гг.

Участие международной благотворительной неправительственной организации – Американской администрации помощи (АРА) – в спасении голодающего населения РСФСР, в том числе Сызранского уезда, еще недостаточно изучено. Деятельность АРА в означенный период отражена лишь в отдельных работах, изданных в 1990–2000-е гг. в ряде республик Поволжья и в Центре¹. В них говорится о мотивах помощи американцев народу Советской России, об организации не только продовольственной, но и медицинской помощи (инспектирование больниц для определения их первейших потребностей и распределения медикаментов, препаратов и оборудования; осуществление масштабной программы вакцинации населения; проведение санитарных работ – очистка улиц, канализации, дренажных систем, а также открытие общественных бань, оборудованных автоклавом для стерилизации одежды, и др.).

В Сызранском филиале Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО) в фонде «Сызранское отделение Русско-американского комитета помощи голодающим детям (АРА)» сосредоточены 13 дел с документами о деятельности АРА по оказанию помощи голодающим детям уезда и г. Сызрани. Документы, напечатанные, как правило, на старых машинках, нередко написанные карандашом на обрывках бумаги, свидетельствуют о том, как при содействии АРА от голодной смерти были спасены тысячи детей Сызранского уезда. Этот документный комплекс за ноябрь 1921 – август 1923 г. был сформирован в отдельный фонд в 1953 г. из секретных материалов Сызранского уездного исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов.

В документах фонда можно выделить несколько групп. Первую составляют организационно-распорядительные документы (договоры, инструкции и др.), а также переписка центральных и губернских органов об организации и деятельности уездных, волостных и сельских комитетов АРА, акты обследования, материалы различных проверок. Из этих источников становится понятно, что в августе 1921 г. перед молодой Советской Россией возникла труднейшая проблема, которую решить самостоятельно ей оказалось не под силу. Писатель М. Горький с разрешения советского правительства через известного американского государственного деятеля и крупного промышленника Г. К. Гувера (впоследствии президента США)² обратился к народу Соединенных Штатов за помощью для голодных и больных, в особенности детей.

20 августа 1921 г. в Риге уполномоченный представитель Совета народных комиссаров РСФСР М. М. Литвинов и директор АРА в Европе г-н Браун подписали соглашение, в котором сказано: «Господин Гувер и американский народ из человеколюбивых соображений воодушевились желанием помочь голодающим, предложили помощь приблизительно для одного миллиона детей, независимо от их национальности, религии, социального положения и политических взглядов»³. После того как осенью от представителей АРА в Поволжье пришли сообщения об устрашающем масштабе голода, Гувер добился решения Конгресса о выделении дополнительной помощи. 30 декабря в Лондоне было подписано еще одно соглашение с АРА – о питании взрослого голодающего населения.

Представительство АРА в Сызрани, как следует из его отчета, было открыто 6 ноября 1921 г. американцем Соммервилем⁴. В Сызранский уездный комитет АРА входили: заведующий народным образованием Д. Е. Синявский, заведующий уездным отделом статистического бюро Е. И. Ковалев, военный врач Р. И. Хаймович, гарнизонный врач М. М. Бекенев, доктора А. А. Павлов и Конопацкий, учитель М. Д. Денисова, ответственный секретарь уездного комитета РКП(б) И. Ф. Рыбочкин и председатель уездного исполкома Воздвиженский⁵. Комитет приступил к выполнению своих функций, изложенных в инструкции для уполномоченных при местных представительствах АРА⁶. В первые месяцы работы общие собрания членов комитета проходили еженедельно. На них решались наиболее важные и принципиальные вопросы. Текущая административная и организационная работа в комитете проводилась его президиумом, состоявшим, согласно списку служащих Сызранского уездного комитета на получение пайка за март 1922 г., из пяти человек: Д. Е. Синявский, Р. И. Хаймович, Е. И. Ковалев, В. М. Томилин, А. А. Павлов. Ему подчинялись управленческий отдел (М. К. Лаубе), а также учетно-финансовая (А. М. Сыромятников), хозяйственная (Т. Г. Криушкин), медицинская (А. Л. Черстова) части, склад (А. Г. Соловьев), охрана (И. П. Бахилин)⁷.

Общая инструкция районным уполномоченным полномочного представителя Правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим от 27 апреля 1922 г. давала членам Сызранского уездного комитета АРА широкие права: они обладали особыми мандатами, предоставлявшими им возможность «беспрепятственного передвижения по всем путям сообщения РСФСР», подачи телеграмм, ведения переговоров по прямому проводу, а организации и учреждения города и уезда были обязаны выполнять все их распоряжения в течение 48 часов. Сами же они должны были учитывать все нужды населения голодающего района и изыскивать

способы оказания ему помощи⁸. Кроме организационно-управленческих комитеты выполняли и ревизионные функции: осуществляли санитарное обследование столовых и кухонь, контроль за хранением продуктов, материальной отчетностью, обеспечением инвентарем и др. О проведении проверок инспекторы делали отметку в книге ревизий столовой⁹.

Основная задача Сызранского уездного комитета АРА сводилась к тому, чтобы накормить голодающих в уезде, главным образом детей. Срочно были сформированы комиссии поквартирного обхода с целью определения потребностей каждой семьи: к первоочередным относили опухших от голода, находящихся в острой нужде; ко второй очереди – лиц, временно попавших в состояние нуждаемости (например, больные, которые после выздоровления могут выбиться из тяжелого положения, или семья, ожидающая урожая, и пр.); к третьей – население, способное выполнять общественные работы; к четвертой – семьи, способные прожить без посторонней помощи; к пятой – имеющие запасы продовольствия, имущество или скот, о чем узнаем из «Дополнения к инструкции районным уполномоченным»¹⁰. Всем нуждающимся выдавались талоны на питание с печатью АРА на оборотной стороне. Комиссии обследовали также и детские учреждения. В актах обследования отмечены неблагоприятные условия для проживания: разбитые стекла в помещениях, скудость мебели, низкая освещенность, недостаток оборудования и пр.¹¹

Документы свидетельствуют, что отношения между АРА и местной властью складывались не всегда благоприятно. Городской отдел труда Сызранского уезда в октябре 1922 г. сообщал уполномоченному РСФСР при АРА о том, что в Сызрани в здании женского монастыря помещается столовая и все служащие набраны из чуждого рабочему классу элемента (монашек), в то время как на бирже труда имеется большой контингент безработных. Поэтому из столовой монашек следует удалить, заменив их безработными с биржи труда¹². В ответ на документ 28 октября наложена резолюция уездного полномочного представителя АРА: «Сообщить отделу труда, что АРА нанимает служащих, кого им нужно, так как у них заключен договор с РСФСР, и вмешиваться в это дело никому права не дано»¹³. Иногда претензии к АРА выплескивались в прессе. Так, газета «Сызранский коммунарь» обвиняла американское правительство в том, что на содержание голодного ребенка затрачивается около доллара в день, а это в 4,5 раза меньше, чем на одного солдата белогвардейских армий. Корреспондент писал, что американцы всячески тормозят дело, выжидают, «когда смерть будет гулять по России неограниченным властелином»¹⁴. Та же газета сообщала, что комитет АРА в с. Костычи неправильно распределяет карточки на питание, в стороне остаются многодетные семьи и калеки¹⁵.

Вторая группа источников содержит статистические сведения и отчеты о работе питательных пунктов, докладные записки. В них содержатся данные о количестве выданных пайков и обедов, открытых столовых, их местонахождении. Например, в «Сведениях о питательных пунктах по Сызранскому уезду за декабрь 1921 г.» сообщается, что в уезде открыта 171 столовая, питание организовано при больницах, детских домах, школах, монастырях¹⁶. В период с 17 по 23 декабря в г. Сызрани столовые АРА обслуживали 30 866 детей в 16 детских домах, двух интернатах, двух домах ребенка, пяти детских столовых, Доме матери и младенца, Доме младенчества, семи больницах¹⁷.

С середины 1922 г. наблюдается тенденция увеличения количества питательных пунктов и выдаваемых обедов. Из «Сведений о работе питательных пунктов АРА за июнь 1922 г.» следует, что в начале июня в столовой № 4, действовавшей при женском монастыре в г. Сызрани (ул. Советская), выдано 10 070 обедов, а к концу месяца количество обедов увеличилось до 11 460¹⁸, в столовой № 1 (ул. Советская, 17) за неделю выдано более 12 тыс. обедов¹⁹. В с. Батраки с 1 по 7 июня 1922 г. выдано 4760 обедов, а с 24 июня по 1 июля – 4886²⁰.

Тем не менее продуктов питания, денежных средств, одежды, обуви, медикаментов катастрофически не хватало. Кроме того, организованное комитетами АРА питание плохо переносилось некоторыми детьми из-за непривычной пищи. Так, по «Сведениям о работе питательного пункта АРА за июль 1922 г.», в столовой № 5 с. Мордовская Темрязань при приготовлении блюд использовали продукты, о которых ни дети, ни взрослые ранее не знали и никогда их не ели (маис, фасоль, хлопковое масло, рис, какао и др.)²¹. Представители АРА стремились учесть местную специфику и, по возможности, изменить состав продуктов детских обедов.

Несмотря на международную помощь, количество голодающих в 1923 г. в селах Сызранского уезда продолжало расти. Ежедневно пополнялись списки детей, нуждавшихся в питании. В отчетах о деятельности столовых Сызранского уездного комитета АРА за июнь зафиксированы следующие факты: в с. Бештановка при столовой № 14 кормили 292 ребенка в возрасте от шести месяцев до 11 лет²², в столовой № 43 с. Губино питались 290 детей в возрасте от одного года до 12 лет²³, в столовой № 112 с. Русская Темрязань выдавались обеды 192 детям в возрасте от трех месяцев до 13 лет²⁴.

Одна из проблем касалась установленного АРА строгого правила: никому не разрешалось брать обеды домой или доставлять больным, что вызывало непонимание у населения. Голодающие просили разрешить брать пищу домой, чтобы поделиться с взрослыми членами семьи. И тогда обессиленным детям обеды стали доставлять домой. Так, с 1 июля по 1 августа 1923 г. голодающим детям было выдано в с. Старая Ярыкла 2345 обедов, в д. Старо-Тимошкино – 10 275 обедов²⁵, из них на дом – 125²⁶. Из «Сведений о работе питательных пунктов АРА за июнь–июль 1922 г.» следует, что районные уполномоченные при комитетах АРА обладали правом выдачи дополнительных обедов больным, находившимся в больницах²⁷.

Комитеты вели учет голодающих детей, предоставленных помещений под столовые, кухни, склады, квартиры для персонала; фиксировали обеспечение средствами связи, транспортом. Например, «Сведения о движении грузов по железным дорогам с 1 мая по 1 июня 1922 г.» содержат информацию об отправлении из Москвы и Симбирска продуктов питания для Сызранского комитета АРА с указанием количества упаковок и веса. За этот период в Сызрань было направлено 143 пуда какао, 746 пудов жира, 992 пуда муки, 10 тюков одежды, 157 696 банок молока и др.²⁸ Главными задачами АРА стали сокращение «живых» детских очередей, выдача обедов больным и слабосильным на дом, контроль за качеством приготовления пищи, выполненными работами, отчетностью.

Отчеты о расходе продуктов из районов доставлялись Сызранскому уездному комитету помощи голодающим с указанием проведенных общест-

венных работ и исполнителей²⁹. Например, Осиновский комитет взаимопомощи в «Кратком отчете о расходе продовольствия за июль 1922 г.» извещал, что И.Т. Лобанову (с. Ермаковка) за ремонт в народной школе было выдано 19 пудов пшеничной и 3 пуда 20 фунтов овсяной муки, 2 пуда гороха, Акулине Стрежневой (вдове) за посев озимого клина – один пуд овсяной муки³⁰. Среди других общественных работ, организованных комитетом АРА, были заготовка дров, очистка колодцев и т.д.

Уездный комитет АРА взял на себя ответственность не только за питание, но и за обеспечение одеждой. Директор его медицинской части в докладной записке уисполкому от 15 марта 1922 г. сообщает, что к 1 марта нуждающимся жителям Сызрани выдано 140 фланелевых платьев, 329 ночных рубашек, 160 халатов, 901 полотенце, 13 433 пары чулок, 903 пары носков, а также юбки, одеяла, простыни, напульсники³¹.

Третья группа источников – различные списки: детей, находившихся в детских домах и обслуживаемых комитетами АРА; рабочих и служащих Сызранского уездного комитета АРА; на выдачу заработной платы, пайков рабочим и служащим АРА и др. Исследуя их, можно установить число детей, охваченных питанием, структуру АРА, сотрудников комитетов и их должности, время поступления на службу, председателей и секретарей волостных комитетов АРА и др. Например, в списке служащих уездного комитета на получение советского пайка за август 1922 г. значатся 79 человек, среди которых председатели волостных комитетов: Батракского – А.Н. Шувалов, Кузоватовского – И.Н. Романов, Кашпирского – В.П. Клячин, Никольского – М.К. Зверев, Ст. Костычевского – А.К. Носов, Шигонского – А.П. Благоразумов и др.³² Согласно раздаточному списку на выдачу жалованья охранникам склада АРА за февраль и март 1923 г., их заработная плата колебалась от 71 до 647 руб.³³ Списки детей Дома ребенка № 1 за март и апрель 1922 г. свидетельствуют об увеличении числа детей, охваченных питанием. Если в марте там содержалось и питалось 20 детей, то в апреле прибавилось еще пятеро³⁴. Документ, озаглавленный «Движение детей за апрель 1922 г.», показывает печальную статистику – число умерших и отправленных в больницу³⁵.

Исследование документов архивного фонда помогает раскрыть одну из трагических страниц истории г. Сызрани и уезда и вклад АРА в дело спасения голодающего населения.

¹ Сануков К. Голод 1921–1922 годов в Марийской автономной области и американская помощь. Йошкар-Ола, 1996; Цихелашвили Н.Ш. Американская помощь народам России в начале 20-х гг. XX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Усманов Н.В. Деятельность Американской администрации помощи в Башкирии во время голода 1921–1923 гг. Бирск, 2004; Латыпов Р.А. Голод в Советской России // www.irex.ru; и др.

² Г.К. Гувер (1874–1964) – успешный инженер-предприниматель в горнорудном деле. Обладая колоссальной

энергией, изобретательностью, прекрасными управленческими качествами, скромностью и трудолюбием, он был инициатором создания в 1919 г. неправительственной Американской администрации помощи европейским странам, пострадавшим во время Первой мировой войны, которую сам и возглавил. Вскоре АРА стала частной организацией.

³ СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 1.

⁵ Там же.

- 6 Там же. Д. 3. Л. 18.
 7 Там же. Д. 11. Л. 6, 7.
 8 Там же. Д. 3. Л. 16, 17.
 9 Там же. Л. 19.
 10 Там же. Д. 1. Л. 4 об.
 11 Там же. Д. 5. Л. 84–97.
 12 Там же. Д. 3. Л. 171.
 13 Там же.
 14 Сызранский коммунары. 1922. 10 января. № 7.
 15 Там же. 18 февраля. № 40.
 16 СФ ЦГАСО. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–10.
 17 Там же. Д. 4. Л. 19.
 18 Там же. Д. 9. Л. 3–5.
 19 Там же. Л. 109.
 20 Там же. Л. 85.
 21 Там же. Д. 10. Л. 98–101.
 22 Там же. Д. 13. Л. 82–87.
 23 Там же. Л. 112.
 24 Там же. Л. 52–59
 25 Там же. Д. 10. Л. 22
 26 Там же. Л. 149.
 27 Там же. Д. 3. Л. 9, 12, 14.
 28 Там же. Д. 8. Л. 13.
 29 Там же. Д. 1. Л. 4.
 30 Там же. Д. 3. Л. 68.
 31 Там же. Д. 4. Л. 3.
 32 Там же. Д. 11. Л. 10–15, 18, 19.
 33 Там же. Д. 12. Л. 6, 7.
 34 Там же. Д. 6. Л. 44, 46.
 35 Там же. Д. 7. Л. 8.

Документы о жизни и деятельности российских политиков конца XIX – начала XX в. находятся в архивах не только разных стран, но и континентов. Так, представленные ниже письменные документы главы Временного правительства А.Ф. Керенского хранятся в архивах Республики Узбекистан и Техасского университета (США), а фотографии – в Госархиве Российской Федерации.

Т.В. Котюкова

Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан)*

Биографическая литература, пользующаяся большой популярностью в нашей стране, не всегда высокого качества. Авторы некоторых изданий отступают от истины, опираясь не на документы, а на исторические мифы и непроверенные факты. Так, в книге писателя и публициста В.Л. Стронгина, посвященной Александру Федоровичу Керенскому¹, помещена фотография Симбирской гимназии, в которой якобы учился будущий глава Временного правительства. Однако семья Керенских тогда проживала в Туркестане.

Личность Александра Федоровича уже с февральских событий 1917 г. привлекала исследователей². Интерес к ней в нашей стране значительно усилился со второй половины 1980-х гг.³ Исследования в основном посвящались деятельности Керенского на посту главы Временного правительст-

* Автор приносит благодарность за помощь в подготовке статьи Т.К. Стекловой, бывшему заместителю директора ЦГА РУз (г. Ташкент).

ва и жизни в эмиграции. Подавляющая их часть написана на основе писем, мемуаров, воспоминаний очевидцев и современников⁴, а также на материалах личных воспоминаний Керенского и его техасского архива⁵.

«Туркестанский период» его жизни и сегодня остается малоизученным и незаслуженно обойденным историками, хотя именно в это время происходит становление и формирование его личности. Внести ясность в биографию А.Ф. Керенского позволяют документы ЦГА Республики Узбекистан из фондов Управления учебных заведений Туркестанского края, Ферганского областного правления, Ташкентской судебной палаты⁶, личных фондов Н.П. Остроумова⁷ и С.М. Граменицкого⁸.

В 1889 г. отец А.Ф. Керенского Федор Михайлович был назначен на должность главного инспектора училищ Туркестанского края. «Собираясь в дальнюю дорогу из Симбирска, – писал впоследствии Александр Федорович, – мы ни на мгновение не допускали мысли, что будем жить в “окупированной” стране. Ташкент был просто-напросто далекий уголок России»⁹. Отец Александра происходил из семьи священника Керенского уезда Пензенской области. Окончив школу, он продолжил образование в Пензенской духовной семинарии и стал приходским учителем. По воспоминаниям А.Ф. Керенского, когда в результате изнурительного труда батюшка сумел накопить достаточно денег, то поступил в Казанский университет, считавшийся одним из лучших в России¹⁰. В Казани он познакомился со своей будущей женой Надеждой Александровной Адлер, дочерью начальника топографического отделения при штабе Казанского военного округа.

В семье Керенских было три дочери – Наталья, Елена и Анна и два сына – Александр (родился 22 апреля 1881 г. в Симбирске) и Федор. Не чувствуя призвания к церковному служению, Федор Михайлович – отец будущего председателя Временного правительства – посвятил себя педагогике и классической филологии. Он возглавлял в Симбирске среднюю школу для девочек и мужскую гимназию, в которой учился Владимир Ульянов¹¹. В этой связи стоит привести две цитаты из книги В.Л. Стронгина: «...Владимир Ульянов, окончивший гимназию ранее Саши, юноша с кудряшками на голове, с узенькими глазками, в которых Саша сумел разглядеть холодность и расчетливость»¹² и «...Саша Керенский интуитивно чувствовал, что Володя Ульянов враждебно настроен к нему»¹³. Действительно, В.И. Ульянов окончил Симбирскую гимназию в 1887 г. в возрасте 17 лет, но Саше Керенскому тогда было только шесть. Вряд ли их могли связывать какие-либо отношения.

Судя по документам ЦГА РУз, за двадцать лет пребывания в Туркестане Ф.М. Керенский побывал в самых отдаленных его уголках. За хорошую службу он имел благодарность от царя, серебряную медаль Министерства народного просвещения¹⁴, а в 1901 г. был награжден орденом Бухарской звезды I степени¹⁵.

К 1903 г. стараниями Федора Михайловича в крае насчитывалось 12 средних учебных заведений, 19 городских и одно ремесленное училище, 80 русско-туземных школ и 800 медресе¹⁶. В 1910 г. он вышел в отставку в чине действительного статского советника.

Вот только отношения с подчиненными у Ф.М. Керенского складывались не всегда гладко, ведь он не принадлежал к плеяде так называемых старых туркестанцев, не был востоковедом, свою карьеру начинал в Евро-

пейской России. По воспоминаниям очевидцев, между ним и В.П. Наливкиным¹⁷, инспектором народных училищ Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей (1890–1895 гг.), произошел конфликт (Ф.М. Керенский опубликовал под своим именем статью, составленную по отчетам Наливкина), после которого Владимир Петрович покинул учебное ведомство, публично назвав начальника «литературным вором»¹⁸.

Старшему Керенскому не удалось найти общий язык и еще с одним своим подчиненным, Н.П. Остроумовым, что становится очевидным из работ последнего, написанных им в 1927–1928 гг. по материалам дневниковых записей 1889–1910 гг.¹⁹ Впервые их судьбы пересеклись в студенческую пору в Казани. Как и Ф.Керенский, Н.Остроумов был из духовного сословия, но учился в Казанской духовной академии. В 1877 г. он переехал в Ташкент, где сделал достаточно успешную карьеру в качестве директора народных училищ, затем – учительской семинарии и мужской классической гимназии, где с 1890 г. учился А.Ф. Керенский.

Документы о туркестанском периоде жизни Александра Керенского отложились, в основном, в фондах Ташкентской 8-классной мужской гимназии, Туркестанского районного охранного отделения, Новомаргиланского (Скобелевского) окружного суда, Российского императорского политического агентства в Бухаре, Туркестанского землячества в Петрограде, Общества помощи учащимся в Петрограде туркестанцам²⁰, в личных фондах Н.П. Остроумова и Н.П. Архангельского²¹.

Сохранилось прошение действительного статского советника Ф.М. Керенского на имя директора Ташкентской мужской гимназии от 17 мая 1890 г. о приеме и медицинском освидетельствовании его сына Александра, где сказано: «Желаю, чтобы сын мой, в случае принятия его в заведение, обучался в назначенных для того классах обоим новым иностранным языкам, если окажет достаточные успехи в обязательных для всех предметах»²². С гимназическими годами А.Ф. Керенского связана приведенная В.Л. Стронгиным²³ легенда о том, как Александр «горько и искренне плакал» в день смерти императора Александра III. Эта история, вероятно, позаимствована из воспоминаний М.Ильина: «В октябре 1894 г. седой директор Ташкентской гимназии, собрав в актовом зале вверенных ему питомцев, обратился к ним с прочувственными словами: “Дети! Нашу родину постигло тяжелое, неизбывное горе: скончался Александр III, наш мудрый обожаемый монарх...” Общее молчание. И вдруг тишину прорезают визгливые ноты истерики. На полу, в припадке бьется маленький гимназист. Это Саша Керенский. Он был единственным, – свидетельствуют его товарищи по гимназии, – кто не смог спокойно вынести известие о смерти царя»²⁴. «Седым директором Ташкентской гимназии» тогда был Н.П. Остроумов, назвавший позднее сообщенный Ильиным факт «неправдоподобным, хотя интересным по выдумке»²⁵.

Учился А.Керенский отлично, получал поощрения. В Ташкентском архиве сохранилась расписка учеников 8-го класса мужской гимназии в получении сочинений А.С. Пушкина, присланных Департаментом народного просвещения, где пятым номером значится А.Керенский²⁶.

Александр участвовал в постановках гимназического самодеятельного театра, о чем писала одна местная газета в заметке «Музыкально-драматический вечер в мужской гимназии»: «Затем шел “Ревизор”. Эта бессмертная

24 июня 1899 г. директором гимназии было подготовлено письмо ректору Петербургского императорского университета с просьбой о зачислении Александра Керенского студентом историко-филологического факультета³¹. В нем Н.П. Остроумов сдержанно, но положительно отзывался о своем ученике: «Керенский Александр имеет очень хорошие способности и хорошее* умственное развитие... Характер имеет живой и впечатлительный** юноша благовоспитанный, дурных наклонностей никогда не проявлял, в политическом отношении он вполне благонадежен»³². Некоторое время спустя, накануне отъезда в Петербург, уже неофициально Остроумов так характеризовал своего выпускника: «В развитии природных наклонностей гимназиста Керенского были заложены преобладающие черты – живость темперамента и самолюбивое стремление выдвигаться из окружающей его товарищеской среды, чтобы казаться и обращать на себя внимание публики»³³.

Студенческая жизнь многое изменила в судьбе Александра. «Ни я, ни один из моих соклассников, – писал А.Керенский в зрелые годы, – не имели ни малейшего представления о проблемах, которые волновали молодых людей наших лет в других частях России, толкнувших многих из них еще в школьные годы к участию в нелегальных кружках»³⁴.

Первые студенческие каникулы летом 1900 г. Александр провел в Ташкенте, здесь познакомился со своей будущей супругой. «Очаровательная семнадцатилетняя Ольга» Барановская тогда посещала Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы³⁵. С ее именем связан еще один миф о жизни А.Ф. Керенского. Так, В.Кудин (а вслед за ним и В.Л. Стронгин) в 1988 г. ошибочно написал, что Александр Керенский хорошо знал сестру В.Ульянова Ольгу и был даже увлечен ею³⁶.

В мае 1906 г. помощник присяжного поверенного Александр Керенский прибыл в Ташкент уже «под особый надзор полиции». В архиве сохранилось уведомление начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице, направленное петербургскому градоначальнику и ташкентскому полицмейстеру³⁷.

В 1910 г. А.Ф. Керенский выступал защитником в ряде проходивших в крае судебных политических процессов в отношении членов партии социалистов-революционеров, о чем свидетельствуют протоколы заседания Новомаргиланского окружного суда³⁸. В архиве хранятся письма начальника Петербургского губернского жандармского управления начальнику Туркестанского районного охранного отделения от 13 февраля 1914 г. с биографическими сведениями об А.Ф. Керенском и характеристикой его как адвоката в связи с судебными процессами по делу партии эсеров³⁹.

Став депутатом Государственной думы, Александр Керенский продолжал привлекать пристальное внимание властей. Так, 30 мая 1915 г. Департаментом полиции МВД начальникам губернских областных и городских жандармских управлений было разослано письмо «О наблюдении за разъезжающими по России», где значился и член трудовой группы Думы присяжный поверенный А.Ф. Керенский⁴⁰.

Помимо адвокатской практики, Керенский активно работал в Обществе помощи учащимся в Петербурге (Петрограде) туркестанцам. Так, он составил

* Слово «хорошее» в документе зачеркнуто и заменено словом «впечатляющее».

** Текст неразборчив и имеет значительные редакционные правки.

проект Инструкции о порядке выдачи долговременных ссуд, а во второй половине 1912 г., согласно протоколам, стал председателем этого общества⁴¹.

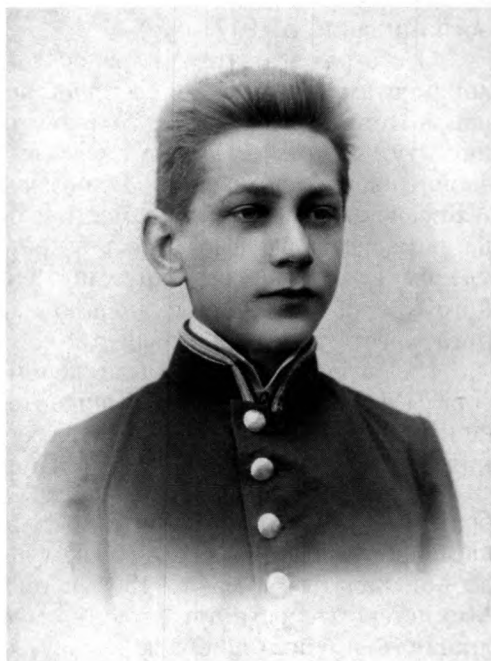
Последнее пребывание Керенского в Туркестане связано с событиями лета 1916 г., получившими широкий резонанс в России. Государственная дума отправила в край свою комиссию⁴² в составе члена мусульманской фракции К.Б. Тевкелева⁴³ и представителя фракции трудовиков А.Ф. Керенского. Визит депутатов с радующей исследователя скрупулезностью отражен в документах сотрудниками Туркестанского районного охранного отделения⁴⁴. Вечером 22 августа они отправились в Джизак, куда прибыли 23 августа, и в тот же день отбыли в Самарканд. 24 августа прибыли в Андижан, где пробыли до 4 часов утра 26 августа, после чего выехали в Коканд. В Ташкент вернулись 27 августа, а утром 2 сентября выехали в Петроград.

В Андижане и Коканде вокруг депутатов «собирались толпы туземцев», из чего начальник Туркестанского районного охранного отделения сделал вывод, что Керенский может пропагандировать среди местного населения идеи, «противные задачам государственного управления»⁴⁵. Действительно, 25 августа во время посещения соборной мечети Джамии в Андижане А.Ф. Керенский заявил, что теперь в России повсеместно беспорядки, вызываемые неправильными действиями правительства, и что по окончании войны в стране обязательно вспыхнет революция, которая низвергнет существующее правительство и заменит таковое новым на выборных началах. При этом оратор попросил полицию и представителей местной администрации удалиться из мечети⁴⁶.

30 августа 1916 г. генерал-губернатор Туркестана Н.А. Куропаткин⁴⁷ в личном письме призывал Керенского «воздержаться при дальнейшем общении с местным населением от всяких разговоров на общеполитические темы». 12 декабря того же года военный губернатор Ферганской области в докладе на имя генерал-губернатора Туркестана также упоминает о Керенском как «защитнике туземного населения в Петрограде»⁴⁸.

События в Туркестане стали предметом особого рассмотрения Государственной думы: на заседаниях 13 и 15 декабря 1916 г. Керенский открывал и закрывал слушания, дважды выступал, возложив главную вину за беспорядки на краевую администрацию⁴⁹.

После революционных событий в феврале 1917 г. Временное правительство в отношении национальных окраин, в том числе Туркестана, взяло курс на сохранение за метрополией сильной центральной власти, что подтверждает телеграмма от 19 марта 1917 г. из Петрограда, адресованная русскому дипломатическому чиновнику в Бухаре. В ней говорится:

Гимназист А.Керенский. 1890-е гг.

«Керенский заходит так далеко в этом вопросе (о статусе национальных окраин, в том числе вассально зависимых от России Хивинского ханства и Бухарского эмирата. – Т.К.), что считал бы даже возможным присоединение обоих ханств»⁵⁰. 31 марта того же года в другой правительственной телеграмме по поводу событий в Бухаре отмечалось: «Одобрение манифеста задерживается обсуждением его в Совете Временного правительства, где министр юстиции Керенский находит желательным некоторые дополнения... чтобы создалось нечто вроде меджлиса»⁵¹.

Туркестанские большевики с самого начала встали в оппозицию к Временному правительству и объявили о серьезных притязаниях на власть в крае, делая при этом ставку на Советы рабочих и солдатских депутатов. 12 сентября 1917 г. в Ташкенте состоялся шеститысячный митинг рабочих и солдат, где избрали Временный революционный комитет, под руководством которого была предпринята попытка государственного переворота⁵².

Реакция Керенского как главы правительства не заставила себя долго ждать. 16 сентября он направил в Ташкент срочную телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Преступная попытка Ташкентского Совета расшатать на далекой окраине власть республиканского правительства является явно контрреволюционной, будет признана мятежом и со всеми последствиями такого признания... Предлагаю в Ташкенте ...принять немедленно самые решительные меры для восстановления порядка, не отступая перед действием вооруженной силы. Высылаются войска, пулеметы, генеральный комиссар и командующий войсками выезжают»⁵³.

Еще одно документальное свидетельство о жизни и политической деятельности Александра Керенского в 1917 г. оставил нам Н.П. Архангельский в неопубликованной статье 1967 г. «Начало карьеры Керенского (Из воспоминаний о 1917 годе)»⁵⁴.

О сестрах и брате А.Керенского известно немного. Судя по архивным документам, их судьбы сложились по-разному. Елена Федоровна, посещавшая в Петербурге в 1890 г. только что открывшийся женский Медицинский институт, некоторое время служила классной надзирательницей Ташкентской женской гимназии⁵⁵. Описывая свой отъезд на учебу в Петербург, А.Керенский отмечал, что вместе с ним к поездке готовилась и сестра Анна, намеревавшаяся поступить в консерваторию. Анна Федоровна являлась членом Туркестанского окружного управления Российского общества Красного Креста. Сохранилось письмо о награждении ее в 1906 г. знаком Красного Креста за труды в обществе⁵⁶.

Надежда Федоровна была женой знаменитого туркестанского архитектора Г.М. Сваричевского. В Ташкенте и сейчас сохранились здания, построенные по его проектам, например все вокзалы и пристанционные сооружения на железнодорожной линии Ташкент – Оренбург⁵⁷.

Младший сын Керенских Федор родился в Симбирске в 1883 г., как и брат, стал юристом. В 1913 г. Федор Федорович служил старшим товарищем прокурора Асхабадского окружного суда. Прокурор Ташкентской судебной палаты 13 мая 1916 г. в письме директору Второго департамента Министерства юстиции характеризует Ф.Ф. Керенского как незаурядную личность и «пригодного к службе надзора столичного (Ташкентского. – Т.К.) суда». В ЦГА РУз хранится личное дело товарища прокурора Ташкентской судебной палаты Ф.Ф. Керенского (26 октября 1913 г. – 23 декаб-

ря 1918 г.) со сведениями о наградах, семейном и имущественном положении, справкой об увольнении с должности⁵⁸.

Жена Федора Федоровича Нина Алексеевна рассказывала, что примерно спустя год после октябрьских событий 1917 г. он внезапно исчез – ушел из дома и не вернулся. Прождав сутки, супруга бросилась на поиски, и следы привели в ЧК, где ей сообщили, что муж расстрелян, но тело выдать отказались. В неопубликованных дневниковых записях «Судьбы народов и отдельных лиц находящаяся в руках высшей, незримой власти. К биографиям В.Н. Наливкина и А.Ф. Керенского» Н.П. Остроумов указывает причину и время смерти Ф.Ф. Керенского в 1918 г.: «Был убит выстрелом из ружья, потому что был братом А.Ф. Керенского, громкой славой которого восхищался»⁵⁹. Нина Алексеевна посидела за одну ночь. У них с Федором Федоровичем была дочь, страдавшая туберкулезом, вместе с которой, спустя два месяца, она уехала в Ялту, и следы их потерялись⁶⁰.

Семья Керенских не канула в Лету, воспоминания о ней хранят многочисленные архивные документы, в том числе Центрального государственного архива Республики Узбекистан, еще ждущие своих исследователей.

¹ Стронгин В.Л. Керенский: Загадка истории. М., 2004.

² А.Ф. Керенский: очерк. Пг., 1917; А.Ф. Керенский по материалам департамента полиции. Пг., 1917; *Сверчков Д.Ф.* Керенский. Л., 1927; *Ильин М.* В семнадцатом году // 30 дней. 1927. № 2. С. 17–33; и др.

³ *Кудин В.* А. Керенский: путь к прозрению // Аргументы и факты. 1988. № 45; *Данилов Е.* Исчезнувшая семья. Керенские в Туркестане // Звезда Востока. 1991. № 9. С. 79–93; *Голиков А.Г.* Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 54. С. 60–73; *Басманов М.И., Герасимов Г.А., Гусев К.В.* Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996; *Архитов И.* Пьеро из революционной сказки // Звезда. 2007. № 11. С. 107–127; и др.

⁴ *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1; *Шидловский С.И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991; Александр Керенский: любовь и ненависть революции: Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников. Чебоксары, 1993; *Милюков П.Н.* История Второй русской революции. М., 2001; и др.

⁵ *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте // Вопросы истории.

1990. № 6–12; 1991. № 1–10; *Новиков Г.Н.* Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 209–214.

⁶ Среди них: письмо Министерства народного просвещения туркестанскому генерал-губернатору и приказ о назначении Ф.М. Керенского главным инспектором училищ Туркестанского края; краткая автобиография Ф.М. Керенского, написанная к столетней годовщине Казанского университета; письмо председателя Ташкентского окружного суда о назначении Ф.М. Керенского почетным мировым судьей; телеграмма от городского головы г. Симбирска и воспитанников гимназии с выражением благодарности директору по случаю столетнего юбилея Симбирской гимназии; копия приказа по Туркестанскому краю об увольнении действительного статского советника Ф.М. Керенского; письмо главного инспектора училищ Туркестанского края генерал-губернатору с просьбой разрешить отслужить панихиду в домовый церкви Туркестанской учительской семинарии по бывшему главному инспектору Ф.М. Керенскому, скончавшемуся в г. С.-Петербурге после тяжелой болезни (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2551. Л. 19, 20, 64–65, 182, 184, 188, 208, 213–222, 233, 288, 298–299, 303, 325, 339 и др.); визитные карточки

Ф.М. Керенского с краткими записками Н.П. Остроумову (Ф. 1009. Оп. 1. Д. 85. Л. 78–80); фотографии четы Керенских (Ф. 1010. Оп. 1. Д. 69); формулярный список о службе главного инспектора училищ Туркестанского края действительного статского советника Ф.М. Керенского (Ф. И-129. Оп. 1. Д. 323. Л. 17–29); и др.

7 Остроумов Николай Петрович (1846–1930) – востоковед, краевед, педагог, директор Ташкентской мужской гимназии.

8 Граменицкий Сергей Михайлович – педагог, инспектор народных училищ Туркестанского края.

9 *Керенский А.Ф.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 123.

10 Там же. С. 117.

11 Подробнее о симбирском периоде жизни А.Ф. Керенского см.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 116–121.

12 *Стронгин В.Л.* Указ. соч. С. 14.

13 Там же. С. 16.

14 ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2551. Л. 182, 208.

15 Там же. Л. 143.

16 Там же. Л. 213–222.

17 Наливкин Владимир Петрович (1858–1918) – востоковед, этнограф, краевед, участник Хивинского и Кокандского военных походов (1873–1875 гг.), экс-вице-губернатор Ферганской области, депутат II Государственной думы (19 июля – 24 сентября 1917 г.), председатель Туркестанского комитета Временного правительства и временный главнокомандующий войсками Туркестанского военного округа.

18 ЦГА РУз. Ф. Р-2409. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

19 «Общие замечания об учебно-административной деятельности Ф.М. Керенского как главного инспектора учебных заведений в Туркестанском крае» (Там же. Ф. Р-1009. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–29) и «Федор Михайлович Керенский. Третий главный инспектор училищ в Туркестанском крае» (Там же. Д. 85. Л. 1–77).

20 Там же. Ф. И-3, 8, 50, 350, 461, 595; Р-1009, 2282.

21 Архангельский Николай Петрович – педагог и краевед.

22 ЦГА РУз. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 255. Л. 106.

23 *Стронгин В.Л.* Указ. соч. С. 21.

24 См.: *Ильин М.* Указ. соч. С. 17–33; *Данилов Е.* Указ. соч. С. 82.

25 ЦГА РУз. Ф. Р-1009. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–1 об.

26 Там же. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 255. Л. 206 а об.

27 Туркестанские ведомости. 1899. 4 марта.

28 Там же. 6 июня.

29 ЦГА РУз. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 255. Л. 98–99 об.

30 Там же. Л. 105 об.

31 Там же. Л. 212.

32 Там же. Л. 100–100 об. В ЦГА РУз хранится письмо ректора Петербургского императорского университета с подтверждением получения документов (Л. 200.)

33 Там же. Ф. Р-1009. Оп. 1. Д. 85. Л. 10.

34 *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 125.

35 Там же. С. 127.

36 *Кудин В.* Указ. соч.

37 ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 271. Л. 5–5 об.

38 Там же. Ф. И-350. Оп. 1. Д. 7859. Л. 185, 189, 190, 203, 208, 214.

39 Там же. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1567. Л. 191–192.

40 Там же. Д. 1674. Л. 206.

41 Там же. Ф. И-595. Оп. 1. Д. 1. Л. 37–38, 75.

42 25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Администрация на местах оказалась неподготовленной к проведению столь сложного и масштабного мероприятия. Вскоре на огромной территории Туркестана, Степного края и Северного Кавказа разгорелось восстание, угрожавшее как социально-политическому спокойствию на азиатских рубежах империи, так и ее экономическому могуществу. См.: *Котюкова Т.В.* «Во имя истинных интересов государства...» Государственная ду-

ма, А.Ф. Керенский и восстание 1916 года в Туркестане // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 60–63.

⁴³ Тевкелев Кутлугмухаммед Батыргиреевич (1850–?) – депутат всех четырех созывов от Уфимской губернии. Председатель мусульманской фракции III и IV Думы. Член партии «Иттифак аль-муслимин». С марта 1917 г. член Временного центрального бюро мусульман России.

⁴⁴ Среди них: агентурные сведения о прибытии Тевкелева и Керенского в г. Андижан, посещении главной мечети и отбытии в г. Коканд (ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 2115. Л. 75 об. – 76); сообщение начальника Туркестанского районного охранного отделения (ТРОО) военному губернатору Ферганской области о посещении Керенским г. Джизака, Самарканда, Коканда (Д. 905. Л. 89); агентурные сведения о приезде в край Керенского и Тевкелева и их беседах с местными жителями (Д. 1764. Л. 148 об., 152); донесение начальника ТРОО директору Департамента полиции о посещении Керенским мечети «Джами» в г. Андижане (Д. 2333. Л. 42–42 об.); донесение начальника Кокандского отделения жандармского управления начальнику ТРОО (Д. 1825. Л. 198); сводка данных наблюдений за членом Государственной думы Керенским (Д. 1754. Л. 23–38); дневник наружного наблюдения ТРОО за депутатом Керенским (Д. 1756. Л. 9–14); и др.

⁴⁵ Туркестан и Государственная дума Российской империи: Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. / Публ. Т.В. Котюковой // Исторический архив. 2003. № 3. С. 133–134.

⁴⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 9, 15.

⁴⁷ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии, военный министр (1898–1904 гг.). В 1916–1917 гг. туркестанский генерал-губернатор.

⁴⁸ Туркестан и Государственная дума Российской империи... С. 135; ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1902 а. Л. 63 об.

⁴⁹ «Такое управление государством – недопустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной думы. Декабрь 1916 г. / Публ. Д.А. Аманжоловой // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22.

⁵⁰ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 513. Л. 1.

⁵¹ Так как Бухара входила в зону интересов России, ее руководство в этот период могло экономически влиять на эмира. Ответ последовал в виде манифеста, который был принят эмиром 7 апреля 1917 г. Манифест значительно ограничивал власть Сейид Алимхана, объявляя его учредить избираемые городские органы самоуправления, уменьшить налоговое бремя, помогать развитию торговли и промышленности. Этот манифест не был поддержан консервативно настроенной частью населения, в связи с чем эмир вскоре объявил о его отмене. См.: Там же. Л. 70.

⁵² «Преступная попытка Ташкентского Совета является явно контрреволюционной». Телеграмма А.Ф. Керенского. Сентябрь 1917 г. / Публ. Т.В. Котюковой // Исторический архив. 2005. № 6. С. 203–204.

⁵³ ЦГА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Ф. Р-2282. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–3.

⁵⁵ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 126; ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2549. Л. 15–18.

⁵⁶ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 126; ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2551. Л. 238.

⁵⁷ Данилов Е. Указ. соч. С. 79–80.

⁵⁸ ЦГА РУз. Ф. И-129. Оп. 1. Д. 323. Л. 1–7 об.; Ф. И-133. Оп. 1. Д. 1648 а. Л. 9; Д. 1433. Л. 1–42.

⁵⁹ Там же. Ф. Р-1009. Оп. 1. Д. 66. Л. 9–16.

⁶⁰ Данилов Е. Указ. соч. С. 93.

О.Г. Леонтьева

Письма русских эмигрантов А.Ф. Керенскому в Центре гуманитарных исследований Техасского университета*

Центр гуманитарных исследований Хэрри Рэнсома (The Harry Ransom Humanity Research Center) Техасского университета в Остине (штат Техас, США) служит хранилищем поступивших от частных лиц (на безвозмездной или платной основе) коллекций, фондов, разрозненных документов, книг, предметов искусства¹. Имеется здесь и коллекция документов по российской истории, литературе, музыке, живописи². В ее основе – архив А.Ф. Керенского³, который, несомненно, представляет значительный интерес для исследователей жизни и деятельности как самого Александра Федоровича, так и других представителей русской эмиграции. В нем сосредоточены документы партии социалистов-революционеров (1917 г.), переписка А.Ф. Керенского, в том числе семейная, рукописи работ, неопубликованные дневники (1941 г.)⁴, черновики, фотографии конца XIX – начала XX в., среди которых снимки, сделанные в дореволюционном Ташкенте.

Большую часть комплекса документов составляют письма русских эмигрантов А.Ф. Керенскому⁵. К сожалению, ответы на них самого Александра Федоровича здесь отсутствуют. Однако мнение адресата о тех или иных событиях, отраженных в письмах его корреспондентов, известно, так как они часто на него ссылаются. Письма охватывают значительный временной отрезок: с конца 1930-х по конец 1960-х гг. и принадлежат, главным образом, русским эмигрантам, осевшим во Франции. Это литераторы, политики, ученые, оказавшиеся здесь накануне Второй мировой войны. В послевоенное время к ним добавились бывшие советские граждане, искавшие спасения от политического режима Сталина в странах Европы и США. Одни писали регулярно, другие прислали всего одно письмо, как, например И.А. Бунин⁶. Чаще всего авторы рассказывают о военных и послевоенных событиях в Европе и мире, нередко эмоционально и пристрастно, но это не снижает значимости их писем.

Постоянными корреспондентами А.Ф. Керенского на протяжении многих лет были писатели М.А. Алданов (Ландау)⁷, Н.Н. Берберова⁸, В.М. Зензинов⁹, Е.А. Извольская¹⁰, общественные деятели Е.Д. Кускова¹¹, А.И. Коновалов¹², М.М. Тер-Погосьян¹³. В архиве А.Ф. Керенского имеются письма политических деятелей В.А. Маклакова¹⁴ и С.П. Мельгунова¹⁵; литератора Н.П. Вакара¹⁶ об оккупированной Франции, философа, историка и публициста Г.П. Федотова¹⁷ о Советском Союзе и др. Корреспонденция в основном на русском языке, лишь незначительная часть ее на английском (официальные письма, которые направлялись А.Ф. Керенскому для передачи их в государственные учреждения и благотворительные организации Соединенных Штатов) и французском языках (за 1939 и 1940 гг.).

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта по гранту Центра гуманитарных исследований Хэрри Рэнсома Техасского университета (Остин, США).

Письма 1938–1944 гг. составляют группу, объединенную основной темой, – получение въездных виз в США. К Керенскому обращались с постоянными просьбами о содействии в получении разрешения на въезд в Соединенные Штаты и материальной помощи для переезда. В письмах – рассказы о тяжелом положении русских эмигрантов во Франции: некоторые из них были арестованы немецкими оккупационными властями в Париже, другие вынуждены переехать на юг страны. Так, агроном, экономист и публицист профессор А.П. Марков писал 12 августа 1942 г. из Гренобля: «Я лишен возможности проехать в свой дом в Озуаре. Русские, управляющие нами, люди не только мне чуждые, но определенно враждебно относящиеся. Живем впроголодь. Мои сельскохозяйственные труды сильно помогают нашему питанию, но наш район постигла небывалая засуха, и растения гибнут»¹⁸. Переписка подобного рода длилась на протяжении нескольких лет. А.Ф. Керенский выступал в качестве посредника между русскими эмигрантами и Толстовским фондом, основанным в 1939 г. и возглавляемым А.Л. Толстой. М.А. Алданов, А.И. Коновалов, В.М. Зензинов до своего отъезда в США активно участвовали в переписке, составляли списки русских эмигрантов, пожелавших покинуть Францию. В письме политического деятеля (лидера союза «Молодая Россия»), публициста А.Л. Казем-бека от 27 августа 1940 г. читаем: «Пока речь идет о переброске в Америку нескольких десятков людей всех прежних партий – культурных работников, работников пера, писателей, публицистов, журналистов, представителей свободной политической мысли, общественников, из наиболее угрожаемых здесь»¹⁹.

Сложности выезда заключались в том, что беженцам надлежало иметь в Соединенных Штатах поручителей не только их «политической благонадежности», но и материальной состоятельности (обеспеченность жильем, работой и пр.). На деле же желающие покинуть Европу не располагали средствами даже для того, чтобы добраться до Марселя или Лиссабона, откуда совершались регулярные пароходные рейсы в Америку. И.А. Бунин 24 июля 1940 г. писал: «Дорогой Александр Федорович, мои осенние страхи насчет моего материального положения оправдались как нельзя больше. Волею судеб я теперь нищий, месяца через два мы с Верой Николаевной дойдем до настоящего голода. Посему еще раз, махнув рукой на всякий стыд, прошу Вас помочь мне – не лично, разумеется, сохрани Вас Бог от такой мысли, – а при посредстве каких-нибудь добрых и богатых американцев. Может быть, Алекс[андра] Львовна Толстая будет добра попросить кого-нибудь за меня»²⁰. О том же сообщает А.Ф. Керенскому и жена литератора и издателя М.О. Цетлина Мария Самойловна в письме от 26 декабря 1940 г. из Лиссабона: «Дорогой и милый Александр Федорович, я получила письмо от Веры Николаевны Буниной. Положение наших писателей воистину ужасное: Мережковские получают из мэрии по 8 фр. в день на человека. Зайцевы известили: “Besoin de provision d’argent”*. Их дочь нашла работу в ресторане. Ремизовы и Шмелев тоже без всяких средств. А.П. Струве, Рогузины, М.Струве и Л.И. Львов без работы. Помощь Тэффи необходима»²¹.

Тема оказания материальной помощи русским эмигрантам, проживавшим во Франции, находит отражение также в письмах военного и послевоенного времени. По окончании Второй мировой войны просьбы о содейст-

* Временная нужда в деньгах (фр.).

вии в получении въездных виз в Соединенные Штаты звучат теперь уже в письмах эмигрантов «второй волны» из Советского Союза и восточноевропейских государств, находившихся в советской зоне оккупации, бывших советских граждан Анны Реми (до замужества Иванова), Леонида Васильева, Льва Кованько и многих других²². Все они оказались в лагерях для перемещенных лиц и на протяжении 1946–1949 гг. отчаянно пытались покинуть это свое временное пристанище, перебраться в Америку, избежав возможной выдачи советскому государству.

Письма 1940–1945 гг. сведений о политической обстановке в оккупированной Франции не содержат. Лишь журналист, профессор Н.П. Вакар описывает, причем достаточно ярко, политическую ситуацию в Европе. В письме от 14 октября 1940 г. он так характеризует положение во Франции: «Демаркационная линия заперта на замок, не только заставы и часовые на всех дорогах из зоны в зону, но во многих местах заложены мины, а беглецов стреляют, о чем предостерегают даже газеты»²³. Месяц спустя, 18 ноября, он пишет: «Реально нет сегодня в Европе для ослабленной, разоренной Франции иного партнера, как победоносная Германия; лояльное сотрудничество с Германией представляет собой единственный шанс защититься от претензий южного соседа»²⁴. Но подобного рода замечания достаточно редки на фоне главной темы – скорейшей эмиграции из Франции.

Общее неприятие нацистской и фашистской идеологии в эмиграционных кругах, по крайней мере близких по убеждениям А.Ф. Керенскому, приводит их представителей к поддержке борьбы Советского Союза против фашистской Германии. В 1945 г. все говорили о Красной армии как об освободительнице, чувствовалась некоторая эйфория, многие эмигранты писали об изменении своего отношения к советскому правительству, сугубо положительно оценивали роль СССР в борьбе с фашизмом. Русский публицист П.А. Берлин в письме от 29 апреля 1945 г. отмечал: «Я бы уже не мог говорить о России и о советском правительстве такими словами и смотреть такими глазами, как до войны. Громадная, мировая роль, сыгранная советским народом, подготовленность, организованность, блестящее руководство и военной, и внешней политикой, необычайно высоко поднявшийся ореол России – все эти факты и факторы, оказывающие огромное влияние на народ и на его отношение к данному правительству, правительству блестящей победы»²⁵. Схожее мнение в своем письме от 26 декабря 1944 г. высказывает и член ЦК партии эсеров (бывший комиссар Временного правительства) М.М. Тер-Погосьян: «Престиж России огромный, и не только военный, соблазны очень большие»²⁶. Продолжая тему оценки политической ситуации в России, он пишет: «Популярность Сталина огромна, в глазах русского народа Сталин действительно является организатором победы и тем лицом, кто предвидел германо-фашистскую опасность. Но его не любят в широких массах, ибо с его именем связывается и большевистский террор»²⁷. Даже непримиримый противник советской власти В.А. Маклаков в 1944 г. писал о том, что отношение к власти в СССР после войны должно стать иным, что она «должна теперь рассматриваться как русская национальная власть»²⁸.

В 1946–1947 гг. тон писем меняется, чувствуется некоторое охлаждение к советскому государству. Очевидно, свою роль сыграли аресты и осуждения эмигрантов, оказавшихся в советской оккупационной зоне, а также мнение эмигрантов «второй волны». Прозаик и публицист В.М. Зензинов уже

25 декабря 1945 г. писал А.Ф. Керенскому про рассказываемые перебежчиками ужасы о том, что творилось и творится в СССР²⁹.

В 1946–1952 гг. тематика писем становится разнообразнее. В эмигрантской среде вновь начинают активно обсуждаться проблемы организации политических движений для борьбы с коммунизмом, большевизмом и Советами, строительства новых отношений между Европой, Америкой и Советским Союзом. Однако взгляды представителей разных политических течений, «первой» и «второй» волн эмиграции, перебравшихся в Америку и оставшихся в Европе, значительно различаются. Но есть три основные темы, которые находят отражение во всех письмах: режим Сталина и необходимость свержения власти большевиков в России; положение в Европе; русская эмиграция.

Вопросы взаимоотношений западных государств с СССР в послевоенные годы, восприятие на Западе советских людей, влияние идей большевизма на европейцев занимают в письмах русских эмигрантов значительное место. Так, известная общественная деятельница, социолог, публицист, председатель русского политического Красного Креста Е.Д. Кускова, высланная из России советским правительством в 1922 г., в своих письмах А.Ф. Керенскому³⁰ регулярно обращалась к теме «Запад и Россия», анализировала складывающуюся ситуацию. В 1946 г. она писала о поддержке в годы войны России, т.е. Советского Союза, русской эмиграцией, но отмечала, что после войны никаких изменений в сторону установления и принятия демократии в СССР не сделано и противостояние Запада и Советской России неизбежно. По ее словам, Запад должен учитывать, что концентрация сил против России вызовет объединение сил внутри нее вокруг власти: народ предпочтет поддержать власть, «ибо боязнь „международных бандитов“ после Гитлера в России очень сильна»³¹.

Но если Е.Д. Кускова, В.М. Зензинов, М.М. Тер-Погосьян пытались проанализировать ситуацию и далеко не всегда были склонны обвинять только Россию, то часть эмигрантов высказывалась изначально весьма резко в отношении Советского Союза. Например, прозаик, поэт и критик Н.Н. Берберова 27 февраля 1947 г. написала: «Да, Александр Федорович, Россия ненавистна всем сейчас, как в Европе, так, вероятно, и в Америке, – в этом Федотов был прав, когда говорил, что очень скоро она займет место Германии в чувствах других народов»³².

А.Ф. Керенский. Январь 1932 г.

В 1948–1949 г. уже открыто обсуждается возможность и даже неизбежность новой войны в Европе между Западом и Востоком. Историк, публицист и издатель С.П. Мельгунов считал, что после окончания войны население России «настроено не на Запад», особенно после Гитлера и выдачи ей союзниками перебежчиков новая война неизбежна, «но какой это будет ужас»³³. Н.Н. Берберова в 1947 г. прямо заявляла: «Только военное поражение может освободить Россию»³⁴.

В начале 1950-х гг. негативное отношение ко всему советскому усиливается, напряжение в политических отношениях с СССР возрастает. Письма русских эмигрантов о России, об отношении западных государств к советскому режиму, о будущем Европы и мира как мозаика складываются в одну фразу – «холодная война». Несомненно, есть источники более полной и точной информации о ее причинах, подготовке и начале, но письма русских эмигрантов отражают процесс переосмысления исторических событий человеком послевоенного времени.

Характеризуя положение в Советском Союзе, анализируя его отношения с Западом, русские эмигранты не могли обойти молчанием ситуацию в западноевропейских государствах. Юрист, глава Бюро по защите русских беженцев В.А. Маклаков в ноябре 1948 г. писал с горечью о Франции: «Я по-прежнему очень мрачно смотрю на будущее Франции, а может быть и Европы», считал причинами этого отсутствие «всякого гражданского долга», а также чувство безнаказанности, сформированное войной, которое привело к утрате «личной совести», разбоем, «подвигам черного рынка», продажности администрации. И далее добавлял, что дело даже не «в руке Москвы»³⁵.

Бывший вице-премьер, министр торговли и промышленности Временного правительства А.И. Коновалов видит во Франции холод, голод, огромную инфляцию, развитие «черного рынка»³⁶. Спустя три года он замечает: «Французы потеряли любовь к работе, но приобрели любовь к легкой наживе», все умы заполнены «черным рынком», «люди мыслят в тысячах и миллионах». Очевидно, на фоне этой тягостной картины разоренной Европы появляется представление об Америке как уголке спокойной цивилизованной жизни: «Нью-Йорк теперь центр всего. Там решаются судьбы мира. Только будучи в отдалении я смог понять всесильное значение Америки»³⁷.

А для Н.Н. Берберовой Париж «как книга: много в ней интересного, всегда занимательного, но это только книга, а не живое. Живого тут очень мало»³⁸. Очень откровенно звучит ее письмо от 26 января 1946 г. о политической ситуации во Франции: «Но что же здесь? О, здесь – восемнадцатый год, только не импровизированный, как у нас, а разыгранный по нотам. Вот уже неделя, кажется, как пал де Голль. Если будет Торез – все ясно. Если будет Эррио – “за что боролись?” Если будет военная диктатура – конец стоятидесятилетней свободной Франции. Положение отчаянное. Есть нечего. Дышать нечем. Будущее страшно. Русская мелкота хочет бежать “куда глаза глядят” – дровосеками в Канаду, землеробами в Парагвай»³⁹.

С течением времени экономическое и политическое положение во Франции стабилизируется, и эта тема исчезает из переписки.

Безусловно, значительное место в письмах занимают вопросы определения целей эмигрантского движения в послевоенном мире, взаимоотношений в эмигрантской среде, возможностей объединения всех течений и направлений, наконец, будущего русской политической эмиграции. Коррес-

понденты А.Ф. Керенского в основном принадлежали к политической эмиграции «первой волны» и остались верны тем идеалам, которым служили в начале века, не желая менять своих убеждений под воздействием действительности. Они были уверены и в том, что только А.Ф. Керенский может объединить всех их в единую силу, способную противостоять большевикам. Возможно, это послужило причиной для достаточно жесткой критики со стороны как эмигрантских течений Западной Европы, так и представителей эмиграции «второй волны».

Е.Д. Кускова не без тени горечи писала в 1949 г.: «Почему Гуль – отдельно, Мельгунов – отдельно? Да, мы что-то стряпаем тоже отдельно. А вместе – нет, стульев не хватает. Смотрим на всю эту возню, без тактики и действий, как бывало в нашем революционном прошлом, и видим, ясно видим, как посмеивается старый Сталин»⁴⁰. Она сетовала на то, что «вторая волна» эмиграции полна презрения к ее элите. «А что они сами-то несут с собой после 30-летней поддержки ленинизма?.. Почему Вы не устройте там собрание и не объясните им, что они здесь продолжают политику большевиков? Ведь и те обьяты презрением “к звездам”, ко всякому интеллигенту, который жизнь свою посвятил идее, духу?»⁴¹ И делала неутешительный вывод: «Этим малым нужна соска. Они ею заткнули свой рот и будут следовать за теми, кто соску дает понятнее, примитивнее, вкуснее»⁴².

Н.Н. Берберова, наоборот, не жаловалась в своих письмах, как выразилась Е.Д. Кускова, «элиты» эмиграции: «Вчера был вечер Бориса Зайцева. Боже, какая грусть! Половина бойкотирует. Одна треть слушателей старше 70-ти лет. Пустыня. Нас осталось так мало... Но что же в этом дурного? Каждый за себя. И человек – хозяин своего одиночества»⁴³. Но и «новая» эмиграция не вселяла надежд: «Приезжие из России “новые” не только не радуют, но приводят в совершенное отчаяние. За все время видела только одного – не антисемита, не “мракобеса”, каким у нас был генерал Краснов в свое время. Часть из них откровенно проклинает Россию, говорит, что ее надо стереть с лица земли всю. Другая часть говорит, что единственное, что есть вечного и святого – это индустриализация... Все это двухмерное и лишь совершенно черное»⁴⁴.

Много места в письмах уделяется факту приема советским послом в Париже в 1946 г. представителей эмигрантских кругов и пространно комментируются случаи получения советских паспортов. В конечном итоге это еще больше усилило раскол русской политической эмиграции в Европе. Прозаик, драматург, публицист и критик М.А. Алданов в письме от 10 июля 1946 г. так подытоживает ситуацию: «Из наиболее близких мне людей их (советские паспорта. – О.Л.) брать никто не собирается: ни Полонские, ни Бунин, ни Зайцев, ни, конечно, Маклаков. Я чрезвычайно этому рад. Но развал остатков парижской эмиграции еще усилился»⁴⁵.

Перечислить все темы обширной переписки А.Ф. Керенского практически невозможно, как невозможно и процитировать всех его корреспондентов. Ценность этих источников заключается в возможности не только получить дополнительную информацию о фактах и событиях отечественной и зарубежной истории, но и узнать мнение о них видных представителей русской эмиграции, современников эпохи трех революций в России.

Несомненно, широкое привлечение материалов архива А.Ф. Керенского, хранящегося в Центре гуманитарных исследований Техасского университе-

та, позволило бы расширить источниковую базу для изучения соответствующего исторического периода.

¹ Основан в 1957 г. вице-президентом Техасского университета Хэрри Хантом Рэнсомом. Однако первую крупную частную библиотеку (10 тыс. томов) университет получил в 1897 г. от шведского библиофила Свена Палма, переселившегося в Остин. Систематическое и последовательное комплектование архива документами началось только в 1918 г. Подробнее см.: *Быкова Л.А., Леонтьева О.Г.* Организация доступа к архивным документам в США // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 104, 106–107.

² Информацию по истории России содержат документы фонда Джорджа Н. Нэша, офицера британской армии, находившего в России в 1917–1919 гг., а также Вальтера С. Кросли, американского военного атташе в Петрограде в 1917–1920 гг. Русские искусство и литература представлены документами художников А.Н. Бенуа и С.Ю. Судейкина, а также дневниками поэта Н.Пунина, первыми изданиями повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и романа А.Белого «Петербург». Здесь также хранятся семейная переписка князей Путятиных за 1890–1910-е гг., стереограммы о русско-японской войне 1904–1905 гг., эскизы костюмов, выполненные Л.С. Бакстом для спектакля «Нарцисс» труппы Русский балет Дягилева, рукописи партитур И.Ф. Стравинского (Harry Ransom Humanity Research Center (HRHRC). Guide to the collections. Austin, 2003. P. 23, 42, 49, 93).

³ *Новиков Г.Н.* Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993. № 1. 209–214; *Быкова Л.А.* Архив А.Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2001. № 3.

⁴ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Box 1. Files 105–134.

⁵ Ibid. Boxes 27–36. Files 1, 2.

⁶ Ibid. Box 46. File 173. Letter from 24.07.1940.

⁷ Ibid. Box 27. File 105.

⁸ Ibid. File 106.

⁹ Ibid. Box 36. File 133.

¹⁰ Ibid, Box 29. File 111–112; Box 30. File 112.

¹¹ Ibid. Box 59. File 217.

¹² Ibid. Box 31. File 117; Box 32. File 117.

¹³ Ibid. Box 33–34. File 124.

¹⁴ Ibid. Box 32. File 120.

¹⁵ Ibid. Box 33. File 122.

¹⁶ Ibid. Box 31. File 117; Box 59. File 208.

¹⁷ Ibid. Box 36. File 134.

¹⁸ Ibid. Box 59. File 208.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. Box 46. File 173.

²¹ Ibid. Box 59. File 208.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. Box 36. File 133.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. Box 32. File 120.

²⁹ Ibid. Box 36. File 133.

³⁰ Ibid. Box 59. File 217.

³¹ Ibid.

³² Ibid. Box 27. File 106.

³³ Ibid. Box 36. File 134. Letter from 29.11.1948.

³⁴ Ibid. Box 27. File 106. Letter from 10.08.1947.

³⁵ Ibid. Box 32. File 120. Letter from 03.11.1948.

³⁶ Ibid. Box 31. File 117. Letter from 21.11.1945.

³⁷ Ibid. Letter from 17.05.1948.

³⁸ Ibid. Box 27. File 106. Letter from 21.04.1948.

³⁹ Ibid. Letter from 26.01.1946.

⁴⁰ Ibid. Box 59. File 217. Letter from 16.01.1949.

⁴¹ Ibid. Letter from 20.09.1947.

⁴² Ibid. Letter from 06.08.1947.

⁴³ Ibid. Box 27. File 106. Letter from 15.02.1947.

⁴⁴ Ibid. Letter from 21.04.1948.

⁴⁵ Ibid. File 105.

Представляем архив

Т.И. Березкина, Т.В. Иванова

Муниципальный архив г. Вичуги

Вичуга – один из сотен малых городов Центральной России, районный центр Ивановской области, расположен в 65 км от г. Иваново и в 380 км от Москвы.

История края богата и самобытна. С незапамятных времен и до конца I тысячелетия обитателями вичугских земель были племена финно-угорской группы, и в частности меря (древнерусское название – чудь). Их основными занятиями являлись охота, рыболовство и скотоводство. Меряне оставили о себе память во множестве географических названий. Так, Вичуга в переводе на русский язык означает болотистая, низменная местность, низина.

В X в. земли постепенно заселяются славянами, в частности ильменскими словенами и кривичами, и включаются в состав Киевской Руси. Русские переселенцы, осваивая новую территорию, не стремились истребить или подчинить местное население, а старались мирно слиться с ним, передав свои знания, навыки и опыт. С XI в. здесь начинает распространяться христианство. В состав Ростово-Суздальского княжества вичугские земли вошли в XII в. – время небывалого расцвета культуры, торговли и градостроительства.

Первое упоминание в письменных источниках о Вичуге относится к 1482 г. Великий князь московский Иван III в грамоте, данной им мужу своей племянницы – князю Ф.Бельскому, пишет: «Пожаловал князе Федора Ивановича Бельского, дал ему в вотчину город Лух с волостями, да волости Вичугу и Кинешму». Вичуга в то время уже волость – центр территории, включавшей в себя, по-видимому, современный Вичугский район и город. Центром же волости являлось село Вичуга (ныне поселок Старая Вичуга). А фамилия князей Бельских навечно осталась в названии деревни Забельское Вичугского района. В XV в. она, по всей вероятности, была границей владений, удерживаемых «за Бельскими». Здесь вичугские земли находились более полувека. В опричные годы царствования Ивана Грозного вотчина перешла в разряд великокняжеских земель, стала государевой, казенной. В первой половине XVII в. началось упорядочение административно-территориального устройства централизованного Российского государства. Тогда же образован Кинешемский уезд, в состав которого вошла и Вичуга.

При Михаиле Романове казенные земли Вичугской волости были пожалованы большому числу частных лиц: их получили 22 боярина и 80 помещиков. Владельцами села Вичуги стали Василий Шушерин и Гурий Ергольский. Об-

Об авторах: Березкина Татьяна Ивановна – заведующая архивным отделом администрации г. Вичуги Ивановской области, окончила филологический факультет Пермского государственного педагогического института. Ранее работала учителем, директором Вичугского объединенного горрайгосархива (с 20 декабря 1979 г.). Награждена почетными грамотами Управления по делам архивов Ивановской области, Федерального архивного агентства.

Иванова Татьяна Викторовна – руководитель интеллектуального клуба «Эрудит» г. Вичуги.

разцом подобных «подарков» служит грамота от 20 декабря 1620 г., данная Афанасию Яцкому во владение деревнями Пандино и Федяево с угодьями за «московское осадное сидение в королевичев приход», т.е. за участие в обороне столицы от польских интервентов.

В эти годы в Вичугском крае появляются крупные промышленные предприятия с широким использованием ручного труда – мануфактуры, развивается торговля, формируются зачатки рыночных отношений.

Здесьние земли плодородием не отличались, что побудило помещиков заменять барщину оброком как в натуральной (продукты, ремесленные изделия), так и в денежной форме. С развитием рынка все больше распространяется денежный оброк, и крестьяне чаще занимаются «отхожими промыслами», главным образом прядением, ткачеством и крашением тканей. В историческом очерке к юбилею Товарищества Коноваловых (1912 г.) сообщалось, что в то время «во многих крестьянских домах можно было найти ручные станы, на которых женщины и мужчины ткали китайку, миткаль, нанку, салфетки и холсты, набивали ситец, а дети занимались разивкою бумажной пряжи».

Расширению текстильного производства послужили указы Екатерины II, поощрявшей крестьянские ремесла, в первую очередь ткачество. Путешествуя в 1767 г. по Волге, императрица побывала и на вичугской земле – в деревне Борщевка, где, надо думать, с удовлетворением наблюдала за результатами своей экономической политики.

С начала XIX в. текстильная промышленность в крае продолжает успешно развиваться. Первые вичугские предприятия были отделочными, красильными; «полуфабрикатом» для них служили суровые ткани, в изобилии изготавливаемые руками крестьян-надомников, а готовая продукция раскупалась самими же окрестными жителями на местных ярмарках и торжках.

После захвата и грабежа французами в сентябре 1812 г. Москвы – главного центра хлопчатобумажной промышленности того времени основное текстильное производство переместилось в соседние Владимирскую и Костромскую губернии (Вичуга тогда входила в состав последней).

В конце XIX в. на месте современного города Вичуги находились три крупных фабричных села – Бонячки, Тезино и Новая Гольчиха, а также свыше двух десятков деревень и рабочих поселений. В.И. Ленин в своем знаменитом труде «Развитие капитализма в России» отнес такие села к важнейшим промышленным центрам Европейской России. Возникали новые предприятия. Одним из них был чугунолитейный завод в Вичуге, основанный в 1877 г. бывшим кузнецом, впоследствии крупным заводчиком Ф.С. Пелевиным, и выпускавший механические ткацкие станки системы «Платт», приводы, паровые котлы, чугунные лестницы, трубы и прочую продукцию.

Статус города Вичуга получила уже в советское время в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 6 июня 1925 г., а через год с небольшим, 13 сентября 1926 г., город с прилегающим к нему районом выделен из состава Кинешемского уезда в самостоятельную административную единицу.

В Вичуге в середине 1930-х гг. зародилось стахановское движение в текстильной промышленности, когда ткачихи фабрики им. В.П. Ногина М.И. и Е.В. Виноградовы установили невиданный по тем временам трудовой рекорд. Вскоре это движение распространилось на Вичугском литейно-механическом заводе и других предприятиях. И в наши дни улицы и площади, памятники и музеи города напоминают о героике труда, прославившей его на всю страну.

Территория края на протяжении своей истории практически ни разу не была охвачена огнем войны, но всегда являлась надежным тылом. Несмотря на удаленность от фронта, Вичуга в полной мере разделила со всей страной испытания и лишения военных лет. Рабочие места ушедших на фронт мужчин заняли женщины и подростки, которые трудились в холодных цехах по 10–12 часов. С первых дней Великой Отечественной машиностроительный завод перешел на выпуск снарядов, гильз, патронов, различных изделий военного назначения, составлявших в 1942 г. свыше 95 % всей продукции. Фабрики города шили военное обмундирование и нательное белье, изготавливали перевязочный материал. В школах и клубах размещалось семь военных госпиталей и три их филиала, о чем сегодня напоминают мемориальные доски. Тысячи вичужан находились в действующей армии, сотни не вернулись с полей сражений, а их имена навечно остались в памяти потомков.

С годами у жителей Вичуги появилось много других профессий. Предприятия стали давать стране швейные изделия, оборудование для текстильной и легкой промышленности, мебель, кондитерские изделия, товары широкого

В Колонном зале Дома Союзов в день награждения участников форума «Одаренные дети». Катя Шагина (слева) – 1-е место, Аня Пастухова – 2-е место и Т.В. Иванова. 17 мая 2008 г.

потребления. Но основным в городе остается текстильное производство. Каждый десятый метр ткани, выпускаемый в области, – вичугский.

За годы советской власти Вичуга превратилась в современный индустриальный город. На ее улицах поднялись многоэтажные дома, школы и клубы, открылись магазины и торговые центры, новые корпуса предприятий. Коренным образом изменились условия труда и быта текстильщиков и машиностроителей, вырос их культурный уровень.

Земля Вичуги богата талантами. Отсюда вышло немало видных деятелей науки и культуры, военачальников. Это выдающийся советский полководец, дважды Герой Советского Союза, маршал А.М. Василевский, Герой Советского Союза маршал авиации С.Ф. Жаворонков, бюсты которых установлены в городе на аллее Героев. С Вичугой связана творческая деятельность композитора с мировым именем С.В. Рахманинова, писателя-академика А.А. Потехина, выдающегося экономиста Н.Д. Кондратьева и др.

Жемчужиной вичугской архитектуры, своеобразной «визитной карточкой» города заслуженно считается здание Дворца культуры, возведенное в начале XX в. на средства фабриканта А.И. Коновалова. Им же создан расположенный в центре города парк, украшением которого являются ровные ряды столетних деревьев (лип, берез, сосен, дубов, сибирских кедров). В советское время он расширен новыми насаждениями (ясень, липа) и украшен скульптурой.

В Вичуге действуют два храма – Свято-Воскресенский и Вознесения Христова.

В наши дни, несмотря на проблемы и трудности, городу удастся реализовать национальные проекты в здравоохранении и образовании, культуре и других отраслях. Недавно произошли знаковые для жизни города события – пуск в эксплуатацию цеха по производству вентилируемых фасадов на машиностроительном заводе, открытие современного прядильного корпуса на бывшей фабрике им. В.П. Ногина, ввод в строй новой газораспределительной станции. Открыто несколько многофункциональных спортивных площадок в жилых кварталах.

Центральная районная больница г. Вичуги в соответствии с национальным проектом «Здоровье» дополнительно получила современное диагностическое оборудование и 5,5 млн руб. на ремонт.

В Вичуге работают 11 школ, 13 дошкольных учреждений, два профессионально-технических училища, филиал Ивановской текстильной академии, несколько учреждений дополнительного образования: «Детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва», конно-спортивная секция при отделе образования, спортивный комплекс «Центр детского творчества», а также школа искусств (ее учащиеся неоднократно становились лауреатами всероссийских музыкальных и художественных конкурсов), межшкольный учебный комбинат.

Ведется активная работа с подрастающим поколением. Каждый школьник Вичуги может найти занятие по интересам. В городе четыре дома культуры, на базе которых организованы кружки и секции: танцевальные, вокальные, прикладного и изобразительного искусства и др.

С 1999 г. действует интеллектуальный клуб «Эрудит» для подростков. Они участвуют в местных, областных, всероссийских и международных конкурсах, форумах и олимпиадах. Так, победитель Всероссийского конкурса 2004 г. «Музей по имени Летний сад» Юлия Гусева была приглашена

в Санкт-Петербург, где на пресс-конференции в Государственном Русском музее рассказала о своей работе. Она же участвовала в гуманитарной телевизионной олимпиаде «Умницы и умники». Имена Кати Сулютиной и Кати Шагиной внесены во Всероссийскую энциклопедию «Одаренные дети». Шестеро эрудитов являются лауреатами Московского международного форума «Одаренные дети» в номинации «Деловая игра “Успех моей будущей профессии”».

В городе организован досуг молодежи: по выходным в каждом микрорайоне проходят дискотеки, в Доме культуры «Машиностроитель» демонстрируются кинофильмы на любой вкус, открыт фитнес-центр, строится бассейн.

Вичуга имеет устав и герб: в червленом (красном) поле вьющаяся золотая лента, концы которой продеты в серебряный ткацкий челнок. К сожалению, за последние годы ее население существенно сократилось, что характерно для большинства малых городов. Если в 1987 г. оно составляло 51 тыс., то сейчас здесь проживает 38,5 тыс. человек*.

В этом году архивной службе города Вичуги и Вичугского района исполняется 30 лет.

Объединенный городской и районный государственный архив с постоянным составом документов образован по решению исполкома Ивановского областного Совета народных депутатов от 12 апреля 1979 г. До января 2000 г., согласно штатному расписанию, здесь работал только один сотрудник – директор архива, которым до 20 декабря 1979 г. была И.Л. Филичева, имевшая среднее образование.

Документы исполкомов Вичугского городского и районного Советов и их отделов, а также городских и районных учреждений, организаций, колхозов и совхозов до 1960 г. хранятся в Кинешемском муниципальном архиве, а управленческая документация крупных предприятий – фабрик, Вичугского машиностроительного завода до их ликвидации – в Государственном архиве Ивановской области. Это объясняется тем, что до создания Вичугского горрайгосархива город и район обслуживал Кинешемский филиал облгосархива, сотрудники которого готовили к приему на постоянное хранение документы организаций.

Исполком Вичугского городского Совета в 1979 г. выделил под архив помещение в центре города на втором этаже кирпичного здания старой гостиницы. В хранилище площадью 22 кв. м на двух деревянных стеллажах находилось около 3 тыс. дел (21 фонд), главным образом организационно-распорядительной документации горисполкома и райисполкома, исполкомов сельских и поселковых Советов.

В 1982 г. после замены деревянных стеллажей металлическими и увеличения протяженности полок был составлен список № 1 источников комплектования, начался плановый прием документов, и к 1991 г. архив переполнился. Тогда приняли вынужденное решение, изменявшее его статус: со-

* Горбунов С.В., Любичев Ю.С. Вичуга. Ярославль, 1986; Горбунов С.В., Шутов Г.К. Узник святого монастыря. Иваново, 1994; Сметанин М.М. Вичуга – это наш город. Вичуга, 2000; Ступин В.Г. Вичуга – моя жизнь и судьба. Иваново, 2005; Антонов И., Мазиурин В. Вехи созидания. Альбом «Машиностроительный завод» 1877–2007. Иваново, 2007; Вичугские новости. 2008. 10 июня.

гласно постановлению главы администрации города от 21 августа 1992 г., он стал архивом с переменным составом документов.

В первой половине 1995 г. около 1 тыс. дел передали на хранение в облгосархив, но это не решило проблемы с помещением. Положение усугубилось тем, что в начале июля того же года все коммунальные службы вместе с архивом переселили в новую гостиницу. Выделенное городским комитетом по управлению имуществом при администрации г. Вичуги под архив новое помещение не соответствовало требованиям хранения документов, и они временно остались на месте. Таким образом, рабочий кабинет директора оказался в здании новой гостиницы, а документы – в старой, что существенно осложнило его работу. Вскоре здание старой гостиницы полностью передали налоговой полиции.

В это трудное для архива время упор был сделан на улучшение хранения документов в организациях: с их руководителями проводились совещания по вопросам создания необходимых условий для сохранности документов, с лицами, ответственными за делопроизводство и архивы, – семинары по оформлению документов, составлению описей дел, исторических справок, предисловий, номенклатур дел, приему документов на постоянное хранение и т.д. Тогда же обострилась проблема обеспечения сохранности документов по личному составу в связи с ликвидацией и преобразованием организаций, прежде всего в сельском хозяйстве, торговле, общественном питании, бытовом обслуживании. В архив были приняты документы по личному составу Вичугского комбината бытового обслуживания, ремстройуправления, треста столовых, мелких кооперативов, благотворительных фирм, банков.

За время отсутствия свободной стеллажной площади скопилось свыше 3,5 тыс. дел, хранившихся сверх установленного срока в организациях, в том числе ликвидированных исполкомов Советов народных депутатов, их президиумов, колхозов и совхозов. Вопрос о помещении для архива требовал от городских властей безотлагательного решения. Архивные проблемы освещались в местной печати. Так, в статьях «Сохранить архивные документы для потомков» от 11 июня 1994 г. и «Архивные дела и проблемы» от 19 сентября 1997 г. выражались тревога и опасение о возможной утрате документов в связи со сменой руководителей организаций города и района.

С введением в действие Федерального закона «О ветеранах» и приемом дел по личному составу заметно возросло количество запросов социально-биографического характера.

5 апреля 1996 г. главой администрации города принято постановление «Об образовании архивного отдела администрации города Вичуги» и утверждено положение о нем. В том же году горкомимуществом было выделено под архив помещение площадью 66 кв. м в пятиэтажном жилом доме в центре города. В октябре 1997 г. после ремонта, выполнения мероприятий противопожарной безопасности и увеличения протяженности стеллажей на 50 пог. м архив переселился в арендуемое горадминистрацией складское помещение магазина «Дом одежды», заняв две комнаты площадью 30 и 16 кв. м; появилась возможность обособить документы по личному составу и постоянного хранения.

Продолжался прием документов всех форм собственности. На 1 января 2000 г. в архиве насчитывалось 56 фондов объемом свыше 11 тыс. ед. хр., в том числе более 1 тыс. ед. хр. по личному составу.

После 2000 г. в развитии архивного дела закрепились позитивные тенденции. Исключительную роль в этом сыграла активная помощь со стороны органов местного самоуправления. Стали осваивать современную оргтехнику. В январе 2001 г. для архивного отдела приобрели первый компьютер, сканер, принтер. Администрации города и района и сегодня продолжают оказывать архивистам помощь в обеспечении оборудованием. С установлением программного комплекса (ПК) «Архивный фонд» началось введение в базы данных (БД) сведений на уровне фонда. Эта работа продолжается. Архивный отдел планирует открыть свою страницу на сайте городской администрации.

В июле 2001 г. в соответствии с федеральной целевой программой «Культура России» и подпрограммой «Архивы России» горадминистрация утвердила комплексную программу развития архивного дела в городе и районе на 2002–2005 гг. Это инструмент для решения руководством Вичуги важнейшей задачи – обеспечение архивистов помещением и условиями работы, отвечающими современным требованиям. Главная цель программы – концентрация и хранение документов по истории города и района в одном месте, для того чтобы за архивными справками гражданам не приходилось ехать в Кинешму и Иваново.

Постановлением главы администрации города, согласованным с областным комитетом по управлению имуществом, для муниципального архива выделено помещение площадью 220 кв. м (часть неиспользуемых производственных помещений Вичугской типографии). После его реконструкции и

Слева направо: Е.С. Мусатова, Т.И. Березкина, А.В. Петрякова

ремонта созданы оптимальные условия для хранения документов и необходимые – для работы архивистов. Проведена перепланировка единого помещения на четыре отдельных. Первое, имеющее запасный выход и площадь 160 кв. м, приспособлено под архивохранилище. Окна в нем заложены кирпичом, пол вымостили керамической плиткой, установили металлические стеллажи (протяженность полок составляет 807 пог. м). Рядом с архивохранилищем – читальный зал площадью 28 кв. м. Здесь проводятся выставки, экскурсии познавательного характера для школьников и студентов, встречи учащихся с ветеранами, другие мероприятия. Имеются рабочие комнаты для специалистов и заведующей архивным отделом. Входная дверь укреплена, установлена современная охранно-пожарная сигнализация.

В марте 2004 г. состоялась презентация нового помещения. Новоселье приурочили к празднику – Дню архивов. На торжественном открытии архива присутствовали глава г. Вичуги В.Г. Ступин, заместитель главы администрации, куратор архивного дела Е.В. Трусов, начальник Управления по делам архивов Ивановской области Н.П. Мужжавлева, почетные граждане, гости. Один из них, заслуженный учитель России Н.Н. Дрондин, прочитал свое стихотворение, посвященное архивистам.

Сегодня в архиве 66 фондов за 1925–2006 гг. объемом свыше 32 тыс. ед. хр., из них более 20 тыс. – документы по личному составу. Ведется работа с предприятиями-банкротами, ликвидационными комиссиями и конкурсными управляющими, оказывается методическая и практическая помощь работникам архивов организаций в упорядочении и подготовке к передаче на хранение документов по личному составу.

В списке источников комплектования архивного отдела 44 организации. К настоящему времени ликвидирована задолженность по приему управленческой документации с истекшим сроком хранения органов государственной власти и местного самоуправления. Вновь созданные городские и сельские поселения и администрации поселений, администрации города и района с отделами и комитетами, организации городского и районного подчинения включены в список № 1 и обеспечены нормативными документами.

Деятельность архивистов базируется на федеральных законах «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г., «Об архивном деле в Российской Федерации» № 125-ФЗ от 22 октября 2004 г., областном законе «Об архивном деле в Ивановской области» от 1 марта 2006 г., указаниях Управления по делам архивов Ивановской области.

С 2002 г. архивный отдел комплектуется документами личного происхождения. Среди новых поступлений – документы ветерана Великой Отечественной войны и труда, председателя совета ветеранов Вичугского машиностроительного завода, заместителя городского совета ветеранов, почетного гражданина города Н.В. Тычкова, внесшего огромный вклад в патриотическое воспитание молодежи. Благодаря ему в архиве к 60-летию Победы проведен для школьников урок мужества, на котором выступили легендарные женщины, прошедшие войну и пережившие блокаду Ленинграда, а архивные фонды пополнились документами заводского совета ветеранов.

На постоянное хранение поступили также личные документы династии учителей Рябинкиных, вложивших свой труд не только в воспитание молодежи, но и в подъем и развитие текстильной промышленности, хозяйствен-

ное и культурное строительство города. Вдова погибшего в первые месяцы войны политрука 213-й мотострелковой дивизии И.И. Уткина А.П. Кротова передала в архив его фронтовые письма, свою переписку с военными архивами. Полвека она искала место гибели мужа, которое наконец помогли установить украинские школьники, следопыты группы «Поиск». В архиве хранятся составленная следопытами карта военных действий за июнь–июль 1941 г. и газета «Сельская новь» с заметкой об И.И. Уткине.

С 2008 г. формируется архивный фонд «Молодежный». В нем студенческие и школьные рефераты, фотоальбомы отличившихся в учебе, спорте и общественной жизни школьников и студентов-стипендиатов главы администрации города Вичуги (пять фотоальбомов – 136 индивидуальных и коллективных снимков учащихся и студентов с аннотациями).

Работе с молодежью вичугские архивисты уделяют особое внимание. В 2007 г. совместно со школьниками – членами интеллектуального клуба «Эрудит» проведен урок памяти «Поклонимся великим тем годам», посвященный 62-й годовщине Великой Победы. В 2008 г. по материалам архива прошел урок истории в городской школе № 10, где до войны учился начальник оперативно-тактической подготовки Военно-политической академии им. В.И. Ленина генерал-лейтенант авиации Г.П. Дождиков. Администрацией школы решено увековечить память о земляке открытием мемориальной доски. В этом мероприятии участвовали учащиеся, ветераны войны и труда, архивисты.

Учителями школ г. Вичуги реализуется мультимедийный проект «Вичуга в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», который стал хорошим учебным пособием и занял первое место среди школ города в конкурсе программных средств к 60-летию Победы, а проведенный с участием архивистов урок мужества достойно представлен в нем. При подготовке проекта использованы архивные документы по награждению горожан медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Ученица 10-го класса общеобразовательной школы № 12 Мария Воробьева подготовила работу по теме «Листая ветхие страницы (Вичуга и ее жители в первый послевоенный год по материалам газеты “Вичужский рабочий” 1946 г.)». На краеведческих чтениях в 2005 г. школьница заняла второе место и стала стипендиатом главы городской администрации.

Выставка «Листая ветхие страницы», посвященная 75-летию юбилею местной газеты «Вичугские новости» и вызвавшая интерес у горожан, внесла свой вклад в развитие краеведения. Ее организовали в 2005 г. совместно с архивистами школы города и района, отдел молодежи городской администрации, руководители краеведческого кружка «Поиск».

В архивном отделе ежегодно проходят практику студенты вузов и колледжей, которые под руководством архивистов начали осваивать ПК «Архивный фонд» (ввели в БД информацию по четырем фондам), осуществляли набор текста для справочника, а также составляли описи дел, исполняли несложные запросы граждан.

В этом, юбилейном для архива году планируется оформление стенда с фотографиями студентов-практикантов, а также работами школьников-краеведов. Отдельный стенд будет посвящен членам интеллектуального клуба «Эрудит».

Архивный отдел тесно сотрудничает и с Пенсионным фондом Российской Федерации (ПФР). Для защиты прав и интересов граждан между его отделением по Ивановской области и областным управлением по делам архивов заключено соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи, в рамках которого Управлением ПФР по г. Вичуге и Вичугскому муниципальному району и архивным отделом разработан план на 2008 г. В апреле прошлого года в читальном зале архивного отдела состоялось совместное заседание «круглого стола» по обсуждению проекта Справочника о наличии документов по личному составу за 1926–2006 гг. Он необходим архивистам, работникам ПФР, отдела соцзащиты населения, специалистам органов самоуправления. Его издание готовится к юбилею архивной службы.

За 2008 г. архивистами выдано 1700 справок о стаже работы, размерах заработной платы, награждениях, по имущественным и другим вопросам, из которых 90 % положительных. Тематические запросы составили 5 % от их общего количества.

Небольшой коллектив работает четко и слаженно. Все сотрудники с высшим образованием. В обязанности заведующей архивным отделом входят составление планово-отчетной документации, предоставление документной информации, подготовка различных мероприятий, совещаний, семинаров, радио- и телепередач, выставок, консультации, сотрудничество с учреждениями, организация работы исследователей, студентов и школьников, усовершенствование НСА и переработка описей дел согласно нормативам и многое другое. В ее подчинении два сотрудника.

Ведущий специалист Елена Станиславовна Мусатова окончила Ивановский химико-технологический университет в 2003 г., в архивном отделе с февраля 2006 г., прошла аттестацию муниципального служащего, исполняет запросы по самым объемным фондам: АООТ «Фабрика «Красный Профинтерн»» и ОАО «Машиностроительный завод». Она обучалась на курсах повышения квалификации ОЦПК ВНИИДАД, при необходимости замещает руководителя.

Алла Васильевна Петрякова в 2000 г. окончила Ивановскую текстильную академию, в архивном отделе трудится с декабря 2001 г., с 2005 г. – ведущий специалист по архивному делу администрации Вичугского муниципального района, имеет практический опыт (до приезда в Вичугу 12 лет заведовала архивным отделом администрации Верхне-Ландеховского района). Она исполняет запросы по документам организаций районного подчинения (АООТ «Вичугаагрохимсервис», ОАО «Хлебоприемное предприятие», ЖКХ «Вичугажилкомстройсервис», в том числе ликвидированных учреждений, организаций и предприятий города и района, коллективных сельхозпредприятий и др.), участвует в усовершенствовании описей дел, организации семинаров, проверках делопроизводства. Ее труд оплачивается из районного бюджета.

Впереди у вичугских архивистов большая работа с документами личного происхождения, их систематизация, описание. К юбилею архива планируется подготовить справочник о документах по личному составу, телепередачу, документальную выставку, буклеты, рекламный проспект «Вичугскому архиву 30 лет».

«...Наша деревня опустошена

до последнего семенного зернышка»

Из дневников литературного критика К.Л. Зелинского и информационных сводок ОГПУ о голоде в СССР. 1933 г.

Голод в СССР 1932–1933 гг., охвативший Дон, Кубань, Поволжье, Центральнo-Черноземный район, Южный Урал, Западную Сибирь, Украину и Казахстан, – величайшая трагедия в советской истории. Ее исследование в настоящее время из чисто научной сферы перешло в общественно-политическую. И все же тема имеет богатую историографию, базирующуюся на широкой источниковой базе, значительная часть которой опубликована в многотомных сборниках «Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939». Готовится очередная публикация документов «Голод в СССР. 1932–1933 гг.» федеральных и региональных архивов России с участием архивных учреждений ряда стран СНГ. Как показывают документы, трагедия 1932–1933 гг. – результат осуществления в СССР сталинской модели форсированной индустриализации, обусловившей насильственную коллективизацию и принудительные заготовки сельхозпродукции, прежде всего хлеба, ради увеличения размеров хлебного экспорта и удовлетворения потребностей растущей промышленности.

В РГАЛИ в личном фонде советского критика, литературоведа, доктора филологических наук, старшего научного сотрудника ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР Корнелия Люциановича Зелинского (1896–1970)¹ среди его рукописей и материалов о работе в Комиссии по литературному наследию С.А. Есенина, писем и докладных записок в СП СССР, ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР о подготовке к изданию пятитомного собрания сочинений поэта, а также сборника воспоминаний о нем, писем деятелей искусства и писателей Б.Н. Агапова, И.Л. Сельвинского, А.А. Фадеева, И.Г. Эренбурга и др., находятся записные книжки и дневники за 1930–1950-е гг. Последние нельзя назвать таковыми в полном смысле слова. Это отдельные листы или начатые, но неоконченные тетради, написанные быстрым, неразборчивым почерком или напечатанные на машинке. Некоторые записи уже опубликованы². Свои документы, общим объемом 1423 единицы, критик сам передал в архив в 1965 и 1968 гг.

Для публикации предлагаются записи о голоде, который явился предметом обсуждения критика с писателями П.И. Замойским³ и М.С. Шагинян⁴ 2 января 1933 г. Они, хотя и напечатаны на машинке, плохо сохранились, текст угасает и нуждается в реставрации. Создается впечатление, что он не имеет конца, так как не подписан.

Видимо, тяжелое положение в стране волновало писателей, поскольку в предыдущей записи Зелинский описал разговор с Вс. Ивановым на эту же тему. Вс. Иванов спросил критика: «Слышал о забастовке в Иваново-Вознесенске? Мне-то рассказал один человек, чужой нам. Но это факт. Приезжал Каганович. Арестовали зачинщиков. Будто не работали фабрики 48 часов. А все дело в продовольствии и только. И просили-то всего уравнивать в снабжении с Москвой»⁵. В этой цитате очень наглядно отразилось настроение людей так

называемых не голодающих губерний: они не понимали еще, что в стране голод, и требовали лишь уравнивать их в снабжении с Москвой. Во всех несчастиях винили плохо работавшие органы снабжения и торговлю; директоров, задерживавших зарплату; спецов, получавших на порядок выше.

Видимо, автор записей хорошо знал, что если они попадут в чужие руки, то ему несдобровать. На всякий случай он в конце повествования Замойского об ужасах голодающей пензенской деревни написал, что разъяснил писателю нетипичность происходящего в этом крае.

К сожалению, правда оказалась страшнее рассказа П.И Замойского. Свидетельство этому – официальные документы – сводки по Нижне-Волжскому и Средне-Волжскому краям (современная Пензенская область⁶) ОГПУ и политотделов МТС.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии
З.К. ВОДОПЬЯНОВОЙ, В.В. КОНДРАШИНА.

¹ К.Л. Зелинский – автор следующих сочинений: *Поэзия как смысл. Книга о конструктивизме*. М., 1929; *Конец конструктивизма // На литературном посту*. 1930. № 20. С. 20–31; *Процесс против тех, из-за кого болен мир («Жизнь Климса Самгина»)*. М., 1931; *Критические письма: В 2 кн.* М., 1932–1934; *Джамбул*. М., 1955; *Дмитрий Гулиа*. М., 1956. Совм. с Х.С. Бгажба; *Октябрь и национальные литературы*. М., 1967; *В изменяющемся мире. Портреты, очерки, эссе*. М., 1969; и др.

² Напр.: *Зелинский К.Л.* На рубеже двух эпох: Литературные встречи 1917–1920 г. М., 1959; *Он же*. В июне 1954 года (об А.А. Фадееве) / Публ. В.Стрижа // *Минувшее*. 1991. Вып. 5; *Он же*. Одна встреча у М.Горького (Запись из дневника) / Публ. А.Зелинского // *Вопросы литературы*. 1991. № 5. С. 145–170; *Он же*. Вечер у Горького (26 октября 1932 года) / Публ. Е.Прицкера // *Минувшее*. 1992. Вып. 10. С. 88–115.

³ Замойский Петр Иванович (1896–1958) – писатель. Родился в бедной крестьянской семье в Пензенской губернии. Был пастухом, половым в трактире, писарем. С 1918 г. член ВКП(б). Вел разнообразную партийную и общественную работу (секретарь укома, член уисполкома, заведующий внешкольным отделом, ответственный секретарь Всероссийского общества крестьянских писателей и т.д.). Выступил в литературе с серией миниатюр для детей. Герой этих рассказов – энергичный и живой подросток из бедняцкой семьи, активно участвующий в трудовой жизни своего двора и обще-

ственных событиях села («Кудея», «Отцу на рубашку», «За дровами», «Прописали», «Пыль столбом», «Первый сноп», «Сочинительница»). Автор произведений: *Лебеда: Повести и рассказы*. М., 1928; *Канитель: Повести и рассказы*. М., 1929; *Лапти*. М., 1929; *Земля распятая*. М., 1930; и др.

⁴ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) – писатель. Большую роль в ее формировании сыграло сотрудничество в газетах «Приазовский край», «Кавказское слово», где она регулярно выступала, освещая события литературной и художественной жизни страны. В 1915–1918 гг. жила в Ростове-на-Дону, преподавала в консерватории эстетику и историю искусств. В эти годы написала первый большой роман «Своя судьба». С энтузиазмом приняла Октябрьскую революцию. Автор повестей и романов «Перемена», «Приключение дамы из общества», «Месс-Мэнд», «Кик», «Гидроцентральный» и др.; очерков: «Советское Закавказье», «Путешествие по Советской Армении», «Зарубежные письма» и др. Лауреат Ленинской премии 1972 г.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 183. Л. 2–7.

⁶ Пензенская губерния существовала до 1928 г. После ликвидации ее территория входила в состав двух регионов – Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев. Пензенская область образована в 1939 г. В приведенных ниже документах речь идет о четырех нынешних районах Пензенской области – Сердобском, Мало-Сердобинском, Тамалинском и Лопатинском.

№ 1

Из дневника К.Л. Зелинского

2 января 1933 г.

Так давно я не прикасался к дневнику, что он мне кажется воспоминанием о перенесенной болезни. Действительно, он по стечению обстоятельств становится повестью уродств, проходящих мимо, оставляющих след на бумаге. Это своеобразный «портрет Дориана Грея»¹, стареющий вместо оригинала, может быть застрахованного молодостью. Как часто замечаешь, что люди искусственной улыбкой стремятся разгладить морщины раздумий и сомнений, набегающие на лоб. И сами эти сомнения, и поводы их вызывающие не всегда бывают ясны для вас, а еще реже они облакаются в признания или даже вопросы к собеседнику.

Несомненно, положение сейчас в стране напряженное и классовая борьба в иных местах (как на Сев[ерном] Кавказе²) приобрела самый острый характер. Но круг впечатлений разный, но социальная настроенность сознаний разная и в зависимости от этих обстоятельств – выводы часто* различны и противоречивы.

Встречаю Замойского. «Ну, как?»

– Плохо. Плохо живу.

– Почему так?

– Да, вот уже четыре месяца не прикасаюсь к бумаге. Не могу писать.

И сна нет.

И вот без всяких** вызовов с моей стороны льются сразу жалобы и сомнения:

– Что же это делается? Ничего не понимаю. Все берут. Все под метелку. Вот новый закон о молоке. С коровы 170 литров. Да ведь это надо подумать. Разве корова даст столько? Даром, по пятиалтынному***. Сейчас два моих брата – они теперь работают в Москве ломовыми извозчиками – бежали из колхоза. Скопили в Москве по полтораста рублей, приехали к себе в деревню. Думали детишкам что-нибудь сделают, помогут – ведь, голые, босые все сидят. Приехали, а тут подоспел сбор. По 32 пуда картошки с дыма – да ведь с дыма, а не работника или с едока, не учитывая там сколько детей, семьи, вообще ничего не считаясь; потом – по три с половиной пудов мяса. Если нет у тебя – купи на рынке по рыночной цене, а сдай по заготовительной. Загнали мои братья свои деньги на это дело. Наложили на них еще. А они ведь не единоличники, а колхозники. Видят ребята – туго. А тут председатель колхоза пригрозил им: «Не дадите к утру – арестуем». Ну, и дали они тягу ночью. Не знаю, как с детьми, с женами. Бросили на произвол судьбы голодных. Дома, хоть шаром покати. Ни овцы, ни кошки.

Я ведь сам этот колхоз организовывал. Мне теперь стыдно и домой показываться. Письмами вся деревня завалила. Теперь у нас уж такой порядок. Назначают председателей из других, дальних деревень. Тут уж о выборном начале и не поминают. Вот приезжает такой новенький. Ему что – чужой. Голосует, клянется – сдам. Начинает сдавать. Потом видит парень –

* Слово впечатано над строкой.

** Далее забито слово, возможно: «попыток».

*** Пятнадцать копеек.

не хватит на семена, не хватит на корм. От мужиков уж таится. По ночам дома пересчитывает. Парень-то честный – видно ему: запрет колхоз. А выхода нет: не сдашь цифру – в тюрьму и сдашь, колхоз запрешь – все равно в тюрьму. У меня мои товарищи, с которыми я коров пас, бедняки горькие, первыми в партию пошли, на фронтах были, ведь все уже по тюрьмам. Тот не сдал, тот пересдал. Которые уже отсидели по два года, домой* вернулись. Теперь тише воды, ниже травы. Теперь активистов в нашей деревне не найдешь. Ну их, жизнь дороже. У всех наших активистов хозяйства поразорены, дети поумирали. И ведь не один это год. Уже третий год. И все год от года хуже. В прошлом году уже взяли из колхоза все под метелку. Просто стон пошел. Письмами меня забросали. А приехал ко мне в то время мой старый друг, тоже пастух, потом партизан, а теперь председатель краевого исполкома. Я ему рассказал, что у него с колхозами делается. Не поверил. Пошлю, говорит, проверить. Действительно, послал своего человека в нашу деревню. Тот установил, что все это правда. Тогда в наш колхоз было ввезено сначала 1000 пудов муки, затем круп, сена. Зачем же, спрашивается, все надо было забирать под метелку? А в этом году повторилось точь-в-точь то же самое. Сейчас наша деревня опустошена до последнего семенного зернышка. Край зато план выполнил. Что будет весной, не знаю. В новые постановления не верю. Да и никто в деревне не верит. Кто может, бежит из нее, а кто не может, молчит.

Я написал обо всех этих делах Калинину и Молотову. А сказать ничего нельзя: сейчас на тебя накинута – оппортунист, подкулачник, пособник кулаков, долой, в тюрьму. Что самому делать, тоже не знаю. Я коммунист, организатор колхоза, писатель – сам о колхозе же и писал – теперь всех спрашиваю: «Что делать?» Приходи, почитай письма – сам увидишь. Пишут мне люди из самых разных деревень, все то же – ни с чем не считаются: все берут. Семенной запас берут, фураж у скота отнимают. О личных запасах и говорить не приходится. Два года назад было у нас 360 лошадей. Нынешней весной вышло в поле 120. Последние месяцы на веревках уж висели. Стоять не могли. Ничем не кормили. Такую цифру сена нам на колхоз дали. Сейчас одно могу сказать – будут резать скот опять. Поживем – увидим. Не знаю, как в других местах, но в нашей местности колхозы разорены, доведены до полного упадка, и выполнение планов идет за счет основных капиталов, изъятия всего, что можно.

Замойский прощается взволнованный и расстроенный. Я стремлюсь объяснить ему, как умею – самое рискованное «теоретизировать» на базе одного колхоза.

Глубоко обеспокоена и Шагинян, эта всегдашняя оптимистка. Но круг впечатлений иной.

– Объясните, спрашивает она Серебрянского и Ермилова (мы все сидим вместе), почему на шестнадцатый год революции мы пришли к такому положению? Вы не знаете жизни, не знаете, как живут люди. Вы обеспечены пайками и гонорарами. Я сейчас была в Ленинграде. Вы знаете, что там начался сыпняк, голодный тиф, как в 20-м году? Я была в Доме ученых в Детском Селе. Мы просто недоедали там. Ученые с мировым именем питались только пшенной кашей. Я согласна питаться ей, но я должна видеть просвет,

* Далее одно слово забыто.

перспективу. Я всегда ее умела видеть, в самые тяжелые годы революции. Я всегда умела из каждого эмпирического факта извлечь его принципиальное зерно, увидеть во всем новое, движение вперед, к социализму. Сейчас я потеряла это. Мы обьеллись идеологией. Мы так все привыкли лакировать и объяснять, что потеряли чувство живых фактов жизни. А факты таковы, что ко мне приходят сейчас мои давние приятельницы, здесь, в Москве. Они некрасивы, они старые девы. Они служащие обе. Я вижу, как они начали пухнуть от голоду. И вот они иногда приходят ко мне. Я знаю, что они пришли немного подкормиться, потому что у них нет никаких закрытых распределителей. Они обе такие грузные. Им надо есть просто по их комплекции много. И вот они стесняются у меня попросить. Я знаю это. И мне так же советно их обидеть тем, что показать, что я знаю, что они голодны, и сразу начать их угощать. И вот эти сестры совершенно серьезно готовятся к самоубийству. Им нечем жить. Никакого просвета у них нет. Они получают грошовое жалованье жалких совслужей*. Я их все время утешала. Теперь и у меня не поворачивается язык сказать им, что хорошо. «Известия» заказали мне победную статью к Новому году. Я не буду, я не могу ее написать. Я не могу лгать и лакировать действительность. Я не могу миллионам усталых голодных людей говорить, что все прекрасно и мы победили. Или я напишу о чем-нибудь нейтральном. Я хотела даже отказаться от ордена Красного Знамени, который мне дали. Получился громадный разрыв между уровнем жизни большинства народа и обеспеченной верхушки инженеров, писателей, директоров, крупных управителей. Я понимаю, конечно, что надо сохранять кадры и все прочее, но под этим предлогом на почве закры[того] [сна]бжения может вырастать черт знает что. Мне противны ваши Цыпин...** [пис]ательские*** обжорства, когда кругом форменный голод.

РГАЛИ. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 183. Л. 8–10. Копия. Машинопись.

№ 2–3

Из спецсообщений секретно-политического отдела ОГПУ

1 – 5 апреля 1933 г.

№ 2

о продзатруднениях в колхозах Нижне-Волжского края

1 апреля 1933 г.

Сов. секретно

Поступающие за последнее время материалы сигнализируют о наличии острых продзатруднений в отдельных колхозах НВК и ЦЧО. В этих колхозах отдельные семьи колхозников за отсутствием хлеба питаются разными суррогатами и мясом павших животных. На этой почве имеются случаи смерти, опухания, заболевания сыпным и брюшным тифом и отдельные случаи людоедства. <...>

* Советских служащих.

** Далее оторван край документа.

*** Возможны варианты прочтения.

НВК. Сердобский р[айо]н. В селе Бутурлинка в семье колхозника Давыдова имеются опухания на почве недоедания. Давыдов имеет 400 трудодней, получил хлеба около 12 пудов, в семье 8 человек, питаются суррогатами. Колхозник Михеев умер от недоедания, жена и сын больны от истощения. Имел около 300 трудодней. В семье колхозника Долина также имеются опухания на почве недоедания. <...>

О всех фактах продзатруднений информированы соответствующие организации. Принимаются меры к заброске продпомощи.

Нач. СПО ОГПУ
Нач. 2-го отделения СПО ОГПУ
Верно: пом. секретаря СПО ОГПУ*

Г.Молчанов
Лешков

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 101–103. Заверенная копия. Опубл.: <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddpubl>

№ 3

о голоде на предприятиях Средне-Волжского края на 2 апреля

5 апреля 1933 г.

Сов. секретно

<...>

На суконной ф[абри]ке «Коллективное творчество», в Пензенском районе, снабжение рабочих проходит с перебоями. Зарботная плата рабочим систематически задерживается, почему многие рабочие, особенно много семейные (последних до 200 человек), находятся в тяжелом положении.

На ф[абри]ке увеличились случаи обращения рабочих в медпункты. Отдельные рабочие настолько истощены, что фабричный врач, отмечая в больничных листах диагноз «малярия, грипп» и прочее, одновременно сообщает в фабком, что медикаменты бессильны, т.к. рабочие не больны, а истощены от недоедания.

За первую половину марта зарегистрировано 10 случаев опухания, главным образом детей. Отмечены случаи употребления в пищу собак.

На суконной фабрике «Творец – рабочий», в Кузнецком районе, на почве плохого снабжения труддисциплина падает, увеличивается процент прогулов, т.к. рабочие уходят в села нищенствовать.

Зарегистрировано свыше 50 чел., опухших от голода. В отдельных случаях рабочие падают от истощения у своих станков. (Работница Кулемина, Карпова и др.) <...>

Нач. СПО ОГПУ
Нач. 6-го отделения СПО ОГПУ
Верно: пом. секретаря СПО ОГПУ Светлов

Г.Молчанов
Коркин

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 118. Заверенная копия**. Опубл.: <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddpubl>

* Подпись неразборчива.

** Экз. Г.Г. Ягоды.

№ 4–6

**Из спецсводок секретно-политического отдела полномочного
представительства ОГПУ по Нижне-Волжскому краю**

28 марта – 8 июня 1933 г.

№ 4

о продзатруднениях в крае по данным на 20 марта

28 марта 1933 г.

Сводка фактов

<...> **Смертности**

<...> *Сердобский район*. В с. Н. Студеновка умерла от голода колхозница Потапова вместе с двумя детьми. В с. Байка умерло от недоедания двое детей колхозников. В с. Пригор[одная] Слобода умер от голода единоличник. <...>

Нач. СПО ПП ОГПУ НВК

Якубовский

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 56. Л. 127–135. Подлинник. Оpubл.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Док. и материалы: В 3 т. 4 кн. / Под. ред. А.Берилевича, В.Данилова. М., 2000–2005. Т. 3. Кн. 2. 1932–1934 гг. М., 2005. С. 358.

№ 5

о продзатруднениях в колхозах края

10 мая 1933 г.

<...> **Употребление мяса павших животных**

Мало-Сердобинский район. В с. Турзовка колхозниками разобрана туша коровы, павшей от сибирской язвы. Ямы, в которых находились туши сап-ных лошадей, облитые керосином, разрыты, и туши все разобраны. <...>

Нач. 2-го отделения СПО ПП ОГПУ НВК

Хандриков

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 880. Л. 47–49. Подлинник. Оpubл.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3. Кн. 2. С. 418.

№ 6

о смертности на почве голода

8 июня 1933 г.

За последнее время в отдельных селах НВК на почве голода увеличились случаи смертности, опухания и употребления в пищу падали – сусликов, собак, кошек, ежей и т.п. <...>

Мало-Сердобинский район. По с. Ст. Славкино смертность от голода усиливается: ежедневно умирают 10–12 чел. Трупы продолжительное время лежат на кладбище незарытыми. <...>

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 56. Л. 140–141. Подлинник. Оpubл.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3. Кн. 2. С. 425.

№ 7

**Из донесения начальника политотдела
Тамалинской МТС Нижне-Волжского края П.Денисова
в политуправление Наркомзема СССР**

4 июня 1933 г.

<...> Значительная часть колхозников от недостаточного питания сильно ослабла. По неполным данным, в Тамалинском районе на почве недостаточного питания с января по 25 марта текущего года опухло 1028 чел., в том числе колхозников 624. За это же время умерло 725 чел., в том числе колхозников 520 чел. Во втором участке МТС с общим числом населения 2543 чел. в течение этого времени опухло 195 чел., а умерло 253 чел. <...> Умирают не только дети и старики, но колхозники от 20 до 40 лет, ибо взрослые колхозники получаемый в качестве общественного питания хлеб, как правило, отдают своим детям.

Положение с продовольствием становится с каждым днем все труднее и труднее. Району нужна скорейшая продовольственная помощь.

Начальник политотдела

П.Денисов

РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 32. Д. 85. Л. 22–22 об. Подлинник. Опубл.: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Док. и материалы: В 5 т. / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. Т. 3. Конец 1930-х – 1933. М., 2001. С. 676.

№ 8

**Из донесения № 5 начальника политотдела
Лопатинской МТС Нижне-Волжского края
в политсектор краевого земельного управления**

5 августа 1933 г.

<...> В селах Козловка, Суляевка и Пылково во время ожидания нового обмолота хлеба отдельные колхозники с травы, грибов (мухомор) начали объедаться, и в результате значительное количество умерло. За период с 1 января по 1 июля 1933 г. выбыло около 800 чел. возрастом: от детского до 50 лет и старики, преклонные к этому.

Случай людоедства. В с. Козловке 24 июня у гражданки... 45 лет обнаружено было около 1 кг человеческого мяса в вареном виде. В произведенном расследовании установлено, что 8 июня умер муж вследствие недоедания. Семья, состоящая из 6 чел., в том числе 4 человека детей, оказалась без средств к существованию и без хлеба. 11 июня у нее умер ребенок 11 месяцев, которого на почве голода решила использовать в пищу... На предварительном допросе в людоедстве созналась и заявила: «Я вынуждена была пойти на это

преступление в силу совершенного отсутствия средств существования хлебом». <...>

Начальник политотдела

Пономарев

РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 32. Д. 45. Л. 20–20 об. Подлинник. Оpubл.: Трагедия советской деревни...Т. 3. С. 677.

¹ Герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», впервые напечатанного в июне 1890 г. в журнале «Lippincott's Monthly Magazine», а в апреле 1891 г. изданного отдельной книгой.

² Так, в феврале 1930 г. были охвачены повстанческим движением Баксанский, Нагорный и Балкарский округ. В заключении Балкарского отдела ОГПУ по обвинению группы граждан с. Актотрак в вооруженном восстании против советской власти в феврале 1930 г. (не ранее 20 февраля 1930 г.) указывалось: «Отличительная черта данного движения – участие в нем значительных кадров середнячества и бедноты. Это объясняется: а) чрезвычайной отсталостью населения и влиянием на него духовенства и контрреволюционных элементов, использовавших религиозный фанатизм масс; б) некоторой засоренностью партийного аппарата на местах чуждым элементом – все это и стало толчком к этим выступлениям». К суду были привлечены 97 обвиняемых, из которых 77 – середняки и бедняки. (ЦГА КБР. Ф. 183. Оп. 1. Д. 298. Л. 148–157; *Красовицкая Т.Ю.* «Они не понимают и не могут воспринять формулы диктатуры пролетариата»: Документы российских архивов о национально-культурном строительстве на Северном Кавказе в 1920-е годы // Россия. XX век: Электронный альманах. Док. № 17.)

«...Преобразование, неотложность коего бесспорна...»

**Записка председателя Совета министров Б.В. Штюрмера
императору Николаю II о необходимости проведения
областной реформы.
7 июля 1916 г.***

В конце XIX – начале XX в. Российская империя переживала глубокий системный кризис, охвативший российскую государственность. Он в полной мере коснулся и губернской администрации¹.

Высшее государственное руководство отдавало себе отчет в неудовлетворительном состоянии дел в данной сфере, свидетельством чему явилась серия проектов губернской реформы, разработанных в позднеимперский период в правительстве Николая II. Несмотря на различия авторского состава (от консерватора В.К. Плеве² до либерала С.Д. Урусова³) и исторического контекста деятельности комиссий (предреволюционное, революционное и пострево-

* Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-200.2007.6.

люционное время), можно говорить о принципиальном сходстве проектов. Реформаторы находились на позиции признания полезности объединения основных⁴ губернских коллегий в единое учреждение и необходимости усиления личной власти губернатора. Вопрос о создании на губернском уровне какого-либо представительного органа с целью более адекватного восприятия администрацией общественных нужд не ставился. Можно предположить, что именно из-за неизменности основного подхода к предполагаемому реформированию ни один из проектов не дошел до этапа исполнения, встречая конструктивную критику со стороны общественности, сводившуюся к указанию на недостаточность предлагаемых мер для решения коренных проблем губернского устройства.

Десятилетия бесплодного стремления двигаться только в одном направлении привели, в конечном счете, к робким попыткам представителей бюрократического аппарата посмотреть на проблему иначе. Речь идет о появившихся в правительственных кругах в межреволюционный период предложениях по реформированию административного управления на «областных началах», т.е. на принципах автономизации регионов. Таковы были проекты, предложенные в 1907–1913 гг. С.Е. Крыжановским⁵ и И.М. Страховским⁶. Несмотря на то что оба автора являлись крупными государственными деятелями, занимавшими ответственные посты в аппарате управления (первый был товарищем министра внутренних дел, второй – известным губернатором), изложенные ими идеи носили неофициальный характер. Ни одно из ведомств или межведомственных органов не решилось даже обсудить их, хотя известно, что проект С.Е. Крыжановского «очень пленял Столыпина»⁷. Сложившаяся ситуация объяснялась новаторским подходом авторов, предложивших ради повышения эффективности управления встать на путь демонтажа жестко централизованного и унитарного государства. Консервативная политика Российской империи в этом вопросе предопределила отсутствие реальных шагов в данном направлении.

Положение несколько изменилось в годы Первой мировой войны. Чрезвычайные обстоятельства военного времени с еще большей остротой поставили вопрос о неэффективности системы местного управления. Именно к этому периоду относится правительственная разработка, предусматривавшая внедрение в государственную жизнь принципа автономизации регионов. Речь идет о публикуемой ниже записке⁸ председателя Совета министров Б.В. Штюрмера «Областное начало внутреннего управления империи», датированной июлем 1916 г. и предназначенной для императора Николая II. Личность ее автора получила в исторической литературе в основном негативную оценку⁹, а широким кругам стала известна по роману В.Пикуля «У последней черты»¹⁰. Однако архивные документы свидетельствуют, что этого крупного чиновника нельзя воспринимать однозначно¹¹, его деятельность в качестве губернатора в ряде регионов Российской империи еще глубоко не исследована и не оценена.

Подробный служебный список Б.В. Штюрмера дан в комментариях к тому, что изданным воспоминаниям начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева¹².

Борис Владимирович Штюрмер (1848–1917) окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1876 г. – старший столоначальник департамента Министерства юстиции, с 1882 г. – чиновник особых поручений того же министерства, гласный Бежецкого и Кашинского уездных и Тверского губернского земских собраний. В 1892 г. был причислен к Министерству внутренних дел. С 1894 г. – новгородский, с 1896 г. – ярославский губернатор. С 1902 г. – директор департамента общих дел МВД, с 1904 г. – член Государственного совета. С 20 января по 10 ноября 1916 г. – председатель Совета

министров, одновременно с 3 марта по 7 июля – министр внутренних дел, с 7 июля по 10 ноября – министр иностранных дел. Был осужден Государственной думой как прогермански настроенный чиновник. С ноября 1916 г. находился в отставке. После Февральской революции арестован, умер в Петропавловской крепости¹³.

Мысль о необходимости проведения областной реформы, возможно, возникла у высшего чиновника исходя из практического опыта его деятельности на посту губернатора, да и в последующее время, на посту директора департамента Министерства внутренних дел.

Публикуемый документ до сих пор не введен в научный оборот в полной мере и не являлся объектом пристального внимания историков¹⁴, между тем он представляет значительный интерес.

Николай II собственноручно наложил на записку резолюцию: «Разработать теперь же законопроект об областном управлении и внести на рассмотрение законодательных собраний ко времени осеннего созыва их»¹⁵. По понятным причинам никаких реальных последствий это запоздалое решение не получило, хотя факт его принятия на высшем государственном уровне, на наш взгляд, говорит о многом. Во-первых, само появление официальной записки Б.В. Штурмера показывает, что проблемы функционирования губернского управления были вопиющими и поэтому волновали премьер-министра страны даже в условиях масштабного военного конфликта. Во-вторых, предложенные в записке пути выхода из создавшейся ситуации, одобренные императором, однозначно могут быть поставлены в один ряд с предложениями С.Е. Крыжановского и И.М. Страховского, а не с министерскими проектами И.Л. Горемыкина¹⁶, В.К. Плеве, С.Д. Урусова и П.А. Столыпина¹⁷. Последние датируются соответственно 1898 г.¹⁸, 1903 г.¹⁹, 1905 г.²⁰ и 1907 г.²¹

Появление записки Б.В. Штурмера и позитивная реакция на нее императора Николая II ясно показывают, что речь можно вести о смене парадигмы в вопросе управления регионами, произошедшей на заключительном этапе существования Российской империи в среде высшего руководства государством. Власть в экстремальных условиях Первой мировой войны, как и в условиях Первой русской революции, когда ей пришлось пойти на частичное реформирование правления и политического режима, была готова встать на путь изменения государственного устройства империи.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **С.В. ЛЮБИЧАНКОВСКОГО.**

¹ Подробнее см.: *Любичанковский С.В.* Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург, 2007.

² Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – директор Департамента полиции (1881–1884 гг.), товарищ министра внутренних дел (1885–1894 гг.), государственный секретарь (1894–1902 гг.), министр статс-секретарь Финляндии (1899–1902 гг.), министр внутренних дел (1902–1904 гг.). 15 июля 1904 г. убит эсером Е.С. Сазоновым.

³ Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937) – князь, с 1902 г. тамбовский ви-

це-губернатор, в 1903–1904 гг. бессарабский губернатор, с 1904 г. – тверской. В 1905 г. товарищ министра внутренних дел в правительстве С.Ю. Витте. В 1906 г. избран депутатом Государственной думы и активно участвовал в работе вплоть до ее разгона. Как участник Выборгского воззвания 10 июля 1906 г., призывавшего к сильному сопротивлению властям, приговорен к тюремному заключению. После революции 1917 г. работал в ВСНХ и Госбанке. Скончался в Москве в 1937 г., избежав ареста. Автор сочинения «Записки губернатора. Кишинев. 1903–1904 гг.».

⁴ В дореволюционной практике управления было принято отделять губернское правление, губернское по крестьянским делам присутствие, по земским и городским делам присутствие, по фабричным делам присутствие, по воинской повинности присутствие (т.е. основные губернские коллегии, которые и предлагалось объединить) от менее значимых (лесоохранительный комитет, училищный совет, распорядительный комитет и т.п., всего их более десяти).

⁵ *Крыжановский С.Е.* Проект децентрализации империи // Посев. 1993. № 4. С. 15–21. Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935) – юрист, государственный деятель начала XX в., товарищ министра внутренних дел (1906–1911 гг.), государственный секретарь (1911–1917 гг.). Разработчик ряда реформ в правительстве П.А. Столыпина. С 1918 г. в эмиграции.

⁶ *Страховский И.М.* Губернское устройство (правительственные учреждения). Из Журнала Министерства юстиции (сентябрь, октябрь и ноябрь 1913 г.). СПб., 1913. Страховский Иван Михайлович (1866–?) – чиновник МВД, тайный советник (1915 г.). В 1889–1890 гг. чиновник особых поручений при черниговском губернаторе, в 1891–1893 гг. неперменный член и председатель Каргопольского уездного по крестьянским делам присутствия, в 1894–1896 гг. советник Оренбургского губернского правления, в 1896–1899 гг. неперменный член Оренбургского губернского присутствия, в 1899–1902 гг. мировой судья, в 1903–1906 гг. помощник управляющего земским отделом МВД, в 1906–1917 гг. губернатор Тургайской, Вятской, Тифлисской губерний.

⁷ См.: *Корелин А.П.* Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 202.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 627. Оп. 1. Д. 109.

⁹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

¹⁰ *Пикуль В.У.* У последней черты. М., 1979.

¹¹ Так, положительная оценка дается в работе Г.В. Иванова «Знаменитые и известные бежечане» (М., 2003).

¹² *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой. М., 2009.

¹³ См. *Глобачев К.И.* Указ соч. С. 512.

¹⁴ См., напр., работу С.В. Куликова, в которой в одном из абзацев дается характеристика записки Б.В. Штюрмера в связи с рассмотрением «польского вопроса», т.е. проблемы послевоенного административно-территориального и политического устройства польских земель в составе Российской империи. Б.В. Штюрмер выступал за дарование Польше после окончания русско-германской войны не политической, а административной автономии. (*Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 228–229.)

¹⁵ ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

¹⁶ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – занимал посты обер-прокурора Второго (крестьянского) департамента Сената (1884–1891 гг.), министра юстиции (1891–1894 гг.), министра внутренних дел (1895–1899 гг.). Впоследствии председатель Совета министров (апрель–июль 1906 г., 1914–1916 гг.), с 1899 г. член Государственного совета.

¹⁷ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – гродненский и саратовский гражданский губернатор (1903–1906 гг.), министр внутренних дел (1906–1911 гг.), председатель Совета министров (1906–1911 гг.), с 1907 г. член Государственного совета. Смертельно ранен эсером Д.Г. Богровым в Киеве.

¹⁸ Циркулярное письмо министра внутренних дел И.Л. Горемыкина губернаторам // Губернская реформа в заключениях губернаторов Уральского региона на рубеже XIX–XX вв.: Сб. док. Оренбург, 2006. С. 20–32.

¹⁹ Журнал Комиссии по преобразованию губернского управления. (См.: Центральный государственный историче-

ский архив Республики Башкортостан. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 655. Л. 54–75 об.)

²⁰ Неопубликованные воспоминания С.Д. Урусова. (См.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 550. Карт. 2. Д. 4. Л. 16–19.) Проект С.Д. Урусова не был завершен, поскольку министр внутренних дел запретил со-

ответствующей комиссии продолжать работу.

²¹ Россия. МВД. Департамент общих дел. О преобразовании учреждений губернского управления. В Государственную думу. 10 марта 1907 г. № 5791. СПб., 1907; П.А. Столыпин. Программа реформ. Док. и материалы: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 261–280.

Памятная записка

«Областное начало внутреннего управления империи» председателя Совета министров Б.В. Штюермера императору Николаю II

7 июля 1916 г.

Мысль о переустройстве внутреннего управления империи на областном начале возникла в Ярославле, еще в 1899 г., и тогда же была подвергнута всестороннему обсуждению. В главнейших частностях своих она была разработана уже в 1900 г. На основе этой же мысли сложилась тогда организация областных археологических съездов как противовеса съездам все-русским. Первый такой съезд имел место в Ярославле в 1901 г., а затем съезды происходили в Твери, во Владимире, в Нижнем Новгороде, т.е. в центрах старой Ростово-Суздальской области¹.

Областное начало внутреннего управления должно быть признано исконным для русской земли, ибо Московская Русь XV–XVII вв. сложилась из отдельных областей. Спаиваемые в центре органами военного и финансового управления, эти области в своей административной и хозяйственной жизни веками жили на началах достаточно широкой самостоятельности. Областное начало было столь жизненно, что и в центре, рядом с учреждениями общегосударственного управления, все время существовали и действовали приказы областного значения, первоначально трети, впоследствии – четверти или чети². Имея все значение центральных органов управления, каждый из этих приказов ведал только область или группу областей.

Внутренняя широкая самостоятельность областей создала и выдвинула местное земское начало. В этой же самостоятельности следует искать и корень идеи земских соборов. Но нет такой системы, такого установленного людьми правила, которые в своем историческом ходе не порождали бы ряда отрицательных явлений. Областная система силой вещей вела к двум в высшей степени важным следствиям: к оторванности областной жизни от мыслей и стремлений центра, а, следовательно, к самовластию и произволу со стороны местной администрации, с другой же стороны –

к борьбе между правительственным и земским началами как на местах, так и в центре.

Так как по мере хода истории области дробились, ибо углублялись общие задачи управления, то постепенно представители царской власти на местах обратились лишь в представителей московских приказов. Но это были такие представители, которые действовали за свой счет и страх, сведя отношения к Москве к бесконечной, проникнутой бесплодным формализмом переписке, вся цель коей была в том, чтобы прикрыть ни с чем не считавшийся произвол.

Ко времени воцарения царя Алексея Михайловича³ общая картина внутреннего управления страны была тем безотраднее, что, наряду с ярко выраженным расстройством областной системы, не было подготовлено, да и не из чего было подготовить какую-либо иную систему.

К тому же времени сказался и глубокий надлом в идее земских соборов⁴. Выступил на первый план классовый принцип, всегда дезорганизующий государство, и старая, твердая в своей государственной вере, земщина Московской Руси распалась на враждовавшие друг с другом группы и партии. Соборы перестали представлять Землю. Царь слышал голоса не лучших людей из разных углов своего царства, а голоса заинтересованных кружков, уже стремившихся бороться за власть и политическое влияние.

Глубоко сознавая все это, но, по обстоятельствам времени, не имея под рукой сколько-нибудь определившегося материала для коренных преобразований, царь Алексей Михайлович, следуя заветам великого деда своего, патриарха Филарета⁵, остановился на мысли внести поправку в виде таких приемов управления, при которых сам царь, у царского стола своего, непосредственно знал бы все, мог бы судить обо всем и день за днем, и в крупном и в мелком, мог бы непосредственно надзирать, руководить, воодушевлять и карать. Предполагалось достичь изложенной задачи путем учреждения Приказа Великого государя тайных дел⁶, такого особого аппарата, который, подчеркивая разочарование верховной власти одновременно и земскими соборами как высшим выражением земского начала, и приказным строем, явился бы определенным выражением неутомимой царской заботы о благе страны, высшей справедливости и высшего государственного разума.

Вообще же все это время, вплоть до преобразований Петра Великого, может быть определено как время различных попыток найти выход из создавшегося положения. Областному началу в его старом виде пришел несомненный конец, приказный строй себя пережил, а, между тем, строй внутреннего управления был таков, что не мог удовлетворять даже простейшим запросам жизни.

Заменяя приказы коллегиями, создав Правительствующий Сенат, Петр Великий, уже совершенно не считавшийся со старой московской земщиной, построил местное управление на делении страны по губерниям⁷. Этим в значительной мере упразднились старые формы управления и выдвигалось начало бюрократизации не только центральной, но и местной правительственной власти.

Тем не менее, по крайней мере, с внешней стороны, областной принцип продолжал жить, так как губернии были очень обширны, распределяя госу-

дарство на части соответственно областным особенностям. Кроме того, власть начальников губерний имела в ряде отношений характер власти наместников областей, представителей государя в глубине страны.

Мудрые предначертания императрицы Екатерины Второй развили и уточнили шаги Великого преобразователя*. Мысль об области как основе местного управления всегда была близка сердцу монархини, и если именно ей пришлось в 1775 г. «Учреждением о губерниях»⁸ отступить от этой идеи и, наоборот, положить начало современному губернскому строю, то произошло это только потому, что управление на местах, в связи с новыми потребностями жизни, все более осложнялось, местных же сил было недостаточно, а, с другой стороны, Правительствующий Сенат, коллегии и состоявшие при них конторы не умели ничего организовать и, подобно старым московским приказам, каждое дело сводили к мелочному бумажному производству.

В искусственное деление государства на губернии императрица внесла, однако, две поправки: с одной стороны, охотно учреждала, где представлялось возможным, должности наместников, которым подчиняла не губернии, а отдельные области, с другой же стороны, силою «Учреждения о губерниях» губернатору было придано все значение ответственного лица, руководящего жизнью губернии и полного в ней хозяина. Этими поправками императрица как бы стремилась к тому, чтобы мысль об областном управлении наиболее полно сочеталась с настоятельной потребностью времени, а именно с потребностью создать управление более точное, более согласное с законами и потому, по необходимости, ограниченное территориально.

Вся дальнейшая история губернского строя может быть определена как ряд различных попыток сделать из губернатора власть, но в то же время не упускать из вида непрременное желание министерств видеть в губернаторе исправного и исполнительного своего чиновника.

В особенности ярко определилась эта мысль со времени введения земских учреждений, когда на местах значительная часть дел по управлению сразу отошла от правительственных чинов. Губернатор – представитель его величества в губернии, губернатор – дипломат, умеющий установить отношения с местными общественными деятелями, губернатор – осуществитель идеи сильной власти, губернатор – охранитель отвлеченной законности, – одно за другим, одно с другим нередко переплетаясь, эти представления быстро чередовались в умах деятелей центрального правительства и естественно отражались не только на практике, но и на ходе законодательства.

В сущности, вопрос о губернаторе и ныне остается почти в том же положении. Сознание необходимости преобразовать строй местного управления существовало у правительства все эти последние годы. Казалось, однако, что подойти к вопросу нельзя иначе, как охватив одновременно всю совокупность явлений местной жизни: волость, уезд, губернию, земское и городское положения, вопрос об административно-судном деле.

Государственная дума менее всего озабочена вопросом об устройении должности губернатора, как и вообще всего того, что может интересовать власть. Стремления Думы направлены исключительно в сторону расширения полномочий учреждений общественного характера. Перед правитель-

* Имеется в виду Петр I.

ством, таким образом, стоит неразрешимая задача. Правительство не может тронуть вопросы управления, ибо этим оно только поставит во весь рост вопросы самоуправления, а эти последние не могут быть правительством приняты в освещении земско-общественных кругов, ибо речь в данном случае идет не о деловых преобразованиях, а исключительно о борьбе за власть.

Остается единственный путь, и он выражается в том, что ныне же следовало бы передвинуть все внимание общества, печати и законодательных учреждений в несколько иную плоскость. Такой плоскостью, казалось бы, могла явиться мысль об областном строе.

Русские губернии в значительном большинстве своем образовались искусственно без надлежащего соответствия с краевыми особенностями. Так, те уезды Костромской губернии, которые примыкают к Владимирской губернии, и исторически, и этнографически входят в состав древней Ростово-Суздальской области, а уезды восточные той же Костромской губернии ничем не разнятся от лесного Вятского края. Западные уезды Калужской губернии более родственны Смоленскому краю, восточные же уезды являются в полном смысле этого слова великорусскими. Таких примеров возможно привести немало. В то же время должно отметить, что власть губернатора успела переродиться, а самая должность губернатора изменилась и внешне, и внутренне. Между тем общественные органы выросли и, во всяком случае, склонны переоценивать свое значение. Центральное правительство, обремененное вопросами общей политики, в то же время частью не может, частью опасается выпустить из рук руководство местной жизнью, нередко даже в отношениях сравнительно втростепенных.

Областной строй явился бы выходом из положения в том смысле, что он дал бы возможность одним ударом достичь нескольких целей: создать на местах действительную власть, расширить без дальнейшей опасности полномочия местных органов и разгрузить центральное правительство.

Областей могло бы быть 15–18, не считая Великого княжества Финляндского и Привислинских губерний. Во главе каждой области стоял бы наместник его величества, наделенный особыми полномочиями. Губернаторы и другие чины губерний, входящих в состав областей, должны были бы иметь все значение подчиненных наместнику должностных лиц. Губернское земство явилось бы излишним. Местно-хозяйственная жизнь сосредоточивалась бы в уездном земстве и в связанных с ним мелких земских единицах. Под председательством наместника ежегодно собирались бы обыкновенные и чрезвычайные собрания уполномоченных всей области. Этим собраниям была бы подведомственна, в порядке действий распорядительного органа, не только хозяйственная работа в пределах области, но и многие задачи управления. Министерства имели бы в лице наместников тех лиц, которые осуществляли бы на местах общие задачи управления силою своей власти, но в единении с руководящими началами, вырабатываемыми центральным правительством. Как ни трудно определить словами закона это несколько особое соотношение прав и обязанностей, но такая задача все же вполне разрешима, ибо сама по себе сущность вопроса безусловно жизненна.

При разработке вопроса во всех его подробностях усиленное внимание надлежало бы обратить на распределение губерний по областям. В област-

ной системе всегда имеется опасность сепаратизма, особенно при условии, что значительная часть населения области не принадлежит к великорусской народности. Дробление губерний между областями, вероятно, в некоторых случаях неизбежно, но, как правило, следовало бы избегать его, дабы не производить ломки сразу по всем ведомствам, имеющим на местах свои губернские органы.

Если можно указать сейчас на преобразование, неотложность коего бесспорна, то это именно введение областного строя. Столь обширная империя, население коей имеет тенденцию удваиваться менее чем в сорок лет⁹, а народная мысль и народное сознание коей растут и развиваются с поразящей быстротой, настоятельно требует более широкой местной самостоятельности. Между тем предоставить эту последнюю можно только при условии, что на месте всегда находится сильная и к тому же действительная власть. Центральное правительство вполне дееспособно руководить, но управлять страной ему трудно сейчас, а в будущем, и притом в ближайшем, будет, вероятно, еще труднее.

Председатель Совета министров

Борис Штюрмер

ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–5. Подлинник. Авторизованная машинопись.

¹ С 1869 по 1911 г. в разных городах России прошло 15 археологических съездов. (Подробнее см.: Антонов В.А. Археологические древности в провинциальной исторической мысли Европейской России второй половины XVIII – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Н.Новгород, 2005.)

² Четверти (чети) – органы центрально-областного управления, возникшие при присоединении к Москве новых уделов. Центральные учреждения (дворы) уделов переносились в Москву, сохраняя в своем ведомстве присоединенные территории. Первоначально были созданы три новых приказа («трети»), а затем четыре приказа – «четверти», просуществовавшие в таком составе до начала XVII в. Окончательно четверти были ликвидированы в ходе петровских преобразований.

³ Алексей I Михайлович (1629–1676) – второй царь из династии Романовых, правил в 1645–1676 гг. При нем усилилась центральная власть и оформилось крепостное право (Соборное уложение 1649 г.), воссоединена с Русским государством Украина (1654 г.), возвращены Смоленск, Северская земля и др., подавлены восстания в Москве, Новгороде, Пскове (1648, 1650, 1662 гг.) и народное движение 1667–1671 гг., произошел раскол Русской православной церкви.

⁴ Земские соборы – высшие сословно-представительные органы в России в середине XVI–XVII вв. Включали царя, Боярскую думу, Церковный собор и представителей от «всяких чинов людей».

⁵ Филарет (Романов Федор Никитич) (ок. 1554–1633) – патриарх (1608–1610 гг. и с 1619 г.), отец царя Михаила Федоровича, боярин (с 1587 г.), приближенный царя Федора Ивановича, при Борисе Годунове с 1600 г. в опале, пострижен в монахи. В царствование Лжедмитрия I возвращен в Москву и возведен в сан Ростовского митрополита. В 1608–1610 гг. в Тушинском лагере. В 1610 г. возглавлял «Великое посольство» к Сигизмунду III, был арестован и находился в польском плену до 1619 г. Возвращенный из плена, принял патриаршество, а также титул «великого государя», являясь формально соправителем сына, царя Михаила Федоровича.

⁶ Создание Приказа тайных дел – свидетельство возросшей власти царя. Еще в первые годы правления царь Алексей Михайлович имел при себе несколько подьячих из Приказа Большого дворца для личной переписки. В конце 1654 – нача-

ле 1655 г. этот штат организационно оформлен как Приказ тайных дел, позволявший царю в решении важных государственных вопросов обходиться без Боярской думы. Упразднен после смерти царя Алексея в 1676 г.

⁷ Административно-территориальное деление России на губернии было введено в 1708 г. и просуществовало до районирования 1923–1929 гг. Число губерний первоначально было невелико – восемь в 1708 г.: Московская, Ингерманландская (позднее Санкт-Петербургская), Киевская, Смоленская, Архангелогородская (позднее Архангельская), Казанская, Азовская, Сибирская. На момент создания записки Б.В. Штюмера (т.е. к концу своего существования) Российская империя включала 78 губерний, 21 область, а также два округа.

⁸ В 1775 г., с введением Екатериной II «Учреждения о губерниях», связующим звеном высшего и местного управления стал институт императорского наместничества. В наместничества Екатерина II назначила 19 генерал-губернаторов из числа наиболее доверенных элитных аристократов, наделив чрезвычайными, неограниченными полномочиями, необычайными функциями, персональной ответственностью перед короной. Генерал-губернатор имел свое наместническое правление в качестве исполнительного органа, проводил через подконтрольных ему губернаторов монаршие повеления, действовал как глава царской администрации через губернский аппарат управления, суды, сословные органы, полицию, расположенные на территории наместничества войска, осуществлял общий надзор за чиновниками, мог оказывать давление на суд, останавливать исполнение судебных приговоров без вмешательства в судопроизводство. В каждое генерал-губернаторство входили 2–3 губернии. (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XX. № 14392.)

⁹ За два столетия, прошедшие с первой ревизии 1719 г., зафиксировавшей 15,5 млн жителей, до кануна Первой мировой войны, население России увеличилось в 10,7 раза, а с конца XIX в. до начала 1914 г. – на 32,3 %, или на 40,6 млн человек. (Подробнее см.: *Иванова Н.А.* Социально-демографическая ситуация // Россия в начале XX века: Исследования. М., 2002. С. 73–110.)

Архив ВЧК: Сборник документов / Отв. ред. В.Виноградов, А.Литвин, В.Христофоров; сост.: В.Виноградов, Н.Перемышленникова. М.: Кучково поле, 2007. – 719 с.: ил. – 3000 экз.

История ВЧК последние два десятилетия является предметом самого пристального внимания как отечественных, так и зарубежных специалистов. В потоке историко-публицистической литературы конца 1980–1990-х гг. преобладали «разоблачительные публикации». Органы ВЧК обвиняли во всех промахах советского руководства: расстрелах без суда и следствия, взятии заложников, создании концлагерей, высылке за границу и т.п. Позитивная и конструктивная сторона деятельности комиссии, направленная на обуздание хаоса, социального террора, распространившейся анархии в обществе и его криминализации, уходила в тень. Отчасти в создавшемся положении виноваты руководители ВЧК и ведомства, унаследовавшие ее функции. «Засекреченность основной массы источников являлась главным препятствием для создания истории ВЧК, понимания этого феномена российской государственности», – в чем абсолютно правы составители сборника (С. 53).

Их основная задача заключалась в ознакомлении широкого круга общественности с историей формирования и содержанием одного из важнейших комплексов документов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России. Рецензируемое издание не первое и не последнее в списке публикаций по указанной проблеме. Все они так или иначе появились во время подготовки и празднова-

ния юбилеев: 90-летия образования ВЧК и 130-й годовщины со дня рождения ее председателя Ф.Э.Дзержинского*. Выходу в свет в последние годы значительного количества публикаций о многогранной деятельности ВЧК способствовали открывшиеся в 1996 г. «Исторические чтения на Лубянке», обогатившие как источниковую базу, так и историографическое наследие этой темы. Данное издание вносит большой вклад в создание в недалеком будущем «полноценного академического исследования по истории ВЧК» (С. 63).

Его структура отвечает современным научным требованиям. Введение открывается фундаментальной статьей В.К. Виноградова «История формирования архива ВЧК», где помимо истории складывания архива достаточно много внимания уделено делопроизводству. Стремясь усовершенствовать процесс оформления и прохождения документов, Ф.Э.Дзержинский во многие вопросы управления документированием вмешивался лично, давая указания своим ближайшим сотрудникам. Можно сказать, что некоторые его замечания опережали время. Например, это касается требования «об устранении нашего проклятия: “исходящие” и “входящие» бумаги (С. 9). Разделение документов на эти группы – одно из основных правил делопроизводства, присущее всем эпохам и странам, не изжитое даже с переходом к электронному документообороту. Факты, приведенные В.К. Виноградовым, чрезвычайно полезны для будущего историка, сообщая ему особенности прохождения документов, способы их классификации, оформления дел, формы учета и описания. Только владея этими сведениями, исследователь

сможет извлечь из исторического источника полную информацию.

Не менее важна статья А.Л. Литвина «ВЧК в современной исторической литературе», демонстрирующая научную значимость опубликованного сборника документов центральных структур ВЧК. Ее автор выходит за рамки историографического обзора и поднимает вопросы оценки деятельности охранительных учреждений в надежде на то, что «новые поколения сотрудников российских органов безопасности не будут связывать рождение своего учреждения только с большевистской ВЧК» (С. 63). Структуры государственной безопасности существуют при любом режиме и в любую эпоху, но формы и границы их деятельности в революционной России определялись спецификой глубокой социальной катастрофы, затронувшей все слои общества.

Археографическое предисловие вводит нас в лабораторию поисков, подготовки к изданию текстов документов. Очень ценно, что его автор Н.М. Перемышленникова дополнительно сообщает о пробелах, существующих в документальной летописи ВЧК. В частности, она поясняет отсутствие в сборнике протоколов заседаний президиума ВЧК за вторую половину 1918 г., отмечая возможность их уничтожения или фальсификации (С. 73). А что другое? Остается вероятность похищения документов. Тогда эти документальные свидетельства эпохи следует искать в зарубежных архивохранилищах и сейфах. Американские архивы, начиная с Гуверовского института войны, мира и революции, буквально забиты документами о революционной эпохе в России. Спецхраны существовали и в зарубежных архивохранилищах. Заявление археогра-

фа, что «маловероятно, что это уникальное собрание документов может пополниться новыми материалами о деятельности центрального аппарата ВЧК в первые послереволюционные годы» (С. 71), преждевременно. Французский историк К.Мазорик был крайне изумлен, когда в 1992 г. в ГИМе ему показали неопубликованные письма грозного диктатора Французской революции Робеспьера.

Отметим также высококачественную археографическую подготовку документов к публикации, в первую очередь протоколов, удачное использование при передаче текстов различных шрифтов и высокую культуру издания в целом.

Нельзя пройти мимо включенных в сборник биографии Ф.Э. Дзержинского и галереи портретов («Именной комментарий») известных деятелей ВЧК первых лет советской власти. Запрятанные в репродукции на обложке издания, они предстают в скупых строчках примечаний как живые люди, искавшие вместе со страной новые формы социальных отношений и бытия.

Вышедший сборник документов «Архив ВЧК» – чрезвычайно важное, актуальное и полезное издание не только для профессиональных историков, но и для широкого круга читателей. Каких бы противоположных взглядов на плоды революции мы ни придерживались, какие бы политические счета ни предъявляли ее деятелям, прочитав данный сборник документов, мы должны признать громадность этого мирового явления и навсегда отвергнуть мысль о том, что великий социальный переворот могла совершить маленькая кучка лично обиженных революционеров. Над историей мы не властны, но извлекать из нее уроки обязаны.

* ВЧК уполномочена сообщить... 1918 год. Жуковский, М., 2004; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллиген-

ции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005; Чекисты и история в лицах / Г.Э. Кучков, А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2008.

Земли родной минувшая судьба (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края). Саратов: Полиграфическая компания «Эль-Принт», 2007. – 376 с. – 300 экз.

Рецензируемое издание представляет собой сборник документов, подготовленный преподавателями Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского, работниками Госархива Саратовской области (ГАСО), Госархива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) и Саратовского краеведческого музея. В нем отражены основные аспекты деятельности Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), а также социально-экономические, географические, бытовые особенности Саратовского края. Ранее не публиковавшиеся материалы извлечены из фондов ГАСО и представляют собой ценные источники по истории провинциальной России.

Основная часть документов посвящена СУАК. Образованная 12 декабря 1886 г., она просуществовала до 1920 г. После издания декрета Совета народных комиссаров от 1 июня 1918 г. законодательная база ее деятельности была аннулирована, создано Общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ). Обращение к данной теме представляет безусловный интерес, ведь СУАК являлась одной из известных научных организаций в российской провинции второй половины XIX – начала XX в., а ее история – это актуальный опыт самоорганизации интеллектуального провинциального сообщества. Заслуживают внимания и принципы организации научной деятельности комиссии. Известно, что она избежала идеологической ангажированности. Среди ее членов встречались поклонники самых разных (от социал-демократических до монархических) воззрений. Это, однако, не мешало их

весьма плодотворной деятельности, в которой политические разногласия уступали место научным дискуссиям. Весьма поучительный подход. Примечательно, что комиссия довольно успешно развивалась и в первые годы советской власти.

Труды СУАК (более 30 томов) и степень их научности вполне позволяют рассматривать ее в качестве центра исторического знания на рубеже веков. Высокая ценность исследований комиссии определялась чрезвычайно квалифицированным составом. В ней принимали участие выдающиеся российские историки: В.С. Иконников, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, Д.Л. Мордовцев, Г.И. Перетяковский, М.И. Семевский; археологи И.Е. Забелин, Д.Я. Самоквасов, А.А. Спицын; археограф А.Ф. Бычков; филологи А.Н. Пыпин, А.А. Шахматов, такие замечательные знатоки истории и археологии Саратовского Поволжья, как А.А. Гераклитов, М.В. Готовицкий, Г.Г. Дыбов, С.С. Краснодубровский, П.Г. Любомиров, А.Н. Минх, В.П. и Н.С. Соколовы, С.А. Харизоменов, Н.Ф. Хованский, П.Л. Юдин и др. Исследовательская деятельность комиссии касалась самых различных аспектов истории края, археологии, этнографии, архивоведения. Ее достижения и сегодня не потеряли своего научного значения.

Публикация материалов СУАК предваряется весьма обширным историческим предисловием (авт. – доцент СГУ А.С. Майорова), где рассказывается об образовании, этапах деятельности комиссии, на основе источников анализируются и уточняются спорные вопросы историографии СУАК, в частности периодизации ее истории (С. 7–8).

Опубликованные материалы СУАК (21 документ) включают переписку с Министерством внутренних дел и саратовским губернатором А.А. Зубовым об открытии комиссии, участии в этом местного дворянства, директо-

ра Санкт-Петербургского археологического института Н.В. Калачова и его преемника И.Е. Андреевского, содействию Саратовской епархии и епископа Авраамия «в собирании исторических памятников». Протоколы и отчеты о работе СУАК охватывают наименее изученный период, главным образом предреволюционный и революций, а также первые годы советской власти. Документы раскрывают организационную структуру комиссии, основные направления ее деятельности, финансовое положение, состояние библиотеки и музея. В приложении к сборнику впервые дан полный алфавитный список членов СУАК с 1887 по 1919 г. (627 персоналий).

И предисловие, и весь корпус публикуемых документов СУАК станут серьезным дополнением к немногочисленной историографии темы*.

Другие разделы сборника включают материалы, охватывающие период с начала XIX в. по Первую мировую войну (12 документов), касаются самых разнообразных сторон жизни края.

В разделе официальных документов опубликован (с незначительными сокращениями) всеподданнейший отчет саратовского губернатора Б.Б. Мещерского за 1892 г. Он содержит довольно интересную и обширную (учитывая его внушительный объем и сопутствующие приложения) информацию о жизни губернии. К сожалению, губернаторские отчеты остаются недооцененными как исследователями, так и издателями историческими источниками. Их публикация по-прежнему представляет большую редкость. Между тем отчеты являются весьма информативным документом. Они способны очертить правительственные приоритеты в различные исторические периоды, поскольку первая их часть включала сведения, достойные внимания царя. Отчеты характеризуют корпус «начальников губерний» с точки зрения их профессионализма и нередко содержат довольно откровенные оценки социально-экономи-

ческого положения в губернии. Будем надеяться, что данная публикация поспособствует в дальнейшем тематическому изданию годовых отчетов саратовских губернаторов. Тем более что в ГАСО сохранились всеподданнейшие отчеты за период с 1870 г. по начало XX в. (Ф. 1 «Канцелярия саратовского губернатора»).

Картина нравов губернской администрации второй половины XIX в., основательно охваченной извечными болезнями (хорошо известными и в России начала XXI в.) – бюрократизмом и мздоимством, – отражена в воспоминаниях Н.Ф. Иванова («Рассказы из прошлого»), служившего податным инспектором в Саратовской губернии в конце XIX в.

Сборник дополняет наши представления о ныне весьма популярном государственном деятеле России начала XX в. П.А. Столыпине. В воспоминаниях журналиста, редактора социал-демократической газеты «Приволжский край» Н.М. Архангельского один из разделов посвящен саратовскому губернатору П.А. Столыпину (1903–1906 гг.). Автор описывает их встречи в 1904–1905 гг., отмечает индивидуальность губернатора, ум и личное мужество. Трагизм же положения П.А. Столыпина как реформатора журналист видит в его неспособности порвать со своей средой, на которую должен был опираться, чтобы сохранить правительственный курс. Но именно это и привело к инверсии курса, когда «репрессивное начало роковым образом почти поглощает творческое» (С. 255).

Столыпинская тема продолжена в разделе «Живая старина», где помещена газетная информация о посещении Саратовской губернии американским профессором Л.Э. Текстер в 1913 г. с целью ознакомления с русской социально-экономической жизнью, и в частности с землеустроительной деятельностью в деревне. Итогом изучения стала ее хвалебная оценка

земельных преобразований: «Если отрубное хозяйство пойдет так же, то лет через двадцать Россия будет богатейшей хлебной страной» (С. 297).

Воспоминания уже упомянутого Н.М. Архангельского содержат и сведения о пребывании в Саратове в ноябре 1905 г. другого известного, хотя и менее чем Столыпин, государственного деятеля – бывшего военного министра В.В. Сахарова, посланного царем для «умиротворения» саратовской деревни, а также малоизвестные саратовские страницы истории гапоновщины – так называемый эпизод с А.И. Матюшенским, оказавшимся в 1906 г. в Саратове в поисках денежных сумм, выделенных правительством на поддержание гапоновского движения. Здесь они, по воспоминаниям автора, и были найдены в Саратовском отделении Государственного банка.

Сборник содержит также материалы пастора Г.А. Томсона о голоде в немецких колониях Поволжья в 1891 г., насилии помещиков Попова и Данилова в отношении крестьянки Авдотьи Бабичевой (1861 г.) и ее мытарствах в поисках правды.

Данная часть сборника может создать у читателя впечатление некоторой хаотичности и случайности в подборе документов. Они действительно не связаны между собой ни хронологически, ни тематически. Однако вряд ли это можно рассматривать как недостаток издания. Авторы не ставили перед собой целью создание ни целостной картины истории края, ни отдельных его периодов. В сущности, сборник – это знакомство читателя с чрезвычайно разнообразным миром

документального наследия истории края, приглашение к его тщательному изучению.

Несомненным достоинством издания являются прекрасный научно-справочный аппарат, включающий кроме отмеченного выше исторического предисловия весьма квалифицированную археографическую справку (авт. – Н.В. Самохвалова, ГАСО и С.М. Саломатина, ГАНИСО), а также списки сокращенных слов, устаревших терминов (мер веса, длины, объема и др.), именной и географический указатели. Публикуемые документы снабжены раскрывающими их содержание заголовками и легендами. Примечания к документам дают информацию об упомянутых в тексте неизвестных читателю сюжетах и персоналиях, очерчивают исторический, общественно-политический контекст, в котором появился тот или иной документ, позволяют раскрыть его новые грани. Здесь приведены сведения о событиях, оставшихся за рамками того или иного документа. Достоверность содержащихся в примечаниях данных обеспечивается широким привлечением научной исторической литературы. Затекстовые примечания содержат перекрестные ссылки на публикуемые документы и примечания к ним.

Профессионально составленный справочный аппарат, включая компетентные комментарии, существенно облегчает работу со сборником, делая его весьма функциональным. Кроме того, он прекрасно издан и дает многочисленный новый материал для исследователей истории Саратовского Поволжья. Остается лишь сожалеть о мизерном тираже издания.

* Среди обобщающих работ можно назвать лишь диссертацию Т.А. Захаровой «Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886–1920 годах», монографию В.М. Захарова и Т.А. Захаровой «Саратов-

ская ученая комиссия в 1886–1920 годах», а также не потерявшую актуальности работу В.П. Соколова «Саратовская ученая архивная комиссия за 25 лет ее существования», вышедшую в 1911 г.

Миндлин А.Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 годы: справочник персоналий. СПб.: Алетейя, 2007. – 392 с. – 1000 экз.

Историография истории евреев в Российской империи XVIII – начала XX в. насчитывает значительное количество научных работ (монографий, статей, документальных публикаций), изданных в основном до Октябрьской революции 1917 г. С конца 1980-х гг., когда после почти 60-летнего вынужденного перерыва начался процесс возрождения академической иудаики, возобновился и выход трудов по различным аспектам истории российского еврейства. Некоторые из них были посвящены роли личности в еврейской истории. Однако вплоть до настоящего времени это были разрозненные и не связанные между собой публикации, касающиеся деятельности российских монархов, государственных, политических или общественных деятелей¹. Цельное же исследование по указанной проблематике, которое бы объединило самые значимые персоналии, т.е. тех лиц, влияние которых на судьбы «русских» (как их называли до революции) евреев оказалось наиболее заметным, отсутствовало.

Работа, проведенная А.Б. Миндлиным, внесла определенный вклад в исправление сложившейся ситуации. Опубликованную петербургским издательством «Алетейя» (в серии «Левифан: Государство. Общество. Личность») книгу можно назвать подлинным событием в современной историографии российского еврейства, первой попыткой свести воедино как практические действия, так и высказывания отдельных государственных, политических и общественных деятелей Российской империи в отношении евреев. Это издание является итогом многолетней

работы исследователя в избранном им направлении – изучение роли отдельных личностей (неевреев) в истории евреев России досоветского периода. Апробацией некоторых результатов разработки указанной темы стала публикация в различных изданиях его статей, посвященных, в частности, Екатерине II, Александру I и Александру II, С.Ю. Витте, П.А. Зайончковскому, Н.С. Лескову, В.К. Плеве и др.²

Автор представляет свой труд как справочник персоналий, однако данная работа по сути несет в себе элементы монографического исследования, что, строго говоря, является нарушением «чистоты» формата научно-справочного издания и нестандартным подходом к подготовке подобного рода работ. В связи с этим далеко не все специалисты могут согласиться с такой авторской концепцией. Тем не менее А.Б. Миндлиным проделана большая и кропотливая работа по сбору материалов, причем не только из опубликованных источников (законодательных актов и ведомственных циркуляров, мемуаров и дневников, переписки и периодики). К исследованию привлечен также широкий круг архивных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (ныне – РГАСПИ), а также отделов рукописей Российской государственной и Российской национальной библиотек. Поэтому можно констатировать, что работа А.Б. Миндлина не только объединяет уже известные исторические факты, действия и взгляды фигурантов по еврейской проблематике, но и вносит много новой информации.

В составе справочника более 90 статей, посвященных тому или иному российскому государственному, политическому или общественному деятелю

второй половины XVIII – начала XX в. В целом работа охватывает весьма обширный круг персоналий: императоров, председателей Комитета и Совета министров, руководителей министерств и департаментов, генерал-губернаторов и губернаторов, депутатов Государственных дум, крупных чиновников, политических, военных и общественных деятелей, дворянских предводителей самой различной политической и общественной ориентации, что позволяет с определенной полнотой комплексно оценить отношение к евреям в России в дореволюционный период, охватывающее широкий спектр – от антисемитизма (у большинства) до филосемитизма. Конечно, в их перечень можно внести ряд значимых лиц, так или иначе повлиявших на решение «еврейского вопроса» в дореволюционной России или публично выступавших со своими мнениями в органах власти и управления, различных учреждениях или в печати. Однако, как отметил в предисловии сам автор, «вопрос о том, почему те или иные имена оказались субъектами справочника, а другие нет, не бесспорен», а само издание «не претендует на исчерпывающий характер» (С. 9, 10). Действительно, выбор исследуемых имен всегда будет субъективным, исходящим из личных взглядов историка. Попутно заметим, что в справочник включены имена не только известных политиков и исторических деятелей, но и лиц, читателям мало знакомых, но тем не менее характеризующих рассматриваемую эпоху, – в этом одно из его несомненных достоинств. По воле исследователя здесь представлены почти исключительно лица православного вероисповедания; даже крещеных евреев, занимавших высокие административные посты, в справочнике нет. Возможно, что автор специально оставил для себя перспективную область изучения, поскольку различные аспекты деятельности выкрестов в России вызывают вполне оправданный исследовательский интерес.

Вполне обоснованы выбранные А.Б. Миндлиным хронологические рамки исследования. За начальную временную границу он взял 1762 г., ознаменовавший собой воцарение на российском престоле Екатерины II, в период правления которой Россия обрела самое многочисленное еврейское население в мире. Поскольку до первого польского раздела 1772 г. численность евреев в Российской империи была крайне незначительна, почти сразу по вступлении на трон императрице предложили решить вопрос о въезде евреев в страну. И хотя Екатерина II формально подтвердила жестко негативную позицию своей предшественницы Елизаветы Петровны, тем не менее уже в первые годы своего правления молодая императрица позволила нескольким курляндским евреям осуществлять на территории России предпринимательскую деятельность, которая способствовала развитию ее экономики. Позднейшая крайняя дата – Февральская революция 1917 г. – время падения монархии и установления власти Временного правительства, которое своим декретом отменило ограничения для людей всех вероисповеданий и национальностей и тем самым ликвидировало пресловутую «черту постоянной еврейской оседлости», просуществовавшую свыше 140 лет.

Бесспорным достоинством книги является научно-справочный аппарат. Прежде всего, производит впечатление список использованной автором литературы, состоящий из более чем 700 названий. Ссылками в тексте очерков легко пользоваться: они содержат порядковые номера книг, статей, документальных публикаций, законодательных или архивных источников из списка литературы, а также номера страниц. Наличие перекрестных ссылок на другие биографические статьи книги – безусловное достоинство издания. Может быть, стоило бы помимо именного указателя составить еще и географический, что облегчает пользование справочником. Имеется в

книге и внушительный список сокращений, без которого немислимо любое подобное издание с большим количеством повторяющихся терминов.

В заключение обратим внимание на некоторые имеющиеся в рецензируемой книге неточности. Так, видный русско-польский государственный и политический деятель и сподвижник Александра I князь Адам Адамович (или Адам-Юрий) Чарторыйский (именно так его звали в России и чаще всего так он именуется в исторической литературе) в справочнике проходит как Адам Ежи Чарторыйский, т.е. приводятся его польское имя и фамилия. В данном случае, на наш взгляд, было бы уместнее указать его русское именование или, по крайней мере, дать оба варианта. (Кстати, в российском делопроизводстве эта фамилия претерпела и другие изменения: Чарторыйский, Чарторижский, Черторижский.) Между тем другой поляк – известный ученый и общественный деятель рубежа XVIII и XIX вв. Тадеуш Чацкий, чья деятельность, бесспорно, имела определенное влияние на судьбы «русских» евреев (но не получивший в справочнике персонального очерка), именуется в книге по-русски – Ф.Ф. (т.е. Фаддей Феликсович) Чацкий. Автору следовало бы продумать, в

каком варианте давать имена деятелей нерусского происхождения, чтобы избежать разночтений. Как бы то ни было в случае переиздания книги эти неточности легко преодолимы.

Следующее замечание, конечно, могло бы усложнить подготовку издания к публикации и привести к его удорожанию. Однако, если кроме собственно текста статей в нем присутствовал бы еще изобразительный ряд, в частности портреты российских деятелей (даже небольшого размера), впечатление от книги было бы на порядок выше. Полное же отсутствие каких-либо иллюстраций приводит к некоторой суховатости в подаче материалов. Впрочем, перечисленные недочеты отнюдь не умаляют общего благоприятного впечатления от издания и не снижают его научной значимости.

Ход истории – это не безликий процесс, в нем участвуют живые, деятельные люди, зачастую оказывающие глубокое влияние на важные исторические события, на судьбы целых народов. Не является исключением и история российского еврейства, изучение которой сегодня находится на подъеме. И книга А.Б. Миндлина становится стимулом для дальнейших исследований в этой области иудаики.

¹ См., напр.: *Фельдман Д.З.* Роль А.Р. Воронцова в формировании правового статуса евреев России // *Сподвижники Великой Екатерины: Тез. докл. и сообщ. конф.* М., 1997; *Он же.* Князь А.Н. Голицын и судьбы еврейского народа в России в первой четверти XIX века // *Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Б.Вяземы, 1998; Он же.* М.С. Воронцов и еврейское население Южной России в первой половине XIX века // *Воронцовы – два века в истории России: Тр. Воронцовского о-ва.* СПб., 2000. Вып. 5; *Он же.* Роль Г.А. Потемкина-Таврического в истории евреев в России // *Россия в XVIII столетии.* М., 2002. Вып. 1; *Он же.* Граф С.С. Уваров в истории еврейского народа России середины XIX века // *Уваровские чтения-V.* Муром, 2003.

² См., напр.: *Миндлин А.Б.* Евреи в царствование Екатерины II // *Параллели: рус.-евр. ист.-лит. и библиогр. альм.* М., 2002. № 1; *Он же.* Плеве и евреи // *Там же.* М., 2003. № 2–3; *Он же.* Еврейская тема в публицистике Н.С. Лескова // *Там же.* М., 2004. № 4–5; *Он же.* Политика С.Ю. Витте по еврейскому вопросу // *Вопросы истории.* 2004. № 4; *Он же.* Еврейская тема в трудах П.А. Зайончковского // *Материалы одиннадцатой ежегод. междунар. междисциплинар. конф. по иудаике.* М., 2004. Ч. 2; *Он же.* Евреи при Александре Первом // *Корни: обществ.-публицист. и культурно-просвет. журн. евр. общин.* М.; Киев, 2004. № 23; *Он же.* Император Александр II и еврейский вопрос // *Параллели.* М., 2005. № 6–7.

Конференции, совещания, семинары

«Историческая и политическая проблема массового голода в СССР 30-х годов»

17 ноября 2008 г. в Главархиве Москвы прошла эта международная научно-практическая конференция, организованная Росархивом, Институтом политических исследований и Фондом «Историческая память». В ней участвовали историки, архивисты и общественные деятели из России (Волгограда, Екатеринбурга, Краснодара, Москвы, Пензы, Саранска, Тамбова) и зарубежных стран (Австралии, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Украины, Японии). Прозвучало 25 докладов и сообщений, касающихся «феномена» массового голода в СССР 1930-х гг. и политических искажений этой исторической проблемы.

Главные аспекты обсуждаемой проблемы были обозначены уже при открытии конференции ее ведущими: С.А. Марковым (директор Института политических исследований, депутат Государственной думы), В.П. Козловым (руководитель Росархива), А.Р. Дюковым (председатель Фонда «Историческая память»). Отметив важное значение данного собрания для формирования личности в демократическом обществе и ее идентификации с другими народами, они выделили хронологические рамки (осень 1932 – весна 1933 г.), ареал (Северный Кавказ, Украина, Казахстан, Южный Урал, Поволжье, Молдавия, Киргизия и др.) и социальные причины (ускоренная индустриализация, закрытость общества, усиление бюрократизации госаппарата) голода в СССР, подчеркнули основополагающую роль архивных документов для установления действительной картины трагедии, весомый вклад российских, в частности В.П. Данилова, и зарубежных специалистов в изучение и

публикацию исторических источников по теме, осудили угрожающие добрососедским отношениям с Россией попытки политизации истории со стороны украинского руководства (концепция «геноцида голодомором» на Украине в 1932–1933 гг.) и призвали историков опираться в исследованиях на прочную научную базу. Участникам конференции, среди которых были наиболее авторитетные ученые, удалось конкретизировать и полнее осветить сущность голода 1930-х гг. в СССР как социального явления.

Центральное место в выступлениях принадлежало рассмотрению разнообразных причин возникновения голода (неверная аграрная политика государства, форсированная индустриализация страны, последствия революций и войн начала XX в., агротехнические просчеты, неблагоприятные погодные условия, изменение системы хлебозаготовок и неуклонное наращивание их объемов, сложная международная обстановка и др.), его конкретных проявлений и особенностей в различных регионах страны (на Кубани, Урале, Украине, в Казахстане, Киргизии, Центральном Черноземье, Поволжье и др.) и последствий для общества (колоссальные прямые демографические потери сельского и городского населения: на Украине примерно 3–3,5 млн человек, в России – 2,8 млн, в Казахстане – около 50 %, а в Киргизии – 18 % жителей, высокая младенческая смертность в последующий период). Об этом, опираясь на архивные документы, записи устной истории и личные воспоминания, убедительно говорили В.В. Кондрашин (Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского),

Е.Г. Пономарева (МГИМО), А.И. Фурсов (МГУ им. М.В. Ломоносова), Ш.Д. Батырбаева (Киргизский национальный университет), М.-А.Х. Асылбеков (Национальная академия наук Республики Казахстан), Н.А. Ивницкий (д-р ист. наук), В.Б. Жиромская (ИРИ РАН), А.Ф. Тараненко (член общества «Мемориал»), Г.Е. Корнилов (Институт истории и археологии УРО РАН), Т.Д. Надькин (Мордовский государственный педагогический институт), С.А. Есиков (Тамбовский государственный технический университет), а также историки Ст. Уиткрофт из Австралии и Ш.Нобуо из Японии. Некоторые докладчики подчеркивали перманентный характер голода в нашей стране начиная с 1918 по 1950-е гг. и настаивали на необходимости глубокого сравнительного анализа данной проблемы на этом хронологическом отрезке и значительной территории, включая зарубежные страны (Ст. Уиткрофт, Г.Е. Корнилов, Т.Д. Надькин).

Большинство специалистов высоко оценили достижения российских и украинских историков в изучении разнообразных аспектов голода в СССР 1930-х гг., прежде рассматривавшихся в русле истории крестьянства и революции 1917 г. (Н.А. Ивницкий и др.), а также представили на конференции аналитические обзоры рассекреченных архивных документов (Н.С. Тархова, Российский государственный социальный университет; Е.Ю. Борисенок, Институт славяноведения РАН). Наряду с этим прозвучали и мнения о необходимости расширения источниковой базы исследований данной темы. В недоступности необходимых архивных документов упрекали как Россию (ученых не допускают к станичным книгам ЗАГС 1930-х гг., некоторым материалам федеральных архивов), так и Украину (А.Ф. Тараненко; Т.Д. Надькин; В.М. Духопельников, Харьковский национальный университет).

Самостоятельному рассмотрению подверглись политические фальсифика-

ции событий массового голода в СССР. Выступавшие попытались дать свою трактовку украинской интерпретации голода 1930-х гг. как геноцида украинского народа, представить эту концепцию в качестве проявления общего курса Украины на собственную «особость», оценить ее как идеологический шаблон, характерный и для некоторых других государств Восточной Европы (Латвии, Литвы и др.), раскрыть корни и идеологический подтекст концепции «геноцида голодомором» в русле политики независимой Украины (В.В. Лантух, Харьковский национальный университет; Ю.В. Шевцов, Центр по проблемам европейской интеграции, Белоруссия; А.В. Марчуков, ИРИ РАН; М.В. Дмитриев, А.И. Фурсов, МГУ им. М.В. Ломоносова; С.П. Рамазанов, Волжский гуманитарный институт ВолГУ).

Участники обсуждения в целом одинаково рассматривали голод 1930-х гг. в СССР как общую для народов нашей страны трагедию, критиковали проявления идеологического и этнического подходов к ее оценке и предлагали вынести этические уроки, объединив память разных народов в общий некролог по погибшим (М.Л. Шевченко, Общественная палата Российской Федерации).

В рамках конференции открылась выставка документов (в том числе и рассекреченных) о голоде в СССР 1930-х гг. из фондов федеральных государственных архивов (РГАСПИ, РГАЭ, ГАРФ), Архива Президента Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России, характеризующих истинные причины, масштабы и последствия этого массового бедствия. Ее представляли непосредственные участники подготовки экспозиции и всего научного мероприятия (Е.А. Тюрина, директор РГАЭ; С.А. Марков, А.Р. Дюков), рассказавшие о концепции выставки, составе выявленных архивных документов, их научном и общественном значении.

Л.А. Кобелькова,
кандидат исторических наук

«Гражданская война на востоке России»

Так называлась Всероссийская научная конференция, проведенная 25–26 ноября 2008 г. Агентством по делам архивов Пермского края, Пермским госархивом новейшей истории и Госархивом Пермского края. Около ста присланных научных работ были размещены на сайте в период с апреля по ноябрь.

В конференции участвовали исследователи из 16 субъектов Российской Федерации (республик Башкортостан и Удмуртской; Алтайского, Пермского, Приморского краев; Иркутской, Кемеровской, Пензенской, Саратовской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей; Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов; Москвы, Санкт-Петербурга), а также из Республики Узбекистан. Большинство работ поступило из Перми (39) и других городов края (Кудымкар, Кунгур, Краснокамск, Добрянка, Нытва, Чайковский) (7). Среди авторов докладов 16 докторов и 38 кандидатов наук, девять аспирантов и соискателей, пять студентов, девять архивистов и пять сотрудников музеев. Они рассмотрели актуальные методологические, историографические и источниковедческие аспекты изучения истории Гражданской войны, национально-религиозной политики «белых» и «красных», общественно-политической, культурной и экономической жизни противоборствующих сторон, высказали суждения по ряду спорных и нерешенных проблем.

Пленарное заседание, проходившее одновременно в гимназии № 11 им. С.П. Дягилева и в режиме он-лайн на ее сайте, открылось приветствиями руководителя краевого агентства по делам архивов С.Г. Сычева, директора гимназии канд. пед. наук, лауреата премий ЮНЕСКО и Пермской области в сфере культуры и искусства, член-корр. Международной академии информатизации Р.Д. Зобачевой, а также епископа Пермского и

Соликамского преосв. Иринарха. На этом заседании (вед. д-р ист. наук, проф. кафедры истории российского государства факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Квакин) помимо обсуждения научных докладов состоялись презентации сборника документов и выставки «Гражданская война в Прикамье», подготовленных Госархивом Пермского края, а также тематического выпуска историко-архивного журнала «Ретроспектива», была заслушана информация о Романовских чтениях в Перми. Большой интерес вызвали дискуссия «Гражданская война: старые схемы и новые исследовательские перспективы», которую вел директор Пермского госархива новейшей истории канд. ист. наук М.Г. Нечаев, и «круглый стол» по вопросам преподавания истории Гражданской войны в общеобразовательной школе.

Четыре секции: «Конструирование власти и органов местного самоуправления в годы Гражданской войны» (вед. канд. ист. наук Г.Д. Селянинова, г. Пермь и д-р ист. наук С.П. Звягин, г. Кемерово), «Общество в Гражданской войне» (канд. ист. наук Л.А. Обухов, г. Пермь), «Национально-религиозная политика противоборствующих сторон» (д-р ист. наук М.И. Одинцов и д-р ист. наук О.Ю. Васильева, г. Москва), «Проблемы источниковедения и историографии Гражданской войны» (М.Г. Нечаев) и «круглый стол» проходили в Высшей школе экономики и Госархиве Пермского края.

При подведении итогов конференции отмечались ее высокий научный уровень и отличная организация, профессионализм, креативность и творческая зрелость докладчиков. Ее содержание обсуждалось с участниками в прямом эфире радиостанции «Эхо Перми». По итогам конференции издан сборник материалов.

М.Г. Нечаев,
кандидат исторических наук

«Политические репрессии первой половины XX в. в судьбах технической интеллигенции России»

Под таким названием 29 октября 2008 г. в филиале РГАНТД в г. Самаре прошла Всероссийская научная конференция, посвященная памяти жертв политических репрессий. В ней участвовали ученые из 12 регионов страны, в том числе из Волгограда, Екатеринбурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Перми, Самары и др.

Собравшихся приветствовали губернатор Самарской области В.В. Артяков, заместитель министра образования и науки Самарской области В.В. Васильев, заместитель председателя президиума Самарского научного центра РАН, главный ученый секретарь, д-р техн. наук, проф. Ю.Н. Лазарев, заместитель директора Поволжского филиала ИРИ РАН, д-р ист. наук, проф. А.И. Репинецкий, проректор Самарского госуниверситета, д-р техн. наук, проф. Ю.Н. Горелов, председатель Самарского отделения РОИА, канд. ист. наук, доцент К.Ф. Нефедова.

На пленарном заседании были заслушаны доклады д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника ИРИ РАН В.Д. Есакова «Судьбы творцов и идей» (г. Москва), д-ра ист. наук, проф. В.Н. Парамонова «Сталинский режим как альтернатива гражданскому обществу» (г. Самара), канд. ист. наук, начальника отдела филиала РГАНТД О.Н. Солдатовой «Использование документов филиала РГАНТД при изучении деятельности специальных проектных и научно-исследовательских организаций, представителей технической интеллигенции страны в период политических репрессий первой половины XX века» (г. Самара).

Работа конференции продолжилась по секциям: «Политические репрессии как факт исторического развития СССР первой половины XX в.», «Вклад репрессированных ученых и деятелей науки и техники в экономическое развитие страны», «Социокультурные и духовные аспекты репрессивной политики государства».

Ряд сообщений, подготовленных на основе архивных документов, сделали специалисты филиала РГАНТД в г. Са-

маре Л.Е. Антонова, Е.С. Богданова, С.А. Рыжкова, М.К. Сурнина и Т.Н. Фисюк.

Архивы Свердловской области представляли начальник Управления архивами канд. ист. наук А.А. Капустин, директор Госархива административных органов Е.В. Пентегова, ведущий специалист, секретарь НМС архивных учреждений УФО Н.В. Стручкова. Выступление последней «Политические репрессии технической интеллигенции на Урале. История в лицах», основанное на архивно-следственных делах осужденных по 58-й статье УК РСФСР, документально проиллюстрировало события периода становления и развития тоталитарного общества.

Заместитель директора Центрального госархива историко-политической документации Республики Татарстан Л.В. Хузеева в докладе «За отсутствием состава преступления... (Документы ЦГАИПД РТ о репрессированных деятелях науки)» рассказала об ученых (химиках Г.Х. Камае, Б.А. Арбузове, медиках М.И. Аксянцева, С.Б. Еналеева, генетике В.Н. Слепкове и др.), для которых служение науке оказалось высшей ценностью по сравнению с перенесенными унижениями, чувством несправедливости наказания и осуждения.

Главный специалист Государственного общественно-политического архива Пермской области И.С. Шилова сделала сообщение об индустриализации на Урале (о репрессиях технической интеллигенции), а заместитель директора Центрального госархива Самарской области О.В. Зубова – о репрессиях 1930-х гг. в архивной службе Самарской области.

Перед библиографами Самарской областной универсальной научной библиотеки была поставлена задача поиска и отбора опубликованной информации по печатным и электронным источникам для последующей ее интеграции в библиографическую аннотированную базу данных «Репрессированная наука». На сегодняшний день она насчитывает около 2 тыс. библиографических записей.

В рамках конференции прошла выставка подлинных архивных документов, в частности о людях, изобретения и кон-

структорские разработки которых рождались в неволе, а также о работе Карлага, Краслага, Севпечлага, Воркутлага.

С.А. Рыжкова

«Круглый стол» в Госархиве Российской Федерации

Он проведен ГАРФ и Ассоциацией ветеранов архивного дела федеральных архивных и научных учреждений Центрального совета РОИА 18 декабря 2008 г. и касался работы с документами личного происхождения. В нем участвовали более 60 представителей федеральных, а также государственных архивов и музеев Москвы.

Заседание было посвящено памяти народного художника СССР, действительного члена Российской академии художеств Б.Е. Ефимова (1900–2008). Биографические документы, рукописи воспоминаний, статей о знаменитых мастерах изобразительного искусства, выдающихся писателях, деятелях театра он передал в конце минувшего века в ГАРФ и РГАЛИ. Видного деятеля отечественной культуры вспоминали директор ГАРФ д-р ист. наук, проф. С.В. Мироненко, открывший заседание; науч. сотр. Музея «Дом на набережной» Т.И. Шмидт; гл. специалист ГАРФ, руководитель архивохранилища личных фондов государственных и общественных деятелей СССР и Российской Федерации Н.С. Зелов; ст. науч. сотр. ГИМ канд. ист. наук, М.В. Катагощина. Выпускница ИАИ РГГУ 2008 г. И.В. Байкова сообщила о документах Б.Е. Ефимова в ГАРФе. На основе личного фонда художника она подготовила дипломную работу, которую успешно защитила 23 декабря.

Представители ГАРФ (Л.И. Петрушева, К.Б. Ульяницкий), РГВА (Л.Н. Сахарова), РГАЭ (Е.Н. Калинина), РГАКФД (Р.М. Моисеева), РГАНТД (Л.В. Успенская), Центрального московского архива-музея личных собраний (О.К. Абачиева, В.И. Якута), Архива РАН (Т.А. Кузьменко) поделились опытом собирания и использования документов

личного происхождения, подготовки путеводителей, рассказали о поступлении 2001–2008 гг.

Руководители и ведущие специалисты отделов рукописей ЦММК им. М.И. Глинка (Н.Ю. Тартаковская), ГМИИ им. А.С. Пушкина (Н.В. Александрова), ГИМ (М.В. Катагощина), ГЛМ (Е.М. Варенцова), научной музыкальной библиотеки им. С.И. Танеева Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (И.В. Брежнева), отдела письменных источников Политехнического музея (Н.В. Чечель, С.Г. Морозова), Музея «Дом на набережной» (Т.И. Шмидт), Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские» (Г.А. Наумова), Музея профсоюзов (Ю.М. Киселев), наряду с сообщениями о работе по собиранию и использованию документов личного происхождения, поднимали вопросы подготовки пособий, в том числе рекомендаций по денежной оценке документов, приобретаемых у владельцев, создания при Росархиве межведомственной закупочной комиссии, организации документальной выставки «Твой личный архив, москвич» в Выставочном зале федеральных государственных архивов на Б.Пироговской ул., 17.

Выступавшие говорили о коллегах, посвятивших более полувека трудовой деятельности архивному и музейному делу, поступлении их личных документов в ГАРФ, ГИМ, ГМИИ им. А.С. Пушкина, о людях, безвозмездно передавших семейные документальные реликвии в архивы и музеи. Один из таких подвижников – инженер-полковник в отставке, канд. техн. наук Ю.Н. Богданов на заседании передал представителям ГАРФ, РГВА, Музея «Дом на набережной» написанные им книги о своем отце

Н.К. Богданове, а также С.Н. Круглове – государственных и общественных деятелях 1940–1950-х гг.

В заключение прозвучали строки из неопубликованной статьи Б.Е. Ефимова об архиве и архивистах. «Для меня слово "архив" обогатилось весьма значительным, на мой взгляд, смыслом и содержанием, – писал Борис Ефимов 21 мая 2003 г. – ...Для меня это слово вовсе не должно обязательно ассоциироваться с чем-то унылым, застывшим, затхлым, пыльным. Далеко не так. В перечислении личных писем, служебных

донесений, официальных документов, жалоб и дневников оживает прошлое, восстанавливается "связь времен"... Так можно ли допустить, чтобы бесследно "распалась связь времен", чтобы заросли паутиной и опустели архивы, чтобы "ушли в песок", стали неведомыми для наших внуков и правнуков события сегодняшней жизни, все то, что сегодня нас волнует или радует? А ведь именно так и произойдет, если перестанет уделяться должное внимание архивному делу как важному, нужному, живому».

Н.С. Зелов

Семинар в ЦГАЛИ Санкт-Петербурга

Он состоялся 20–21 октября 2008 г. по теме «Экспертиза ценности документов личного происхождения и методика выявления и учета уникальных и особо ценных документов» в русле основной деятельности Организационно-методического центра архивных учреждений Северо-Западного федерального округа по работе с документами личного происхождения (далее – центр), базой передового опыта которой определен ЦГАЛИ СПб. В нем участвовали представители ЦГАНТД СПб., ЦГА СПб., Центрального московского архива-музея личных собраний, госархивов Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей, Национального архива Республики Коми, архивного отдела администрации г. Великие Луки, Объединенного межведомственного архива культуры (СПб.), Санкт-Петербургской театральной библиотеки, РНБ, ГМЗ «Петергоф», Государственного Русского музея и др.

С приветственным словом к архивистам СЗФО обратился председатель Архивного комитета Санкт-Петербурга и Ленинградской области А.Д. Яшков.

На семинаре был заслушан отчет руководителя центра – директора ЦГАЛИ СПб. Л.С. Георгиевской за 20 лет его деятельности. За это время было

принято пять программ работы центра, проведено семь семинаров, три конкурса на лучшую опись фонда личного происхождения и архивной коллекции, выпущено четыре информационных бюллетеня, разработано несколько методических пособий. Хорошим завершением очередного этапа деятельности стал выход в свет справочника «Документы личного происхождения в архивных учреждениях Северо-Западного федерального округа Российской Федерации», где представлена информация о фондах личного происхождения и коллекциях государственных архивов Санкт-Петербурга; республик Карелия и Коми; Архангельской, Вологодской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей. При центре существует постоянно действующий консультационный пункт, куда регулярно обращаются коллеги из многих регионов, работники музеев и библиотек.

В сообщениях заведующих отделами ЦГАЛИ СПб. А.В. Грабовой, Т.Н. Зверевой, Н.М. Серапиной содержались рекомендации по проведению экспертизы ценности документов личного происхождения, раскрывались также критерии, по которым она осуществляется. Своим

опытом в этом направлении поделилась Н.А. Тимошина (Госархив Мурманской области в г. Кировске), О.В. Снытко (Госархив Новгородской области), Н.Ф. Фомичева (ЦГАНТД СПб.), Ж.В. Фридман (ЦГА СПб.) и др. Сообщении О.К. Абачиевой было посвящено практическим аспектам экспертизы ценности вещественных источников в составе личных фондов Центрального московского архива-музея личных собраний.

Все присутствовавшие отмечали значимость центра в современной жиз-

ни архивных учреждений округа, благодарили за оказываемую практическую помощь.

Семинар завершился просмотром в концертном зале ЦГАЛИ СПб. моноспектакля по документам Государственного музея-заповедника «Павловск» и фондов личного происхождения, посвященной жизни Анны Ивановны Зеленовой (1913–1980), директора ГМЗ «Павловск» в 1941–1979 гг., в исполнении актрисы Санкт-Петербургского государственного театра комедии им. Н.П. Акимова Г.Костиной.

Л.С. Георгиевская

Научный совет курских архивистов

Он собрал 27 октября 2008 г. в читальном зале ГАКО архивистов, ученых курских вузов, краеведов, обсудивших вопросы патриотического воспитания курян на документах Архивного фонда Курской области.

С основным докладом выступил начальник Архивного управления Курской области В.Л. Богданов, рассказавший о реализации государственной и областной программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Курской области». Архивисты участвовали в подготовке сборников документов («Голодомор в 20–30 гг. XX в. в Советском Союзе», «Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов» и др.), мероприятий к 170-летию со дня рождения выдающегося русского художника, основоположника исторической живописи, уроженца Курской губернии В.Г. Шварца, ежегодных научно-практических конференций и выставок документов по данной тематике.

Госархив Курской области приобрел фотоархив выдающегося фотохудожника, фотокорреспондента «ИТАР–ТАСС» и газеты «Комсомольская правда» О.К. Сизова, неизвестные документы

которого планируется издать. По материалам этого фонда была развернута выставка. В 2005 г. Архивное управление совместно с Комитетом образования и региональным отделением РОИА провело историко-архивную экспедицию учащейся молодежи и школьников «Сохраним историю древнего Курска», посвященную 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. В результате муниципальных архивы пополнились более чем 200 ед. хр. фотодокументов, газет, листовок, фронтовых писем. В 2007 г. проведены конкурсы среди муниципальных архивов на лучшую архивно-краеведческую лекцию и газетную статью «Моя малая родина», в котором помимо муниципальных архивистов участвовали работники библиотек, краеведческих музеев, учителя истории общеобразовательных школ, техникумов, учащиеся и студенты.

Среди пробелов в работе названо недостаточное количество публикаций в СМИ о роли и значении архивной службы, ее служении людям, об архивистах-подвижниках.

Начальник отдела ГАКО И.В. Токмакова раскрыла формы и методы работы по патриотическому воспитанию граждан. За 2006–2008 гг. подготовлены 52 статьи, 30 радио- и телепередач по ар-

живной и исторической тематике, ежегодно издаются брошюры «События и люди в документах курских архивов» и «Календари знаменательных и памятных дат». Готовятся к печати справочно-информационные издания «Из истории храмов Курской епархии. Обоянский и Суджанский уезды» и «История властных структур города Курска». Ведется большая работа по исполнению запросов школ и общественных центров по розыску мест захоронения солдат, пропавших без вести во время войны. Архивисты информируют жителей через СМИ о возможностях осуществления поиска сведений по истории населенных пунктов Курской области и своей родословной, проводят обзорные экскурсии и тематические лекции по документам архива для школьников и студентов; в архиве ежегодно проходит производственная практика студентов исторического, филологического факультетов, факультета теологии и религиоведения КГУ.

Директор Госархива общественно-политической истории В.И. Хондарь поделился своим опытом работы. За последние три года изданы брошюры и справочники, в частности, «Комсомольские вожаки курской молодежи», «Партийные и советские руководители Курской области», «Курский комсомол – шеф Военно-Морского флота», «Письма с фронта» и др. Готовится к изданию сборник документов о деятельности молодежных общественных организаций 1950–1990-х гг. «Память, ты для сердца свята...». На хранение поступают документы общественных, молодежных и детско-юношеских организаций, среди которых областная молодежная патриотическая общественная организация «Центр “Поиск”», общественная организация ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, «Школа молодых лиде-

ров», «Курская областная общественная организация “Детский центр мира”», «Курский союз детских, пионерских организаций», «Детско-юношеская общественная организация города Курска “Аргон”» и др.

В обсуждении участвовали проф. кафедры религиоведения КГУ, академик Петровской академии наук и искусств, д-р ист. наук А.Ю. Друговская; зав. кафедрой истории России КГУ, проф., д-р ист. наук К.В. Яценко; президент и вице-президент Курского областного краеведческого общества канд. ист. наук Ю.А. Бугров и канд. ист. наук А.Н. Манжосов; ученый секретарь Курской областной научной библиотеки им. А.С. Асеева заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный работник культуры Курской области Б.Д. Оробинский; председатель совета Центра «Поиск» канд. ист. наук И.П. Цуканов, подтвердившие плодотворность сотрудничества архивистов и ученых, значительный вклад архивистов в нравственное воспитание современной молодежи.

В принятых рекомендациях отмечены практическая значимость вопроса о патриотическом воспитании граждан на документах Архивного фонда Курской области; необходимость ходатайства перед Курской областной думой о награждении архивистов за активное участие в патриотическом воспитании молодежи и сохранении культурного наследия региона, а также проведения «круглого стола» по теме «Архивисты Курской области на службе Отечеству», издания Энциклопедического словаря архивной службы Курской области и сборника документов о делах молодежи в годы Великой Отечественной войны, возобновления традиции по организации выставок архивных документов ГАКО совместно с областной научной библиотекой им. А.С. Асеева и др.

М.В. Шишлова,
кандидат исторических наук

Пятые Сытинские чтения

Они были организованы 23–24 октября 2008 г. Государственным историко-мемориальным музеем-заповедником «Родина В.И. Ленина» совместно с Союзом краеведов России и Ульяновским региональным отделением Российского общества интеллектуальной истории и посвящены памяти историка, краеведа С.Л. Сытина и 25-летию музея-заповедника. (Первые Сытинские чтения состоялись 2 октября 2003 г.)

Сергей Львович Сытин (1925–2001), доцент кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного пединститута им. И.Н. Ульянова, внес огромный вклад в развитие исторической науки и краеведения в регионе. Всю свою жизнь он посвятил поиску и сбережению памятников истории и культуры Симбирска–Ульяновска. В результате почти 30-летней исследовательской работы в Госархиве Ульяновской области С.Л. Сытин выявил и систематизировал тысячи фактов по истории родного края, собрал значительную коллекцию фотографий и открыток, периодических изданий, писем и воспоминаний, связанных с Симбирским Поволжьем. Подвижническая работа ученого стала основой для проектов реставрации исторической застройки г. Ульяновска в 1970–1980-е гг. Именно С.Л. Сытин стоял у истоков создания ГИММЗ «Родина В.И. Ленина»: при его непосредственном участии были разработаны генеральная схема развития и концепция музеефикации.

Участники чтений – представители научных учреждений (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Институт языкознания РАН, Государственный институт искусствознания Российской Федерации, НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, Институт генеалогических исследований РНБ), вузов (РГУ, Московский областной, Ульяновский, Челябинский, Ярославский госуниверситеты, Владимирский филиал РАГС при Президенте Российской Федерации, Поволжский филиал Международного университета в Москве, Московский институт энерготехники), архивов (госархивы Ульяновской, Читинской областей, Государственный исторический архив Чувашской Респуб-

лики), музеев (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Мемориальный дом-музей академика И.В. Курчатова РНЦ «Курчатовский институт», Национальный музей Республики Татарстан, Музей-заповедник «Тарханы», Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова), библиотек (РНБ, Библиотека РАН, Ульяновская областная научная библиотека) – обсудили историю и культуру Поволжья в микроисторическом измерении.

Конференция открылась в актовом зале музея «Симбирская классическая гимназия» ГИИМЗ «Родина В.И. Ленина». Собравшихся приветствовали директор ГИММЗ, председатель оргкомитета А.Н.Зубов и мэр Ульяновска С.Н. Ермаков, от Союза краеведов России – профессор РГУ Л.А. Молчанов. Они посмотрели фильм-презентацию о научной и краеведческой деятельности С.Л. Сытина, посетили выставку «Русская архитектура в фотографиях И.Ф. Барщевского (1882–1900)» из коллекции старшего научного сотрудника Государственного института искусствознания, члена Союза фотохудожников России и Ассоциации искусствоведов В.М. Рудченко.

На двух пленарных заседаниях заслушано девять докладов. Основной доклад сделала ученица С.Л. Сытина, доцент Ульяновского госуниверситета И.Л. Зубова, подчеркнувшая, что выбор микроисторической проблематики продиктован не столько следованием научной моде, сколько стремлением понять то новое, что появилось и на что нужно делать ставку в современных исторических исследованиях. Президент Фонда «Наследники и наследие А.С. Пушкина» Ю.Г. Пушкина рассказала о малоизвестных фактах жизни потомков поэта в эвакуации, директор Мемориального дома-музея академика И.В. Курчатова Р.В. Кузнецова – о жизни трех поколений Курчатовых, д-р искусствоведения НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ Е.И. Кириченко – о работах архитектора Ф.О. Шехтеля в Поволжье, ст. науч. сотр. РНБ Д.Н. Шилов – о материалах по Симбирской губернии к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича.

В рамках конференции работали секции: «Теоретико-методологические проблемы микроистории», «Опыт истории и культуры Поволжья. Региональная история Поволжья», «Опыт исследований истории и культуры Поволжья. Симбирский край в истории Поволжья», «Опыт исследований истории и культуры Поволжья. Историческое литературоведение», где прозвучало около 50 докладов. Среди них выделялись яркие выступления директора Института генеалогических исследований РНБ, президента РГО И.В. Сахарова («Село Петровское – родовое гнездо Михалковых»), Л.А. Молчанова («Антибольшевистские газеты Волжско-Камского региона 1918–1919 гг. как исторический источник»), старшего преподавателя Историко-архивного института РГГУ Р.Б. Казакова («Пометы Н.М. Карамзина на полях томов "Истории государства Российского": опыт реконструкции работы историка»), а также заместителя директора Государствен-

ного исторического архива Чувашской Республики Ф.Н. Козлова («Проблемы развития атеизма в Чувашии в 1920-е гг.»), заместителя директора по науке Госархива Читинской области (ГАЧО) Т.А. Константиновой («Д.И. Завалишин на поселении в Чите»), заместителя начальника отдела научно-исследовательской работы и использования документов ГАЧО («История семьи Лундстремов (по документам ГАЧО)'), начальника отдела использования и публикации ГАУО Г.В. Романовой («Симбирское имение Скобелевского комитета»), главного специалиста ГАУО Р.В. Макаровой («Педагогическая и просветительская деятельность И.В. Ищерского») и др.

Для участников конференции была подготовлена интересная культурная программа: экскурсии по городу и ГИММЗ «Родина В.И. Ленина», а также в ГАУО.

Материалы Пятых Сытинских чтений будут опубликованы.

Г.В. Романова

«Шацк: 455 лет в истории России»

Так называлась научно-практическая конференция, проведенная 23–24 июня 2008 г. МО «Шацкий муниципальный район Рязанской области», Союзом краеведов России и кафедрой региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ с участием историков, архивистов, этнографов, археологов из Кадомы, Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Рязани, Санкт-Петербурга, Саранска и др. Их приветствовали глава муниципального образования П.М. Калинин, отметивший важность популяризации краеведческих знаний среди жителей города и района, академик РАО С.О. Шмидт, председатель Союза краеведов России В.Ф. Козлов, известные ученые.

Выступления охватили широкий спектр научных проблем, связанных с историей, культурой, археологией,

источниковедением, библиографией и др. Уроженец с. Новочернеево, первый почетный гражданин Шацкого района, вице-президент и первый заместитель генерального конструктора ракетно-космической корпорации «Энергия» им. С.П. Королева проф. В.М. Филлин сделал доклад «Шацкая закладка, Или мой путь к космосу (от деревенского мальчишки до РКК "Энергия" им. С.П. Королева)». Прозвучали сообщения о дворянских родах Башмаковых, Григоровых, Нарышкиных. Генеральный директор Шацкой автоколонны, член Международного союза журналистов В.М. Сухоруков подготовил сообщение «Шацкий край глазами князя Владимира Петровича Волконского в 1850 г.», показав на основе исторических источников природно-хозяйственное положение региона в середине XIX в. Преподаватель РГГУ канд. ист.

наук А.В. Топычканов по материалам РГАДА представил обзор документов шацких монастырей XVII–XVIII вв., а ведущий специалист РГАДА С.В. Сироткин установил дату закрытия Успенского Проломского монастыря – 1763 г. Используя документы Госархива Рязанской области, В.В. Безуглова ознакомила с новыми материалами по истории Шацкой женской гимназии в 1904–1918 гг. Профессор РГГУ, д-р ист. наук Л.А. Молчанов проанализировал публикации местной газеты «Красное знамя» за 1944–1958 гг., охарактеризовав их как исторический источник по Шацкому краю. Житель Нижнего Новгорода, автор книги «Память поко-

лений: родословная шацких крестьян Чурочкиных» Б.Г. Чурочкин поделился опытом создания летописи с. Кермиси, а инженер из Санкт-Петербурга В.Е. Потехин рассказал о своих земляках из д. Спасск: художнике Ф.Ф. Махонине и лауреате Государственной премии СССР за разработку лазеров в медицине С.Д. Плетневе.

Подводя итоги конференции, заведующий кафедрой Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина д-р ист. наук, проф. П.В. Акульшин подчеркнул важность сохранения и изучения региональной истории, в том числе Шацкого края как одного из интереснейших мест России.

Г.А. Мельничук

Выставки

Архивы представляют

10 декабря 2008 г. в Выставочном зале федеральных государственных архивов в Москве открылась историко-документальная выставка **«Губернии в России при Петре Великом (300-летие первой губернской реформы в России)»**, организованная Минкультуры России, Росархивом, РГАДА, РГВИА при участии ГИКМЗ «Московский Кремль», ГИМ, Государственного музея А.С. Пушкина, музейного объединения «Музей истории города Москвы».

Экспозиция посвящена крупнейшей административной реформе Петра Великого. Возникший три столетия назад институт губернаторства стал одним из самых долговременных его нововведений, а губернская реформа – первой в истории России унификацией системы административно-территориального деления. Она была нацелена на достижение максимальной эффективности в управлении, а преобразования проходили на фоне длительной Северной войны (1700–1721). С самого начала губернаторы стали основным звеном в вертикали власти, созданной Петром I в ходе административных реформ.

Основу выставки составляют документы из фондов РГАДА. Она открывается записью устного указа Петра I Ближней канцелярии о росписи городов по восьми губерниям: Ингерманландская (Санкт-Петербургская), Московская, Архангелогородская, Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская и Сибирская. В 1713 г. к ним добавились Рижская, в 1717 г. Астраханская, в 1719 г. – Нижегородская и Ревельская.

Здесь демонстрируются законодательные акты, согласно которым действовали петровские губернаторы, статистические данные о населении губерний, а также экземпляры первой печатной Санкт-Петербургской газеты – «Ведомости». Документы освещают жизнь губерний в первой четверти XVIII в., деятельность губернаторов по выполнению правительственных заданий, развитию и благоустройству регионов. Впервые восстановлен поименно корпус петровских губернаторов (А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, А.И. Репнин, Д.М. Голицын и др.), представлены документы об их назначениях и организации губернской администрации. Благодаря их тру-

дам возводился Петербург, создавался военный флот, осуществлялись строительство оборонительных сооружений и снабжение армии. В обязанности руководителей регионов входила и дипломатическая деятельность. Интересны материалы о расследовании должностных преступлений губернаторов, обвиняемых во взяточничестве. Так, по указу Петра I 1714 г. «Об истреблении лихоимства» сибирский губернатор М.П. Гагарин был казнен в 1721 г.

На выставке впервые экспонируются подлинные документы Кабинета Петра I, его автографы, материалы высших государственных органов России и доношения губернаторов о своей работе. Привлекают внимание документы, связанные с начальным этапом создания Петербурга: письма А.Д. Меншикова царю о ходе строительства, типовые планы домов, рисунок памятника Петру I, выполненный Б.-К. Растрелли в 1716 г., рисунок и восковой оттиск печати Московской губернской канцелярии с изображением Георгия Победоносца. В тяжелых условиях Северной войны киевский губернатор князь Д.М. Голицын занимался укреплением Киевской крепости, восстановлением Киево-Печерской лавры, пострадавшей от пожара в 1718 г. Архангелогородская губерния

дала России великого ученого М.В. Ломоносова: в экспозиции можно увидеть первое упоминание о семилетнем Мише Ломоносове в переписной книге Куростровской волости Двинского уезда Архангелогородской губернии 1719 г.

Особый интерес вызывают картографические документы по всем губерниям России, на многих из них изображены ранние гербы регионов, виды городов и храмов. Гравюры, картины, портреты Петра I и государственных деятелей его эпохи, а также уникальные предметы быта из собраний ведущих российских музеев воссоздают живую картину прошлого российских губерний.

Среди музейных экспонатов – вышивка шерстью и бисером по канве «Петр Первый в бурю на Ладожском озере» 1830-х гг. (Государственный музей А.С. Пушкина), холодное и огнестрельное оружие, драгоценная посуда (ГИКМЗ «Московский Кремль»), виды губернских центров, жалованные ковши, монеты, предметы мебели (ГИМ). Особым экспонатом стала кружка с изображением въезда Петра I в Москву после Полтавской победы. Выставка представляет успешный опыт соединения в экспозиции подлинных архивных документов и редких музейных экспонатов. Она продлится по 15 февраля 2009 г.

Н.Ю. Болотина,
кандидат исторических наук

* * *

10 ноября 2008 г. в Выставочном зале Архива РАН открылась документальная выставка **«150 лет со дня рождения великого князя Константина Константиновича – президента Императорской Академии наук»**, подготовленная к 280-летию Архива РАН и 285-летию РАН. В презентации участвовали академики В.С. Мясников, А.Б. Куделин, руководитель Росархива В.П. Козлов, директор ГАРФ С.В. Мироненко, директор Архива РАН В.Ю. Афиани, директор ПФА РАН И.В. Тункина, представители академической общественности, СМИ.

В экспозицию включены 120 документов из фондов Архива РАН, его С.-Петербургского филиала и ГАРФ (фотографии, переписка с учеными и государственными деятелями, тексты речей

и обращений, автографы стихов). В них отражены жизнь, творчество, служебная деятельность великого князя Константина Константиновича (1858–1915) и, главным образом, его деятельность на посту президента Академии наук (1889–1915 гг.).

Константин Константинович – второй сын великого князя Константина Николаевича, внук императора Николая I, по традиции прошел военную службу, участвовал в русско-турецкой войне и был награжден за личную храбрость, достиг чина генерал-адъютанта, командовал Преображенским полком, руководил военно-учебными заведениями страны. Проявив свои таланты в литературе и музыке: приобрел известность как автор стихов (публиковавшихся под псевдони-

мом «К.Р.») и романсов на музыку П.И. Чайковского, Р.М. Глиэра, С.В. Рахманинова. Был избран почетным членом Академии наук, которую возглавлял в течение 26 лет.

В ряду академических президентов Константин Константинович занимает особое место: он был первым представителем императорской фамилии на этой должности и последним президентом, назначенным по высочайшему указу (следующий президент – ученый, академик А.П. Карпинский – был избран своими коллегами в 1917 г.). Заслуги «августейшего президента» в организации академической науки длительное время замалчивались, эта сторона его деятельности была практически забыта и только в конце XX в. стала объектом научных и биографических исследований.

Представленные документы (многочисленные обращения к министру финансов С.Ю. Витте, переписка с академиками, официальные документы конференции Академии наук) свидетельствуют о большой личной работе и неустанной заботе Константина Константиновича о вверенном ему учреждении, об «ученом сословии». Оказавшись на этом посту в трудный период, когда академию называли «учреждением вымирающим», он сделал все возможное для ее возро-

ждения. Благодаря его настойчивости было значительно увеличено финансирование Академии наук, умножились штаты сотрудников, расширено число академиков, приняты меры для строительства ряда новых зданий академических учреждений, поддержаны и осуществлены многие научные проекты, в том числе самые крупные научные экспедиции – Шпицбергенская (1899 г.) и Русская полярная барона Э.В. Толя (1900–1903 гг.). Президент содействовал реализации идеи учреждения Русского археологического института в Константинополе, созданию Комиссии по оказанию помощи нуждающимся работникам науки и культуры. Большое внимание уделял Отделению русского языка и словесности Академии наук, инициировал создание в нем Разряда изящной словесности, по которому в 1900 г. почетными академиками были избраны русские писатели А.М. Жемчужников, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и др. Детищем Константина Константиновича стал знаменитый Пушкинский Дом.

На выставке демонстрировалась переписка из духовного завещания великого князя Константина Константиновича, по которому все свои литературные и художественные коллекции, личный архив он оставил Академии наук.

И.Н. Ильина,
кандидат исторических наук

* * *

5 декабря 2008 г. в Ханое в музее Хо Ши Мина открылась историко-документальная выставка **«Сотрудничество между Вьетнамом и Россией в области подготовки кадров»**, организованная Государственным управлением по делопроизводству и архивному делу Вьетнама и Росархивом. Она была подготовлена Вьетнамским государственным архивным центром № 3 и РГАЭ при участии Архивного управления ЦК КПВ, Архива Министерства образования и просвещения Вьетнама, ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ, РГАКФД, РГАЛИ, Историко-документального департамента МИД Российской Федерации и Архива РАН.

В торжественной церемонии участвовали с вьетнамской стороны – руководители МВД, в ведении которого на-

ходится делопроизводство и архивное дело, и его структурного подразделения – Государственного управления по делопроизводству и архивному делу; с российской – чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам В.В. Серафимов, заместитель руководителя Росархива А.Н. Артизов и др.

Экспозиция насчитывала около 300 экспонатов (многие демонстрировались впервые). Во вводном разделе представлены документы, раскрывающие истоки и предпосылки советско-вьетнамского сотрудничества в области образования и подготовки кадров, в том числе о лидерах и участниках вьетнамского коммунистического и национально-освободительного движения, учившихся в Советском

Начальник Государственного управления по делопроизводству и архивному делу Вьетнама Ву Тхи Минь Хыонг, министр внутренних дел Вьетнама Чан Ван Туан, чрезвычайный и полномочный посол РФ в СРВ В.В. Серафимов на выставке

Союзе в 1920–1930-х гг. Основной раздел включал документы о сотрудничестве СССР и Вьетнама в деле подготовки кадров в 1950–1991 гг. (решения Политбюро ЦК ВКП(б) о приглашении в СССР вьетнамских специалистов для обучения и повышения квалификации, приеме в Советском Союзе делегаций вьетнамской молодежи; советско-вьетнамские соглашения о подготовке специалистов и квалифицированных рабочих; переписка органов управления образованием, академических и учебных заведений СССР и Вьетнама; планы работы и отчеты советских специалистов, командированных для

работы во вьетнамских вузах; докладные записки и справки советских и вьетнамских организаций о ходе и перспективах сотрудничества в области образования; личные и служебные документы учившихся в СССР вьетнамских граждан; фотографии). Заключительный раздел экспозиции был посвящен сотрудничеству Российской Федерации и Вьетнама в сфере образования и подготовки кадров на современном этапе. Выставка убедительно проанализировала, что сотрудничество СССР и Вьетнама в области подготовки кадров принесло впечатляющие результаты.

А.И. Минюк

Новоселье омских архивистов

К Новому году омичи получили подарок – девятиэтажное здание областного Исторического архива. (Этот архив как государственное учреждение образован в 2008 г. на основе Госархива Омской области и Центра документации новейшей истории.) Строительство велось в течение двух лет (с июля 2006 г.) в рамках целевых программ «Развитие архивного дела в Омской области до 2008 года» и «Подготовка и проведение празднования 300-летия основания Омска на 2008–2016 гг.»; из областного бюджета было выделено около 300 млн руб.

В здании учтены новейшие достижения градостроительной и технологической мысли, оно оснащено по самым современным требованиям, предъявляемым к хранению документов и работе с гражданами. На первом этаже расположены читальный зал, реставрационная мастерская, мини-типография, лаборатории сканирования и дезинфекции документов; на втором – выставочный зал, кабинеты сотрудников; с третьего по девятый –

архивохранилища. Мобильные стеллажи австрийского производства позволяют разместить около 1,5 млн дел. Читальный зал полностью компьютеризован, в нем одновременно смогут работать до 40 исследователей. Безопасность документов обеспечивает совершенная система охранно-пожарной сигнализации: газовая – в хранилищах и водно-дисперсная в рабочих кабинетах. Имеется собственная автономная котельная с современным оборудованием.

Для реализации стоящих перед архивистами задач по обеспечению сохранности документов предусмотрены новейшие технологии сканирования, микрофильмирования, создания страхового фонда и фонда пользования. Многие документы уже отсканированы и внесены в 40 баз данных, которые ведутся в архиве. Подключена отраслевая программа «Архивный фонд».

Новое здание является главным корпусом Исторического архива. В единый архивный комплекс входят еще два здания. Но теперь в помещении бывше-

го облгосархива будут размещены документы по личному составу ликвидированных организаций и откроется общественная приемная, куда любой посетитель, независимо от места нахождения документов, может обратиться за информацией по интересующему его вопросу. В помещении бывшего ЦДНИ

области останутся документы политических партий и общественных объединений.

Торжественное открытие Исторического архива Омской области прошло 19 декабря с участием губернатора Л.К. Полежаева. Посетителей архив начнет принимать с 1 марта 2009 г.

Т.А. Терехина

Смотр-конкурс на лучшую организацию работы архивохранилища федерального архива завершен

На состоявшемся 27 ноября 2008 г. заседании коллегии Росархива подведены итоги смотра-конкурса на лучшую организацию работы архивохранилища федерального архива.

Первое место присуждено архивохранилищу фондов центральных и местных управлений и учреждений русской армии XVIII–XIX вв. и фондов личного происхождения РГВИА (зав. архивохранилищем Т.М. Тихомирова); второе – архивохранилищу личных фондов и коллекций XIX – начала XX в. ГАРФ (зав. архивохранилищем И.Н. Засыпкина); третье – архивохранилищу фоно-, видеодокументов и документов на электронных носителях РГАНТД (зав.

архивохранилищем Г.А. Баженова). Победители награждены почетными грамотами Росархива и денежными премиями.

Коллегия отметила, что проведение смотра-конкурса положительно сказалось на деятельности архивохранилищ федеральных архивов, способствовало повышению активности и профессионализма их сотрудников. Важнейшим результатом смотра явился обмен опытом в части организационного и методического обеспечения работы архивохранилищ, использования в их практике современных компьютерных технологий. По итогам смотра-конкурса будет подготовлен буклет.

Пресс-служба Росархива

Конкурс на лучший муниципальный архив Курской области 2008 г.

Он был организован Архивным управлением области совместно с местным отделением РОИА и проводился с 1 апреля по ноябрь. (Подобные конкурсы у курских архивистов стали традиционными и проходят с 2001 г.) В нем участвовали муниципальные архивы 11 районов (Беловский, Большесолдат-

ский, Глушковский, Дмитриевский, Золотухинский, Коньшевский, Кореневский, Курский, Обоянский, Рыльский, Черемисиновский) и городского округа г. Курчатова.

15 декабря в Архивном управлении Курской области состоялось заседание конкурсной комиссии, которая

подвела его итоги. Лучшими признаны архивные отделы администраций г. Курчатова и Обоянского района. Отмечена большая работа муниципальных архивов по отдельным направлениям деятельности: Большесолдатского и Конишевского районов – по комплектованию; Дмитриевского и Глушковского – по использованию доку-

ментов; Золотухинского – по комплектованию документами личного происхождения и фотодокументами; Рыльского – по обеспечению сохранности документов. Победителям конкурса присваивается звание «Лучший муниципальный архив 2008 г.» и вручается Почетный диплом Архивного управления Курской области.

М.В. Шишлова

Правительственный грант – тувинским архивистам

Министерство культуры и информационной политики Республики Тыва на основании постановления председателя Правительства Республики Тыва от 15 июля 2008 г. объявило конкурс на присуждение 10 грантов для поддержки творческих проектов в области культуры и искусства. Архивисты представили сборник документов «История города в Центре Азии 1914–1944 гг.», куда включены неопубликованные ранее архивные источники по истории г. Кызыла. Подобная книга об этом городе, подготовленная на уникальных документах, появится впервые. Ее издание планировалось в 2004 г. к 90-летию г. Кызыла, но из-за отсутствия финансирования было отложено.

В 2008 г. Центральный государственный архив РТ в связи с 95-летием г. Кызыла возобновил работу по подготовке сборника, а участие в конкурсе оказало огромную поддержку в его издании. Постановлением республиканского правительства от 18 декабря 2008 г. Архивному агентству Республики Тыва на осуществление данного проекта выделен грант председателя Правительства Республики Тыва.

В связи с повышением спроса на ретроспективную информацию книга вызовет большой интерес у исследователей, ученых не только Республики Тыва, но и других регионов России, а также старшеклассников, студентов, преподавателей общеобразовательных учреждений и всех интересующихся историей г. Кызыла.

Т.А. Бондаренко

Е.И. Елизаровой – 90 лет

Ветеран архивной службы Хабаровского края Елизавета Ивановна Елизарова родилась 25 октября 1918 г. Выпускница средней школы из г. Нижнего Новгорода, в 1937 г. она поступила в Московский историко-архивный институт. Завершение учебы совпало с началом Великой Отечественной войны. Е.И. Елизарова вернулась в Нижний Новгород к семье и начала трудовую деятельность научным работником в Горьковском областном государственном архиве.

В 1942 г. Елизавета Ивановна переехала на Дальний Восток (ст. Ин, пос. Смидовичи), где жили родители мужа М.С. Масюка, а в 1946 г. в г. Хабаровск. Здесь она работала научным сотрудником Госархива Хабаровского края, а в 1949 г. стала заведующей партийным архивом Хабаровского крайкома КПСС, проработав там 25 лет, до 1975 г.

Партархив размещался тогда в подвальной этажке здания Хабаровского крайисполкома. Надлежащие условия хранения документов отсутствовали: не было света, вентиляции, противопожарных средств, охраны; архивохранилища перегружены, стеллажи и полки, сколоченные из неотесанных досок, не соответствовали размерам документов. Молодой заведующей пришлось приложить немало усилий для установки надежной охраны, замены электропроводки, осушения хранилища, косметического ремонта.

В 1957 г. партархив переехал в другое помещение, находившееся в подвальной части нового здания Хабаровской высшей партийной школы при ЦК КПСС. Оно было спроектировано специально под архивохранилище: с вентиляцией, надлежащим освещением, изолированным входом, решетками на дверях, противопожарным оборудованием, просторным читальным залом и научно-справочным аппаратом, кабинетом заведующей.

Тем не менее в конце 1972 г. было введено в эксплуатацию единственное

на Дальнем Востоке и в Забайкалье специально построенное здание архива с особым режимом хранения документов с бумажной основой. Архив становился научно-исследовательским учреждением. Была закончена обработка фондов, налажены учет и использование документов. Елизавета Ивановна активно занималась созданием и пополнением информационной базы архива, пропагандой его документов, являясь автором многочисленных статей по истории освоения, заселения и развития края, участвуя в подготовке документальных научных сборников: «Дальсовнарком. 1917–1918 гг.», «Таежные походы», «В той кипучей борьбе», «Индустрия шагнула к океану», «Ленинская гвардия на Дальнем Востоке», «Вместе со всей Россией», «Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 гг.)» и др.

Е.И. Елизарова проявляла постоянную заботу о подготовке кадров архивистов, работников делопроизводственных служб, историков, бескорыстно передавая им свои знания, опыт, любовь к архивным источникам. Доброжелательность и квалифицированная помощь снискали ей заслуженный авторитет и уважение всех, кто с ней работал и общался.

Елизавета Ивановна и сегодня активно участвует в мероприятиях архива, пишет воспоминания, часть из которых опубликована в информационных бюллетенях Управления по делам архивов Правительства Хабаровского края и является достойной источниковой базой по истории архивного дела на Дальнем Востоке.

Труд Е.И. Елизаровой был неоднократно отмечен государственными наградами. В 2008 г. к 70-летию образования Хабаровского края и 150-летию со дня подписания Айгунского договора она награждена памятным знаком губернатора Хабаровского края «150 лет Айгунского договора. За заслуги».

Т.И. Косицына, А.В. Размахнина, Л.В. Салеева

Архивисты Удмуртии – к 85-летию государственной архивной службы республики и 90-летию государственной архивной службы России

Праздничные мероприятия прошли 8 октября 2008 г. Центральным событием стал торжественный прием в резиденции Президента УР А.А. Волкова. На нем присутствовали председатель Госсовета УР А.В. Соловьев, главный федеральный инспектор по УР А.Н. Кобзев, главы муниципальных образований городов республики, ветераны архивного дела, руководители и специалисты государственных и муниципальных архивов. Президент УР поздравил архивистов и высоко оценил их труд; отличившимся были вручены почетные награды и грамоты. Собравшиеся посмотрели фильм, посвященный 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав России.

Архивисты рассказали о работе государственных и муниципальных архивов по документированию современной истории Удмуртии, воспитанию молодых специалистов и поблагодарили Президента и Правительство УР за внимание к архивной отрасли.

Во второй половине дня в помещении Государственного театра оперы и балета состоялось торжественное собрание, в котором участвовали сотрудники архивных учреждений, ветераны архивного дела, члены Президиума Госо-

вета УР, работники администрации Президента и Правительства УР, представители министерств и ведомств, органов местного самоуправления, научных и общественных организаций, СМИ, краеведы и др.

С докладом выступила председатель Комитета по делам архивов при Правительстве УР Н.К. Коробейникова, рассказавшая о развитии и современном состоянии архивного дела в республике.

В фойе театра была развернута выставка документов «Через века и судьбы...», посвященная 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. На ней демонстрировались копии документов Архивного фонда УР по истории края с XVIII в.

К юбилею архивисты подготовили и издали буклет «Хранители истории», повествующий об истории архивной службы, ее сотрудниках, документальном достоянии республики, а также календарь на 2009 г.

14 октября прошла правительственная пресс-конференция председателя Комитета по делам архивов при Правительстве УР, посвященная юбилейным датам.

Н.К. Коробейникова

Государственному архиву г. Ташкента – 35 лет

Он был создан в ноябре 1973 г. по решению Ташкентского горисполкома во исполнение соответствующего постановления Совета министров УзССР. Сегодня здесь насчитывается 589 архивных фондов, около 450 тыс. ед. хр. управленческих документов, в том числе 32 тыс. особо ценных дел, а также более 112 тыс. документов личного

происхождения начиная с 1920-х гг. Они содержат сведения о подготовке и проведении революции 1917 г. и событиях Гражданской войны в Туркестанском крае; национализации земли и промышленных предприятий; развитию экономики, науки, культуры, образования; женском движении; работе эвакуированных в Ташкент во время

Великой Отечественной войны организаций; планировке, реконструкции, застройке города; ликвидации последствий землетрясения 1966 г.; демократических преобразованиях органов государственной власти и местного самоуправления в годы независимости республики и др.

Архив занимает девятиэтажное здание, построенное для общежития, но в 1996 г. по распоряжению мэра города передано архиву. Уже освоено семь этажей, на остальных ведутся реконструкция и ремонтные работы. Архивохранилища оснащены металлическими стеллажами, датчиками охранно-пожарной сигнализации. Здесь созданы необходимые климатические условия для хранения документов, имеются реставрационно-переплетная лаборатория, современный читальный зал, справочно-информационный фонд с большим количеством книг, брошюр, журналов и других отечественных и зарубежных изданий.

Уже вышли в свет два справочника по фондам архива: первый охватывает 316 фондов за 1917–1979 гг., второй – 111 фондов за 1980–2005 гг. По архивным документам опубликовано свыше двухсот научно-популярных и иных печатных изданий, изготовлены десятки тысяч копий для музеев Ташкента, сняты сотни документальных фильмов различной тематики.

Продолжается работа по выявлению документов о репрессированных лицах с целью их реабилитации и обнародования сведений. Архивные документы, предоставленные Республиканской спецтопонимической комиссии по названиям и территориальным делениям местности, позволили восстановить исторические наименования улиц и площадей г. Ташкента.

Ежегодно растет количество запросов: за девять месяцев 2008 г. поступило 350 тематических и 2100 запросов социально-правового характера, 93 % из них исполнено с положительным результатом.

В соответствии с Концепцией развития архивного дела в республике на период 2006–2010 гг., предусматривающей создание электронных архивов, здесь ведется описание фондов для базы данных и формирование электронного страхового фонда особо ценных до-

кументов по фондам органов государственной власти.

Увеличение объема оказываемых услуг в сфере архивного дела и делопроизводства, а также частые реорганизации, ликвидация и образование новых учреждений и предприятий потребовали общедоступной базы данных архивов, постоянного ее пополнения и оперативного обмена информацией. В настоящее время формируется корпоративная сеть архивных учреждений республики, предстоит создание сегмента информационной системы по г. Ташкенту, где предусмотрено наличие корпоративных узлов в девяти архивных учреждениях (центральный аппарат Агентства «Узархив», три центральных государственных архива, управления по архивному делу г. Ташкента и Ташкентской области, государственные архивы г. Ташкента и Ташкентской области, Центральный межведомственный хозрасчетный архив документов по личному составу г. Ташкента).

Уже разработан сайт архива, который постоянно насыщается общедоступной информацией, а в ближайшее время планируется формирование базы данных о всех архивных фондах и предоставление интерактивных услуг по архивному делу и делопроизводству. Во исполнение закона Республики Узбекистан «Об электронном документообороте» от 29 апреля 2004 г. по сети Интернет будут приниматься запросы граждан и юридических лиц, а также направляться справки и выписки из архивных документов заявителям. В настоящее время сайт двуязычный (государственный и русский языки), предстоит создание англоязычной версии. Электронные ресурсы будут регулярно пополняться сведениями о действующих в республике нормативно-правовых документах по архивному делу и делопроизводству.

Коллектив архива интернациональный, в штате 22 сотрудника, руководители и специалисты с высшим историко-архивным образованием. Они регулярно повышают квалификацию на краткосрочных курсах, в том числе за рубежом. Сам архив является базой для повышения квалификации работников делопроизводства и архивной службы республики. нынешнее поколение работников помнит и благодарит наставников, бывших руководите-

лей архива Н.Ф. Расулову, Г.В. Карпову, С.Н. Кузнецову, М.Г. Боргоякову, Ю.Э. Ходжибаева, внесших большой вклад в его развитие.

Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по дальнейшему развитию архивного дела в Республике Узбекистан» от 26 августа 2008 г. определило ориентиры развития архивного дела и делопроизводства в целом по

республике, в том числе по г. Ташкенту. Для госархива – это дальнейшая модернизация здания в соответствии с современными требованиями, создание хранилища электронного архива, укрепление материально-технической базы для проведения работ по консервации документов, организация корпоративной сети к интегрированной информационной системе архивных учреждений и др.

А.В. Махкамов

Вышли в свет

В 2007 г. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО) издал первый выпуск бюллетеня **«Рассекреченные документы Тамбовского областного комитета ВКП(б) за 1937–1945 годы»** (объем 603 с.). Это результат работы комиссии по рассекречиванию документов под руководством директора ЦДНИТО Л.В. Проваловой и скрупулезной работы архивистов Т.М. Нащеткиной, В.П. Юмашевой, М.И. Корякиной, И.П. Журавлева, подготовивших это издание. Книга дает информацию о самом страшном сталинском времени, содержащуюся в документах основного фонда ЦДНИТО – «Тамбовский обком ВКП(б)», ранее имевших грифы «совершенно секретно» и «секретно».

Бюллетень являет собой аннотированный перечень рассекреченных распорядительных и организационных документов (всего 783) обкома партии, расположенных в хронологической последовательности. Большой интерес для пользователей представляют формулировки рассмотренных вопросов,

раскрывающие содержание и характер решений конференций, пленумов и бюро обкома ВКП(б), а также списки конкретных имен (прием в ВКП(б), исключение из партии, перевод, утверждение кадров, персональные дела и др.). Книгу следует рассматривать и как ценный архивный справочник. Для облегчения поиска документов в конце описательных статей рассекреченных документов приводятся их архивные шифры: номера листов и дел описи 1 фонда № 1045 «Тамбовский обком ВКП(б)». Анализ тематики протоколов заседаний и названий рассекреченных материалов к ним дает полную картину деятельности высшего учреждения области, выполнение решений которого было обязательным для всех.

Введение в научный оборот рассекреченных материалов одного из крупных областных архивов России – важный вклад в расширение доступа пользователей к ценной документной информации по наиболее закрытому периоду советской истории. Книга станет настольной для преподавателей

вузов и учителей, управленцев и журналистов, всех, кто по профессиональному долгу или как любитель интересуется историей. Ее презентация со-

стоялась 10 января 2008 г. в областном драмтеатре, куда пришли участники войны, ученые, руководители области и города.

Г.П. Пирожков,
кандидат исторических наук,
доктор культурологии

* * *

7 ноября 2008 г. в Малом зале Дома знаний г. Курска состоялась презентация сборника документов **«Память, ты для сердца свята...»**, подготовленного Госархивом общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО) совместно с историками и краеведами к 90-летию образования ВЛКСМ.

В сборник вошло 175 письменных документов и 88 фотографий из фондов РГАСПИ, Госархива Курской области, ГАОПИКО о деятельности комсомольских комитетов, военно-патриотических объединений, клубов, подразделений областной молодежной патриотической общественной организации «Центр «Поиск»» по военно-патриотическому воспитанию рабочей и учащейся молодежи в конце 1950-х – начале 1990-х гг. Основная часть документов выявлена в фондах ГАОПИКО и публикуется впервые.

В презентации участвовали заместитель председателя Комитета по делам молодежи и туризму Курской области И.В. Черкашин; глава г. Курска А.И. Закурдаев (второй секретарь обкома ВЛКСМ с 1986 по 1989 г.); руководитель исполкома Курского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» канд. ист. наук Р.С. Чекед (второй секретарь обкома ВЛКСМ с 1989 по 1990 г.); исполнительный директор ассоциации «Совет муниципальных образований» канд. экон. наук Н.М. Басарев (второй секретарь обкома ВЛКСМ с 1967 по 1972 г.); первый проректор КГСХА канд. экон. наук Т.Н. Соловьева (первый секретарь обкома ВЛКСМ с 1983 по 1986 г.); бывший начальник Управления КГБ СССР по Курской области А.А. Даньшин (первый секретарь обкома ВЛКСМ с 1970 по 1973 г.); директор Института усовершенствования учителей канд. ист. наук

И.А. Галкин (секретарь Курского горкома комсомола в конце 1980-х гг.) и др.

Начальник Архивного управления Курской области В.Л. Богданов подчеркнул, что сборник, опубликованный при финансовой поддержке Комитета по делам молодежи и туризму Курской области, является вкладом архивистов в реализацию государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Участники мероприятия отметили актуальность издания (А.И. Закурдаев), необходимость увеличения его тиража в связи с объявлением 2009 г. Годом молодежи (А.А. Даньшин), а также изучения опыта организаторов и активистов молодежного движения (Р.С. Чекед). О работе над сборником рассказали директор ГАОПИКО В.И. Хондарь, научный редактор, д-р ист. наук В.В. Коровин, ответственный составитель, канд. ист. наук А.Н. Манжосов, секретарь редколлегии, ведущий методист ГАОПИКО И.П. Ковалевская.

В заключение гостям подарили по экземпляру сборника документов. Нагрудным знаком «Добровольческая миссия» Комитета по делам молодежи и туризму Курской области были награждены В.Л. Богданов и И.П. Ковалевская, грамотами комитета – А.Н. Манжосов, В.В. Коровин, студент КГУ А.Ю. Золотухин, руководитель Центра «Поиск» И.П. Цуканов, работники ГАОПИКО (О.Г. Почепцова, Л.Ю. Пенькова, Т.М. Рюшнина, Н.А. Ульянкина); благодарностями ГАОПИКО – председатели Курской областной общественной организации ветеранов войны и военной службы М.А. Булатов и городской общественной организации А.Д. Безмен; председатель клуба «Фронтовые подруги» В.Г. Гук; И.П. Цуканов.

М.В. Шишлова

Шадринский государственный пед-институт, Госархив и Шадринское общество краеведов подготовили и издали книгу **«В.П. Бирюков. Избранные труды»**, посвященную 120-летию со дня рождения ученого. Имя уроженца с. Першинского Шадринского уезда Пермской губернии Владимира Павловича Бирюкова (1888–1971) – краеведа, просветителя, фольклориста, этнографа, музеоведа, архивиста, археолога, диалектолога, педагога, члена Союза писателей СССР – хорошо известно на Урале. В Челябинске ежегодно проходят Бирюковские чтения, учреждена Уральская премия им. В.П. Бирюкова. Он – основатель Шадринского архива, где хранится его личный фонд. Статьи и заметки известного ураловеда выходили в свет с 1913 по 1971 г. в Шадринске, Кургане, Перми, Свердловске, Москве, Челябинске, Ленинграде и других городах. Однако полного представления о научном наследии В.П. Бирюкова пока нет: его книги, статьи, рукописи рассредоточены по библиотекам, музеям, архивам, личным коллекциям. Например, «Уральские сказки» В.П. Бирюкова в г. Шадринске являются библиографической редкостью: один экземпляр хранится в научной библиотеке ШГПИ.

Шадринские историки, краеведы, архивисты попытались заполнить пробел в изучении многоаспектной деятельности В.П. Бирюкова и его научного наследия, подготовив данное издание.

В нем три части. В первую вошли мало-доступные, ранее опубликованные статьи, брошюры, фрагменты книг и сборников, изданных с 1917 по 1969 г., такие как «Очерки краеведческой работы» (1923 г.), «Шадринский округ Уральской области. Природа, население и хозяйство» (1926 г.), «Уральские сказки» (1940 г.), «Крылатые слова на Урале» (1960 г.), «Уральская копилка» (1969 г.) и др. Вторая часть содержит ранее не публиковавшиеся и хранящиеся в Госархиве г. Шадринска рукописные и машинописные статьи: «Уральская журнальная периодика» (1935 г.), «Культура зауральского города» (1947 г.), «Землепроходец и писатель К.Д. Носилов» (1954 г.) и др. В третью часть включены статьи ученых, писателей и краеведов, исследовавших деятельность Владимира Павловича, встречавшихся с ним.

Объем книги 620 с., тираж 100 экз., составитель и ответственный редактор – С.Б. Борисов, проф., зав. кафедрой культурологии ШГПИ, председатель Шадринского общества краеведов, лауреат Уральской премии им. В.П. Бирюкова.

Презентация книги прошла в читальном зале архива. Ее участники высоко оценили издание и выразили надежду на продолжение работы по публикации трудов ученого. Результатом презентации явилось решение о создании на базе Госархива г. Шадринска теоретического семинара для сбора и популяризации наследия В.П. Бирюкова.

Л.А. Бякова

Новые поступления региональных архивов

В 2008 г. в Центре документации новейшей истории Волгоградской области открылся «Семейный фонд Куликов», куда вошли документы Леонида Алексеевича Кулика (1883–1942) – минера-лога, канд. геол.-минерал. наук, проф., первого исследователя Тунгусского ме-

теорита, переданные его внуком В.А. Кулик-Павским.

Л.А. Кулик родился в г. Дерпте (ныне г. Тарту) Лифляндской губернии в семье земского врача. Его детские годы прошли на Украине, юность – в г. Троицке Оренбургской губернии. По

окончании в 1903 г. Троицкой классической гимназии он поступил в Санкт-Петербургский лесной институт, однако за участие в студенческих волнениях был исключен и призван на военную службу. В 1905 г. стал вольнослушателем физико-математического факультета Казанского университета, но также был отчислен как участник революционных выступлений. С августа 1908 г. работал помощником лесничего на Миасской горнозаводской даче, изучал минералы, заведовал учетом и разведкой полезных ископаемых. В 1910 г. обвинен в хранении нелегальной литературы и по решению Саратовской судебной палаты заключен в Троицкую крепость на три недели с последующим лишением права въезда в ряд городов России.

В 1911 г. Л.А. Кулик участвовал в радиевой экспедиции Российской академии наук под руководством В.И. Вернадского, встреча с которым во многом определила его дальнейшую судьбу. Кулика привлекла новая наука – метеоритика. Тогда же, получив право на въезд в Санкт-Петербург, он начал работать в Минералогическом музее Академии наук и поступил на физико-математическое отделение университета (окончил его лишь в 1924 г.). Прошел Первую мировую войну, произведен в чин поручика, награжден орденами Станислава 3-й степени, Анны 3-й степени.

Весной 1918 г. Л.А. Кулик совершил свою первую экспедицию, исследуя место падения метеорита у г. Кашина Тверской губернии, а летом по заданию Научно-технической лаборатории Военного ведомства отправился на Урал для поиска минеральных красителей. С 1919 по 1921 г. работал ассистентом кафедры минералогии Томского университета.

По возвращении в Петроград Леонид Алексеевич был назначен секретарем метеоритного отдела Минералогического музея. Совершил ряд метеоритных экспедиций: в 1921 г. – в Омск, Красноярск, в 1927–1939 гг. – в район Подкаменной Тунгуски, в 1933 г. – в Сталинградскую область к месту падения метеорита «Репеев хутор».

В 1939 г. Л.А. Кулик утвержден членом Комитета по метеоритам Академии наук СССР. Он был избран пожизненным членом Русского общества любителей мироведения, действительным членом Московского общества испытателей природы. Работал ответственным уполномоченным по Геологической ассоциации добровольной организации «Союз воинствующих безбожников», вел большую общественную, лекторскую работу.

В начале Великой Отечественной войны 57-летний Л.А. Кулик вступил в ряды народного ополчения, при обороне Москвы оказался в окружении, был ранен, попал в госпиталь для военнопленных в с. Выходы Смоленской области. Заразившись сыпным тифом, умер 14 апреля 1942 г.

Вся жизнь и судьба ученого отражены в документах фонда. Среди них – свидетельство о рождении, похвальные листы за успехи в учебе, служебные удостоверения, научные статьи и доклады, полный список трудов Л.А. Кулика, составленный его внуком (136 наименований), перечень работ, переведенных ученым с английского, немецкого, французского и других языков (свыше ста), стихи, записные книжки, переписка, грамоты, извещение о смерти; документы об участии в экспедициях, работе в Геологическом музее, Ломоносовском институте АН СССР, Гидрологическом институте, Комитете по метеоритам АН СССР, Уральском обществе любителей естествознания, Русском обществе любителей мироведения, о военной службе, лекторской и пропагандистской работе; биографии Л.А. Кулика, отзывы, автографы секретаря императорской Академии наук С.Ф. Ольденбурга, академиков АН СССР В.И. Вернадского, С.И. Вавилова, А.Е. Ферсмана, Н.Д. Зелинского, профессоров В.И. Крыжановского, С.М. Курбатова, Л.Л. Капицы, выписка из протокола заседания бюро Комитета по метеоритам АН СССР об увековечении памяти Л.А. Кулика, почетное свидетельство о присвоении малой планете имени «Кулик», фотоальбомы и др.

О.В. Полухина

В Госархиве Саратовской области сформирован личный фонд Виктора Владимировича Вагнера (1908–1981), д-ра физ.-мат. наук, заслуженного деятеля науки РСФСР (1959 г.), кавалера орденов Трудового Красного Знамени (1953 г.) и Ленина (1967 г.), сто лет со дня рождения которого исполнилось 4 ноября 2008 г.

Уроженец г. Балашова Саратовской области, В.В. Вагнер в 1930 г. окончил заочное отделение Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, в 1932 г. поступил в аспирантуру при Научно-исследовательском институте математики МГУ по специальности «Дифференциальная геометрия». После успешной защиты кандидатской диссертации ему сразу присудили ученую степень д-ра физ.-мат. наук. С 1935 г. В.В. Вагнер работал в Саратовском университете, основал там кафедру геометрии, которой руководил более сорока лет. Благодаря его инициативе Саратовский университет стал одним из первых в стране, где читался курс математической логики, а составленная им совместно с Ю.Е. Пензовым программа этого курса была рекомендована для всех университетов.

В 1937–1938 гг. за исследование «Дифференциальная геометрия неголономных многообразий» В.В. Вагнер получил Международную премию им.

Н.И. Лобачевского и премию 1-й категории во Всесоюзном соревновании молодых научных работников.

Научные труды В.В. Вагнера (а их свыше ста) получили признание не только в СССР, но и за рубежом. Он участвовал в международных математических конгрессах в Швеции (1956 г.), Англии (1958 г.), читал лекции по геометрии вариационного исчисления в Институте математики Римского университета (1964, 1970 гг.) и об алгебраических вопросах оснований дифференциальной геометрии в Париже и других городах Франции (1966 г.).

Личный фонд В.В. Вагнера включает 450 дел за 1899–1981 гг. Самые ранние – документы его матери Юлии Францевны. Наибольшая часть фонда (почти 200 дел) – переписка Виктора Владимировича с коллегами, учениками, друзьями на русском, английском, итальянском, немецком, французском языках. Документы научной деятельности (правленные рукописи и оттиски публикаций, в том числе на иностранных языках) составляют 111 дел. Есть в фонде биографические, служебные, а также собранные Вагнером по интересовавшим его темам документы. Имеются фотографии ученого, его родственников, знакомых, виды городов и других мест, где ему довелось побывать.

**З.Е. Гусакова,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации**

Памяти М.В. Воробьева

25 октября 2008 г. на 80-м году ушел из жизни Михаил Васильевич Воробьев, заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза журналистов СССР, ветеран архивного дела.

В 1953 г. после окончания МГИАИ он приехал в г. Смоленск и был назначен заместителем заведующего архивным отделом Управления НКВД по Смоленской области. В этой должности Михаил Васильевич проработал около 13 лет, а в 1966 г. стал заведующим архивным отделом Смоленского облисполкома. Архивную службу области он возглавлял до июля 1989 г.

М.В. Воробьев много внимания уделял укреплению материально-технической базы архивных учреждений области, развитию сети государственных и ведомственных архивов, вопросам их комплектования полноценным составом документов. Михаил Васильевич был членом ЗНМС архивных учреждений Центрального района РСФСР, принимал участие в работе отраслевых коллегиальных органов, пользовался заслуженным уважением коллег-архивистов.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. М.В. Воробьеву удалось привлечь и закрепить в области группу молодых специалистов – профессионалов, которые и ныне работают на руководящих постах в архивных учреждениях региона.

М.В. Воробьев – составитель справочника «Административно-территориальное устройство Смоленской области» (1981 г.) и второй его редакции, вышедшей в 1993 г. Он хорошо известен как один из авторов книг, посвященных событиям Великой Отечественной войны на Смоленщине: «Смоляне – Герои Советского Союза» (1963, 1966, 1982 гг.), «В боях на Смоленской земле» (1975 г.), «Подвигам жить в веках» (1983, 1985 гг.), «За каждый клочок земли» (1989, 1990 гг.). Документы М.В. Воробьева приняты на хранение в Госархив Смоленской области.

Имя Михаила Васильевича Воробьева, светлого человека, мудрого руководителя и высококвалифицированного специалиста, навсегда останется в памяти его родных, близких и коллег.

С.Л. Солодовникова,
кандидат исторических наук

Б.М. Садовников (1939–2009)

Коллектив Государственного архива Российской Федерации понес большую утрату – в ночь на 1 января скончался один из его старейших и уважаемых сотрудников – Борис Михайлович Садовников.

Его трудовой путь в ЦГАОР СССР начался 14 июля 1967 г.: сначала в должности младшего, а с 1970 г. старшего научного сотрудника. В том же году без отрыва от производства Борис Михайлович окончил истфак МГУ им. М.В. Ломоносова; в 1973 г. перешел в Главархив СССР. Однако, не мысля себя без работы с архивными документами, в 1976 г. он вернулся в ЦГАОР СССР и почти четверть века заведовал архивохранилищем фондов центральных органов общественных организаций.

Большой энтузиаст и знаток документов общественных организаций, Б.М. Садовников делал все возможное для пополнения, бережного хранения и активного использования этого документного комплекса. Он пользовался заслуженным уважением, в том числе в архивах организаций. Огромные усилия затрачивались им на исполнение социально-правовых запросов по материалам хранилища, и сотни граждан были ему благодарны.

Бориса Михайловича искренне любили в архиве. Мягкий и добрый, он был не только хорошим специалистом, но и широко образованным человеком, писал прекрасные стихи, имел философский склад ума, позволявший глубоко и всесторонне анализировать события прошлого и современности.

Уходя на заслуженный отдых в марте 2008 г. и прощаясь с коллегами, Борис Михайлович сказал, что жизнь его удалась и он рад, что судьба дала возможность долгие годы работать в архиве.

Борис Михайлович навсегда останется в сердцах архивистов, друзей, всех, кто его знал и любил.

Коллеги

В 2006 г. вышли в свет воспоминания заведующей в 1952–1976 гг. Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина С.В. Житомирской «Просто жизнь», осенью того же года в нашем журнале появилась рецензия канд. ист. наук А.В. Елпатьевского на эту книгу, но отклики на нее поступают в редакцию до сих пор. В этом номере мы публикуем письмо выпускницы Московского государственного историко-архивного института 1972 г. О.В. Рыковой, лично знавшей мемуаристку. В нем нам показался особенно интересным аспект «хранитель – пользователь». Сегодня, когда в читальные залы архивов приходит все больше неподготовленных исследователей, желающих знать свою родословную, историю своей малой родины, подержать в руках подлинный документ, – что давно прижилось в Европе и чему еще совсем недавно завидовали российские архивисты, – возникает новая проблема. Сотрудники читальных залов далеко не всегда готовы широко распахнуть двери таким посетителям. И причины этому не только в материальной сфере, как, например, нехватка кадров, но и в традиционной психологии архивиста как хранителя документального наследия нашей страны. Именно об этом говорилось на последнем в 2008 г. заседании коллегии Росархива, обсуждавшем работу читальных залов федеральных государственных архивов. Примером отношения к посетителям мог бы служить Отдел рукописей ГБЛ времен С.В. Житомирской.

Главное, что воспоминания эти написаны и книга с таким чудесным названием существует

Мы так ждали выхода в свет этих воспоминаний: давно было известно, что Сарра Владимировна их пишет, в 2002 г. она умерла и еще больше захотелось ознакомиться с ее мемуарами. Наконец пришло время. Книгу я «проглотила». Это весьма волнительно – читать мемуары знакомого человека с рассказом о событиях, которые сильно волновали твое окружение.

Очень интересно прочесть о ее предках, семье, личной жизни, умильно узнать о ее романах, влюбленностях. Трудно увидеть юную доверчивую девочку в той сдержанной, строгой Сарре Владимировне, какой мы знали ее в Отделе рукописей. Она всегда казалась одетой «в броню». Так оно, видимо, и было, ведь и ее мемуары, как мне показалось, тоже в значительной степени одеты «в броню». И только изредка

прорывается: «Я старалась не думать о происходившем в Отделе рукописей, чтобы не причинять себе боль от известий о планомерном разрушении всего сделанного нами и отказе от всего, что нами задумывалось на будущее» (С. 445).

Вся история Отдела за 30 с лишним лет в книге как на ладони. Шаг за шагом прослеживаются все этапы, действия, поступки, их результаты. Например, в середине 1950-х г. в читальном зале ввели открытый доступ к описям архивных фондов и описаниям собранных рукописных книг (С. 253). Зал работал ежедневно с 9 до 23 часов, а в воскресенье – с 10 до 18. По заказам читателей делали машинописные копии документов (С. 254). В 1961 г. с переездом управились за две недели: «Весь план расстановки в новом хранилище

был рассчитан до деталей, рукописи сразу ставились на намеченное для них место, и мы через две недели открылись в новом помещении. Никогда прежде не было так просторно и удобно и сотрудникам, и читателям, никогда не были так надежно защищены от всякого риска драгоценные наши фонды» (С. 299).

Это было счастье – заниматься в читальном зале Отдела рукописей во времена С.В. Житомирской. Первый раз привел нас туда в 1968 г. А.А. Зимин, преподававший первокурсникам МГИАИ палеографию и источниковедение. Как потом написал он в своих воспоминаниях: «Пользуясь кредитом С.В. Житомирской, любил я переносить на весь второй семестр занятия со студентами в ОР ГБЛ»¹.

После обычной лестницы мы попадали в холл с гравюрой «Пашков дом» по рисунку Ж.Делабарта, со строгими коврами, с высокими, до потолка, шкафами красного дерева, за стеклами которых поблескивали роскошные переплеты дореволюционных изданий. Это были книги подсобного фонда, и в перерывах от занятий с рукописями было интересно изучать корешки переплетов и узнавать о существовании этих замечательных изданий. В читальном зале встречали сотрудницы, которые помогали нам работать с рукописями. Удивительно то, что они относились к нам с таким же уважением, как и к маститым ученым.

Была исключительно дружеская атмосфера среди читателей и сотрудников, благодаря которой все было в курсе дел друг друга. Про меня сотрудники Отдела знали, что я ученица А.А. Зимина и занимаюсь генеалогией. Я знала, что в те годы готовился в Отделе 3-й том указателя «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», и с удовольствием писала записочки с информацией о малоизвестных фондах генеалогов, которые надо было учесть. Услышав, что кто-то из близких Отделу лиц готовит переиздание «Алфавита декабристов», я тут же написала об экземпляре старого издания «Алфавита», хранящегося в Отделе нумизматики Исторического музея, с рукописными дополнениями генеалoga А.А. Сиверса, что было с благодарностью принято.

Еще одно приятное воспоминание связано с Отделом. В начале 1970-х гг. шепнули мне дежурные, что здесь будет выступать Н.Я. Эйдельман в связи с сенсационной находкой автографов А.С. Пушкина из архива П.И. Миллера. Совещение предназначалось только для сотрудников. Кто-то похлопотал, и с разрешения С.В. Житомирской меня допустили в служебное помещение. Выслушав доклад, я поняла, что никому из присутствующих не ясно, как из архива Миллера эти автографы перешли к современным владельцам. Но я знала родословную Миллеров, между делом фиксировала все попадавшиеся сведения о них и после доклада Н.Я. Эйдельмана показала их С.В. Житомирской. Тогда началось мое личное знакомство с Саррой Владимировной, чем я очень гордилась, тем более что эта история осталась запечатленной в статье Н.Я. Эйдельмана, где известный ученый поблагодарил студентку за предоставленную родословную².

Быть причастной к Отделу, знать С.В. Житомирскую – этого хватило для того, чтобы внимательно следить за всем, что происходило там в последующие годы. Многие становятся понятным только сегодня. Так, Сарра Владимировна пишет, что Отделу «аукнулось понимание профессиональных задач» (С. 392): «Необыкновенно высокие требования к своему делу и сыграли потом решающую роль в разгроме Отдела» (С. 403). Искоренялся дух служения науке, в Отделе теперь слышались фразы: «Читатель перебьется, ученый подождет» (С. 199). Перемены в Отделе рукописей стали необратимыми. Но до сих пор все, кому дорога судьба этого хранилища, одного из лучших в 1950-х – середине 1970-х гг., мучаются этим вопросом: почему удалось уничтожить все достижения того замечательного коллектива и разогнать его. Об этом С.В. Житомирская пишет, не снимая с себя вины, и размышления эти мучительны.

Мемуары Житомирской ценны для понимания жизни тех лет. Например, ее оценка одного из директоров библиотеки – Ивана Петровича Кондакова: «Всегда вспоминаю его с благодарностью, я с некоторым недоумением останавливаюсь в памяти перед загадкой его личности. Как смог человек, про-

шедший специфическую школу советского партийного и государственного функционера, успешно поднявшийся по ее ступеням до заместителя союзного министра, сохранить в себе базовые ценности преклонения перед литературой и наукой, мало того – необъяснимую для подобной биографии порядочность, никогда не позволявшую ему уклоняться от ответственности или свалить вину на подчиненных, даже если именно они побудили его к решению, за которое его трепали?» (С. 297). Но реально ли ждать от людей безупречного поведения? На этот вопрос Сарра Владимировна не раз отвечает, отмечая свои компромиссы (вступление в партию, например) или говоря о П.А. Зайончковском: «...случалось ему идти и на чрезвычайные уступки своей политической мимикрии, о чем он потом сожалел» (С. 173).

Тон мемуаров С.В. Житомирской, несмотря на кровоточащие сюжеты, на редкость беспристрастен, и труд ее более всего походит на труд летописца, когда он «в тихую обитель затворился». Разумеется, это не прямое затворниче-

ство, но такое подробное, размеренное описание московской жизни в 1930–1950-х гг. делает книгу ценнейшим источником для будущих историков. Взять хотя бы колоритные и подробные рассказы о московских коммунальках, воспоминания о няне, замечательной Васене³.

Особенно выразительно и полно представлена жизнь московской интеллигенции в послевоенные годы. В книге множество известных и малоизвестных имен, и замечательно, что она снабжена именованным указателем⁴. Жаль только, что в некоторых случаях в тексте отсутствуют необходимые комментарии, например, к фразе «мы с Сережей». Не всем читателям известно, что речь идет о зяте, С.В. Мироненко, в настоящее время директоре Государственного архива Российской Федерации.

Главное, что воспоминания эти написаны и книга с таким чудесным названием существует. Для меня очевидно, что все сделанное Саррой Владимировной Житомирской служит славе нашего общества, науки и Отечества, наконец.

¹ Зимин А.А. «Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут...» // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 63.

² Эйдельман Н.Я. Десять автографов Пушкина из архива П.И. Миллера // ГБЛ. Зап. Отд. рукоп. М., 1972. Вып. 33. С. 316.

³ Кстати, французский историк Жак Ферран издал в Париже в 1999 г. на французском языке сборник воспоминаний

о русских нянях. (*Ferrand J. Nianias. Souvenirs. Paris, 1999.*)

⁴ Указатель уже использовался для справок при подготовке книги «Дары и дарители», посвященной 50-летию Государственного музея А.С. Пушкина (М., 2007). Оказалось, что некоторые упомянутые С.В. Житомирской лица были дарителями Пушкинского музея.

**О.В. Рыкова, кандидат исторических наук,
заведующая отделом генеалогии и письменных
источников Государственного музея А.С. Пушкина**

Наши авторы

- Белая Татьяна Рифкатовна* – научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва.
- Березкина Татьяна Ивановна* – заведующая архивным отделом администрации г. Вичуги Ивановской области.
- Водотьянова Зоя Константиновна* – канд. ист. наук, главный специалист Российского государственного архива литературы и искусства, г. Москва.
- Дерендяева Светлана Тихоновна* – главный специалист – методист Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики, г. Ижевск.
- Иванова Татьяна Викторовна* – руководитель интеллектуального клуба «Эрудит», г. Вичуга.
- Кондрашин Виктор Викторович* – д-р ист. наук, заведующий кафедрой Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.
- Котюкова Татьяна Викторовна* – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва.
- Леонтьева Ольга Геннадьевна* – канд. ист. наук, заместитель начальника Архивного отдела Тверской области.
- Линькова Алла Петровна* – заведующая архивохранилищем Сызранского филиала Центрального государственного архива Самарской области.
- Любичанковский Сергей Валентинович* – д-р ист. наук, доцент Оренбургского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН.
- Минаков Андрей Сергеевич* – канд. ист. наук, доцент Орловского государственного университета.
- Нерозникова Наталья Дмитриевна* – заместитель директора Национального архива Республики Татарстан, г. Казань.
- Пиреев Артур Иванович* – канд. ист. наук, доцент Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова.
- Сокова Анжелика Николаевна* – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва.
- Старостин Евгений Васильевич* – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой Историко-архивного института РГГУ, г. Москва.
- Усачев Андрей Сергеевич* – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки, старший преподаватель РГГУ, г. Москва.
- Усманов Наиль Вакилович* – канд. ист. наук, доцент Бирской государственной социально-педагогической академии.
- Фельдман Дмитрий Захарович* – канд. ист. наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов, г. Москва.
- Хисамутдинова Наталья Владимировна* – канд. ист. наук, доцент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.
- Янчарук Дмитрий Викторович* – специалист Управления по делам архивов мэрии городского округа Тольятти.

CONTENTS

Articles and reports: *History and practice of archival matter and record keeping*: **N.D. Neroznikova**. Early officials of the Tatarstan Republic's National archive (1928–1938); **N.V. Hisamutdinova**. A.P. Georgievskiy, an initiator of archival records in the Primorye territory; **A.N. Sokova**, **T.R. Belaya**. 35th anniversary of the uniformed record keeping state system; **A.S. Usachev**. The degree register book and the tsar's archive records of the 16th century; **A.S. Minakov**. Universal national reports on the state of provinces, regions and urban authorities of the Russian empire: archive heuristics problems; **D.V. Yancharuk**. Estimate of a documents' informational potential at the Kuybyshev synthetic rubber-plant; **S.T. Derendyaeva**. From experience of the Centre of documentation on modern history in the Udmurt Republic about discovery and description of particularly valuable documents. *In funds of Russian and foreign archives*: **N.V. Usmanov**. American food aid to starving population of the South Ural in 1921–1923: documents of the Bashkortostan Republic's State Archive; **A.P. Linjkova**. Documents of the Syzran branch of the State Archive of Samara region on activity of American Relief Administration (ARA) in Volga region in 1921–1923; **T.V. Kotyukova**. Kerensky family in the Turkestan Territory (according to documents of the Uzbekistan Republic's State Archive); **O.G. Leontieva**. Russian emigrants' letters to A.F. Kerensky kept at the Humanity Research Center of the Texas University. *An archive presentation*: **T.I. Berezkina**, **T.V. Ivanova**. Municipal archive of Vichuga town. *Publications of documents*: «...Our country side is ravaged to the last seed». From a diary of K.L. Zelinsky, a literary critic, and summary reports of the Joint state political directorate (OGPU) on hunger in the USSR. 1933. By **Z.K. Vodopyanova**, **V.V. Kondrashin**; «Urgency about this reform is indisputable...» A short letter from B.V. Shtyurmer, Chairman of the Council of ministers to Emperor Nikolaus the Second on necessity of a regional reform. 7th of July, 1916. By **S.V. Lyubichankovskiy**. *Critiques and bibliography*: **E.V. Starostin**. Archives of the All-Russian extraordinary committee (VChK): a collection of documents; **A.I. Pireyev**. Past fate of the native land (Saratov academic archive commission and documentary heritage of the territory); **D.Z. Feljdmán**. Mindlin A.B. The role of state, political and public figures of the Russian empire in the fate of Jews. 1762–1917: a personnel reference book. *Information and chronicle*. From editorial mail: **O.V. Rykova**. The main thing is that these memoirs have been written and the book with such a marvellous title is in existence.

SOMMAIRE

Articles et communications: *Histoire et pratique de l'archivistique et du records management*: **N.D. Neroznikova**. Premiers dirigeants des Archives Nationales de la République de Tatarstan (1928–1938); **N.V. Khissamoutdinova**. A.P. Georgievskij – un des pionniers dans les archives du territoire du Primorie; **A.N. Sokova**, **T.R. Belaja**. Le Système de documentation d'Etat Unifié (EGSD) a 35 ans; **A.S. Oussatchev**. «Stepennaja kniga» (Livre des degrés de la généalogie impériale) et documents des Archives Royales du XVIème siècle; **A.S. Minakov**. Les rapports «vsepoddannejchie» sur l'état des provinces, des domaines et des gouvernements de ville de l'Empire Russe: problème de l'heuristique d'archives; **D.V. Jantcharouk**. Estimation du potentiel d'information des documents de l'Usine du caoutchouc synthétique de Kouïbychev; **S.T. Derendyaeva**. De l'expérience de travail du TsDNI (Centre de documentation de l'histoire contemporaine) de la République d'Oudmourtie sur la révélation et la description des documents particulièrement précieux. *Dans les Fonds des archives russes et étrangères*: **N.V. Ousmanov**. L'aide américaine aux affamés dans l'Oural du sud dans les années 1921–1923: documents des archives d'État de la République de Bachkortostan; **A.P. Lin'kova**. Les documents de la filiale de Syzran des Archives Centrales de l'Etat de la région de Samara sur l'activité de l'ARA dans la région de la Volga dans les années 1921–1923; **T.V. Kotjukova**. La famille Kerenskij dans le territoire de Tourkestan (d'après des documents des Archives Centrales de l'Etat de la République d'Ouzbékistan); **O.G. Leont'eva**. Lettres des émigrants russes à A.F. Kerenskij au Centre des études humaines de l'université de Texas. *Archives à présenter*: **T.I. Berezkina**, **T.V. Ivanova**. Les archives municipales de la ville de Vichouga. *Publications des documents*: «...Notre village est dévasté jusqu'au dernier grain de semence». Extraits des journaux du critique littéraire K.L. Zelinskij et des bulletins d'information d'OGPU sur la famine en URSS. L'an 1933. Publication préparée par **Z.K. Vodopyanova**, **V.V. Kondrachine**; «Transformation, une autre urgence de laquelle est indiscutable...» Note du président du Conseil des ministres B.V. Shtürmer à l'empereur Nicolas II sur la nécessité de la tenue de la réforme régionale. Le 7 juillet 1916. Publication préparée par **S.V. Lyubitchankovskij**. *Critique et bibliographie*: **E.V. Starostine**. Archives de VTchK: Recueil de documents; **A.I. Pireev**. Le destin passé du pays natal (Commission scientifique d'archives de la ville de Saratov et le patrimoine documentaire du pays); **D.Z. Feldman**. Mindline A.B. Hommes d'Etat, hommes politiques et personnalités publiques de l'Empire Russe dans les sorts des Juifs. Les années 1762–1917: Guide des personnalités. *Information et chronique*. Extraits de la correspondance de la rédaction: **O.V. Rykova**. L'essentiel est que ces souvenirs sont écrits et le livre avec un nom si merveilleux existe.

Номер подготовили:

Главный редактор: **Бондарева Татьяна Ивановна**
Заместитель главного редактора: **Кобелькова Лариса Александровна**
Редакторы отделов: **Водопьянова Зоя Константиновна,**
Осин Владимир Михайлович,
Ситникова Валентина Васильевна
Ведущий редактор: **Виноградова Вера Михайловна**
Корректор: **Островская Галина Алексеевна**
Компьютерная верстка: **Карпухина Елена Валентиновна**

Редакция принимает статьи по истории, теории, практике архивного дела и делопроизводства объемом 0,5–1 авт. л. (до 40 тыс. знаков), рецензии на публикации архивных документов и справочников – до 0,5 авт. л., тексты не издававшихся ранее архивных документов с вводной статьей и комментариями – до 1,5 авт. л. (дневники и воспоминания – до 3 авт. л.), информационные сообщения на 2–5 с. машинописного текста.

Рукописи и изобразительные материалы оформляются согласно ГОСТ 7.89–2005. «СИБИД. Оригиналы текстовые авторские и издательские», представляются обычной (не заказной) почтой на любом электронном носителе в формате IBM PC Word for Windows с экземпляром в бумажном варианте или по электронной почте (otech_arch@mail.ru). Шрифт «Таймс», кегль 14. Затекстовые ссылки (и комментарии) – кегль 12. Изображения в формате TIFF разрешением не менее 300 dpi. Указываются фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень и звание, почтовый и электронный адреса, номер телефона автора.

За публикацию работ плата не взимается.

Редакция информирует автора о приеме материалов либо об отказе в публикации. Рукописи рецензируются.

Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала «Отечественные архивы»»
Наш адрес: 119991, Москва, ГСП-1, Б. Пироговская, 17
тел. 8 (499) 245-09-01, 8 (495) 580-87-32, тел/факс 8 (499) 246-03-00
E-mail: otech_arch@mail.ru; otech_arch@mtu-net.ru
<http://www.rusarchives.ru/publications/otecharh/index.shtml>

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. № 1303.

*УЧРЕДИТЕЛИ: редакция журнала,
Росархив.*

Подписано в печать 22.01.2009. Формат 70x100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр. отт. 10,4. Уч.-изд. л. 15.

Тираж 2400 экз.

Заказ № 4932. Цена для подписчиков 190 руб.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru; E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8 (49672) 6-25-36; 8 (499) 270-73-00
отдел продажи услуг: 8 (499) 270-73-59

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации
«Архивная школа»

«Архивная школа» имеет лицензию и аккредитацию в рамках Российского государственного гуманитарного университета на ведение всех видов образовательной деятельности. Обучение в «Архивной школе» предназначено для повышения профессиональных знаний в области делопроизводства и архивного дела:

- *второе высшее образование по специальностям:*

030402 «Историко-архивоведение», квалификация – «историк-архивист»;

032001 «Документоведение и документационное обеспечение управления», квалификация – «документовед», специализация «Документовед – специалист по документированию деятельности кадровой службы». Срок обучения – 3 года.

- *среднее профессиональное образование по специальности*

032002 «Документационное обеспечение управления и архивоведение», квалификация – «специалист по документационному обеспечению управления и архивист». Срок обучения – 2,5 года.

- *курсы повышения квалификации*

для работников делопроизводственных, кадровых, банковских и архивных служб.

Формы обучения: очно-заочная, заочная,
дистанционная и группы выходного дня

Оказываем содействие в трудоустройстве выпускников

Адрес факультета: Россия, 103012, г. Москва,
ул. Никольская, д. 15 (для «Архивной школы»);
Телефон/факс: (495) 628-92-21.
E-mail: arhschool@yandex.ru
<http://rsuh.ru>, <http://iai.rsuh.ru>

Проезд:
м. «Площадь Революции»,
«Театральная», «Лубянка»
ул. Никольская, 15,
кабинет № 3

Компания «Средмашкомплект» предлагает:

Максимальное использование объема в зависимости от конфигурации помещения, по собственной разработке или по размерам заказчика!!!

- ✓ Стеллажи передвижные, стационарные, двухъярусные, для киноленок.
- ✓ Шкафы, комоды.
- ✓ Выставочное оборудование.
- ✓ Тележки различного назначения.

Бесплатный выезд для замеров помещений, предложим оптимальный вариант размещения оборудования.

**Нашими клиентами уже стали
Госфильмофонд России, Объединение «Гознак»,
федеральные государственные архивы (ГАРФ, РГВИА,
РГАЭ, РГАНТД и др.), музеи, администрации ряда областей.**